

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Окумбеков Ринат

ТРАНЗИТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
В НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Махмутова Евгения Викторовна,
кандидат политических наук

Москва – 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования неопатримониализма	15
1.1 Неопатримониализм как категория политической науки	15
1.2 Современные классификации неопатримониальных режимов	36
1.3 Факторы устойчивости неопатримониальных режимов в Центральной Азии	56
Глава 2 Факторы режимной динамики неопатримониального режима в Республике Казахстан.....	83
2.1 Инкумбент как основной фактор устойчивости неопатримониализма в Казахстане	83
2.2 Трансформационные процессы неопатримониального режима в Казахстане.....	104
2.3 Механизм завершения транзита политической власти в Казахстане, преодоление институциональных ловушек	128
Заключение	153
Список литературы.....	161
Приложение А Сто основных инициатив Президента К. Токаева.....	187

Введение

Актуальность темы исследования. Трансформация недемократических режимов и переход к демократии – это одна из наиболее существенных составляющих современного мирового прогресса. В конце XX века демократические политические системы утвердились в более чем ста странах мира. Такую тенденцию к увеличению количества демократий Л. Даймонд назвал «беспрецедентным демократическим прорывом» [32]. Большая часть этих политических транзитов от неопатримониальных режимов к новому политическому устройству произошла в период «третьей волны» демократизации, хронологические рамки которой были определены как 1974-1990-е годы [9]. Значительную роль в развитии этой «третьей волны» сыграл крах социалистических режимов, произошедший на рубеже 1980-1990-х годов в странах Центральной и Восточной Европы и СССР.

Постсоветские страны, к которым принято относить новые независимые государства, образованные после распада СССР на основе его бывших республик, с первых шагов пребывания в суверенном статусе провозгласили курс на переход от авторитарных режимов к демократическому строю и рыночной экономике. Это подтолкнуло политическую науку искать новые определения режимных трансформаций. Концепция неопатримониального господства неовеберийанской школы политической социологии представила наиболее перспективную альтернативу транзитологии [67].

Однако тридцать лет спустя о последствиях практической реализации этих намерений редко упоминается в положительном ключе. Радикальные политические трансформации затронули преимущественно сферу социальных институтов, а что касается демократических процедур и практик, здесь положение дел достаточно противоречивое. На фоне мировых кризисов и внутренних проблем распространение концепта «демократического транзита» в странах СНГ все больше сталкивалось с новыми вызовами и угрозами.

Вследствие этого сегодня на постсоветском пространстве наблюдаются противоречивые процессы, различные тенденции общественно-политического развития, которые требуют тщательного научного анализа.

В данном контексте особого внимания заслуживает транзит политической власти в Республике Казахстан, который с учетом событий последних нескольких лет (добровольное отречение от власти первым президентом в 2019 году, попытка государственного переворота 2022 года, конституционные реформы, путь на построение «Справедливого Казахстана») в научно-экспертном сообществе приобрел особо противоречивые концептуализации.

Добровольное отречение от политической власти действующего президента в Казахстане, *создало прецедент* в политической науке в центральноазиатском пространстве и заслуживает углубленного анализа политического транзита как естественной эмпирической базы для апробации в области политических трансформаций и представляет академический интерес с целью прогнозирования дальнейшего развития политических режимов Центральной Азии и постсоветском пространстве в целом (в свете изменений в Конституцию Узбекистана, прошедших выборов в Туркменистане, и накануне очередных электоральных циклов в Таджикистане и других странах).

Рассматривая концепцию неопатримониализма по оригинальной идее Ш. Эйзенштадта [151] как сбалансированного взаимодействия формальных и неформальных институтов, ученые с начала 2000-х годов наряду с другими постсоветскими республиками начали относить Казахстан к странам с неопатримониальным режимом [69].

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что политический транзит в республике соткан из противоречий и парадоксов. Трансформация политического режима с первых ее шагов представляла собой реализацию ряда сверхсложных геополитических, политических, экономических и культурных проектов. Она сочеталась с модернизационными всплесками, которые время от времени сопровождались попытками их перевода на постоянную,

системную основу. Кроме того, переходные процессы характеризовались борьбой разных социально-политических сил за реализацию сценариев, отвечающих их интересам и определенному институциональному развитию.

С учетом вышеизложенного изучение институтов политического транзита власти в Казахстане является крайне интересной и малоисследованной темой в современной политической науке. Вместе с феноменом самих институтов политического транзита, осознанием их роли и результатов работы, большую ценность представляет анализ факторов, влекущих их создание и определенную траекторию функционирования. Также парадоксы демократизации в Казахстане актуализируют исследование данной проблематики и в ретроспективном ключе, поскольку многие нынешние трудности имеют генетическую связь с первичными проблемами политических трансформаций центральноазиатской постсоветской республики. В свете неудавшегося государственного переворота и драматических событий января 2022 года обозначенные вопросы вызывают не только академический интерес, но и оказывают непосредственное влияние на политическую практику в Казахстане.

Изучение политических трансформаций в Казахстане представляет дополнительный интерес в связи с кризисом международных отношений и возникновением новых факторов влияния на геополитику и геоэкономику в регионе. Россия, Китай, США, «тюркский мир» и Европейский союз как ключевые международные акторы рассматривают Казахстан исключительно важным участником на постсоветском пространстве.

Степень разработанности темы исследования. Исходя из понятия «режима» Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера [203] и предложенного А.И. Соловьевым определения «политического режима» [6], взяв за основу анализ политических трансформаций с позиции неопатримониального подхода классических работ М. Вебера [21], трудов Ш. Эйзенштадта [151], С. Декало [141], Р. Дикса [146], Г. Рота [211], Р. Теобальда [82], М. Брэттона, Н. Ван де Вале [123], режимных трансформаций на постсоветском

пространстве Л. Вэя [225], В. Гельмана [1; 28; 29], П. Джонс-Луонга [193], А. Ильхамова [174], К. Коллинза [134], А. Куртова [47], А. Кынева [48], Б. Макаренко [53], А. Маркарова [55], К. Мацузато [197], М. Олкотта [4], Э. Уилсона [227], А. Фисуна [91; 86], С. Фиша [159], Д. Фурмана [8], Ю. Хаски [172], Г. Хейла [87], Д. Норта [202], Б. Мадьяра и Б. Мадловича [3], автор считает возможным использовать предложенную теоретическую концепцию неопатримониальных режимов в своем исследовании.

Трансформация политических режимов является одним из доминирующих направлений в сравнительной политологии. Этим процессам на постсоветском пространстве посвящено достаточно много работ как отечественных, так и зарубежных авторов, из числа которых следует выделить С.А. Притчина [77], В.И. Сальникова, Е.В. Котова [79], И.А. Максимцева, Н.М. Межевича, Н.П. Сироту [54], Т. Колтона [135], Э. Рохо-Лабайена, А.Р. Диаса [210].

Осмысление неопатримониальных систем и причин их возникновения прослеживается в работах А. Жолдошова [94], З.Р. Битиевой, Е.В. Афанасьевой, А.С. Ярошенко [20], Т. Деммельхубера [143].

Особенности формирования новых и специфические черты функционирования традиционных институтов в условиях трансформации политической системы общества описываются Д.И. Березюком, А.А. Кляшториным [18], Д.Э. Летняковым [49; 50], В.Н. Вьюновым [24], В.П. Зубковым [2], А.П. Тулсирамом [155], А. Авакьяном [11], Д. Асемоглу и Д. Робинсоном [110], С. Энгин-Демиром [142], Б. Мадьяром и Б. Мадловичем [3].

Отличительные черты клиентелизма в Казахстане, а также других неформальных институтов, причины по которым коррупция и nepотизм вытесняют конституционализм и верховенство права в стране раскрывают в своих публикациях А.Н. Оставная, Е.В. Масленкова, А.Х. Рахмонов, Д.А. Жампеисов, Е.А. Бородулина [75], М.О. Дмитриева, З.В. Давыдов [33], Д.И. Березюк, А.А. Кляшторин [18].

Отдавая должное предыдущим фундаментальным исследованиям эволюции политической власти в непатримониальных режимах, следует отметить, что в этой тематической области все еще остается много вопросов и дебатов, как теоретических, так и практических, связанных с особенностями демократизации в отдельных странах, в частности, в Казахстане.

Так, в более углубленном анализе нуждаются межэлитные отношения, являющиеся характерной чертой неопатримониальных режимов, а также типология моделей перехода транзитных обществ в рамках классических концепций. Кроме того, изучение только структур или ключевых акторов без учета институциональной основы гибридных режимов не дает однозначного ответа на вопрос об их шансах осуществить демократический переход. Отдельного внимания заслуживают причины и механизмы активации политического транзита в Казахстане, а также факторы, способствующие созданию институтов политического транзита. В четкой формализации и уточнении нуждаются международные факторы влияния на трансформационные процессы в Республике Казахстан. Достаточно фрагментарно и несистемно представлены в современной литературе политико-культурные аспекты трансформационных процессов в разрезе ценностных ориентаций и участия в политической жизни страны граждан Казахстана.

Объект исследования – транзит политической власти в неопатримониальных режимах Центральной Азии.

Предмет исследования – транзит политической системы в Республике Казахстан через призму взаимодействия формальных и неформальных институтов, в частности, клиентелизма, nepотизма и неформальных соглашений элит.

Цель исследования – выявление специфики политического транзита в Республике Казахстан в условиях неопатримониального режима.

В соответствии с целью исследования в работе необходимо решить следующие задачи:

1) определить понятие неопатримониализма как категории политической науки;

2) изучить современные классификации неопатримониальных режимов;

3) определить факторы устойчивости неопатримониализма на основе анализа политических режимов стран Центральной Азии; обосновать применимость категории неопатримониализма как категории политической науки к политическим процессам в Казахстане;

4) выявить сущность и особенности инкумбента как основного фактора устойчивости неопатримониализма в Казахстане;

5) обосновать применимость категории транзита политического режима в Казахстане,

6) выявить структурные и процедурные факторы динамики и механизма завершения политического транзита, предложить пути преодоления институциональных ловушек.

Область исследования диссертации соответствует п. 3. «Политическая власть: природа, сущность и функции, легитимность. Властный процесс и политические институты»; п. 6. «Политическая система и политические режимы: структура, функции, типы и разновидности»; п. 17. «Политические изменения и развитие. Политические реформы и революции» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Методология и методы исследования. Методологическую базу многоаспектного анализа исследования составляет комплекс подходов, в частности, транзит политической власти в Казахстане является синтезом нескольких компонентов:

– процедурные теории, включающие в себя концепт неопатримониализма. Данный концепт использовался для выяснения природы режимов в Центральноазиатских странах. Такая теоретическая парадигма позволяет выявить динамику режима и факторы его устойчивости. Одно из

важнейших условий политической стабильности связано с формированием патронажных сетей политических лидеров в постсоветской политической реальности;

– неоинституциональный подход в исторической версии – в качестве общей методологии и выявления особенностей общественно-политического развития страны. Преимущество данного подхода заключается в том, что он позволяет включить в анализ не только формальные правовые нормы, регулирующие поведение политических акторов, но и неформальные аспекты политики, играющие важную роль в неоптимальных условиях;

– транзитологический – в качестве теоретической составляющей Транзитология фокусируется на интерпретации «траектории» трансформации так называемых «переходных обществ», что позволяет инструментально оценить текущий демократический уровень политической системы;

– методы компаративистского анализа политики используются для межгосударственного анализа кейсов и предполагают применение методов контент-анализа и ивент-анализа.

– нормативно-ценностный, сравнительно-политологический, системный и сравнительный методы исследования.

Источниковая и эмпирическая база исследования представлена несколькими группами источников.

К первой группе источников относятся нормативные правовые акты Республики Казахстан. На основе этих источников исследуется правовая среда и проводится анализ процедурных механизмов институциональной трансформации в переходный период Республики Казахстан.

Вторая группа источников используется для получения документальных материалов и официальной деятельности Президента Казахстана. В группу входят сайты политических партий и организаций, официальный сайт Президента Республики Казахстан с публикациями посланий, выступлений и мероприятий Главы государства.

К третьей группе относятся источники информации, содержащие

информацию об электоральной статистике, статистические данные, а также различные базы данных и индикаторы (отечественные и зарубежные), которые раскрывают характеристики режима и динамику режимных форм в изучаемых случаях.

Научная новизна исследования заключается в следующем: с позиции концепции неопатримониализма выявлены структурные и процедурные факторы динамики трансформации политического режима в условиях политического транзита, а также предложены пути решения проблемы преодоления институциональных ловушек в ходе реформирования политической системы на примере Республики Казахстан.

А именно:

а) определены факторы устойчивости неопатримониализма на основе анализа политических режимов стран Центральной Азии;

б) установлены сущность и особенности инкумбента как основного фактора устойчивости неопатримониализма в Казахстане;

в) с позиции концепции неопатримониализма выявлены структурные и процедурные факторы динамики трансформации политического режима в современном Казахстане;

г) определены перспективы общественно-политического развития страны в период, который еще мало изучен в современной российской и зарубежной историографии, а также предложены пути решения проблемы преодоления институциональных ловушек в ходе реформирования политической системы Республики Казахстан.

Положения, выносимые на защиту:

а) Неопатримониальные режимы обладают следующими ключевыми признаками: 1) концентрация власти; 2) систематический клиентелизм; 3) партикуляристское использование государственных ресурсов. В соответствии с этими признаками типология неопатримониальных режимов включает персонализированный и олигархический неопатримониализм, а также системы с высокой, средней и низкой степенью патримониализации

(С. 36-56);

б) детерминантами успешности и устойчивости инкумбента в Казахстане (С. 83-104) являются: авторитет, то есть вера народа в легитимность режима и в свой моральный долг подчиняться ему; человеческие ресурсы – количественный и качественный состав лиц и групп, которые подчиняются, сотрудничают или помогают правителю; знания и навыки, необходимые режиму для реализации своей программы и обеспечения сотрудничества с этими лицами и группами; нематериальные факторы, психологические и идеологические, которые помогают манипулировать людьми; финансовая база в объеме, достаточном для того, чтобы правители контролировали стратегические предприятия, природные ресурсы и экономическую систему государства в целом;

в) траектория развития политического режима в Казахстане, являясь комбинацией политического, экономического и социологического аспектов, показывает динамику перехода от неопатримониального режима к демократическому (С. 126). Критерием данного изменения являются выявленные процедурные и структурные факторы динамики трансформации (С. 112–128);

г) движущим механизмом завершения политического транзита в Казахстане является выстраиваемая система общественно-политических и экономических отношений, главная задача которой заключается в формировании новой «политической матрицы», базирующейся на демократических принципах правления (С. 128-143), что позволит стране избежать институциональные ловушки в ходе реформирования политической системы Республики Казахстан (С. 143-152).

Основными элементами механизма являются: формирование нового политического класса в стране; укрепление солидаристской основы общества; институционализация партийной системы и ее внутренняя демократизация; преодоление патерналистского инфантилизма и развитие политической культуры

населения; деолигархизация политической системы.

Устранение, как и разблокирование институционального кризиса в стране в процессе построения «нового-Справедливого Казахстана» возможно благодаря институциональным реформам, основанным на предвидении и моделировании поведения экономических агентов, формировании новых элит и введения практик надлежащего управления на всех уровнях.

Теоретическая значимость работы. Комплексный характер работы расширяет возможности целостного понимания и многоаспектного изучения трансформационных процессов в казахстанском обществе с позиций политических и социо-гуманитарных наук.

Выводы и авторские наработки могут быть полезны исследователям политического режима и политических институтов Республики Казахстан, а также других постсоветских республик в таких областях, как сравнительная демократизация, страноведение, конституционное право, транзитология, сравнительный политический анализ.

Практическая значимость работы. Выводы и положения, приведенные в диссертации, могут использоваться в практике властных институтов и правительства Казахстана для реформирования политической системы страны в рамках ее модернизационного продвижения к демократии.

Полученные результаты исследования могут использоваться для разработки авторских курсов «Посткоммунистические трансформации», «Социология политического конфликта», «Общая теория политики», читаемых для студентов специальности «Политология».

Отдельные положения и рекомендации могут найти свое применение в практической деятельности негосударственных и общественных объединений, связанной с вопросами политического реформирования.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Все результаты исследований, описанные в данной работе, были получены автором самостоятельно. Результаты и основные положения данной работы обладают подтвержденной степенью достоверности, а

использованные методы научного исследования соответствуют целям и задачам исследования, концепту неопатримониализма, положениям транзитологических теорий, а также ранним результатам по исследуемой проблематике. Специальная научная литература и законодательная база, а также исходные статистические и справочные данные, связанные с транзитом политической власти, были использованы при написании данной диссертации.

Основные теоретические и методологические положения, результаты и выводы исследования обсуждались и получили положительную оценку на следующих мероприятиях: на LXXIII Международной научной конференции «Актуальные научные исследования в современном мире» (г. Переяслав, Институт социальной трансформации совместно с Переяслав-Хмельницким государственным педагогическим университетом, 26-27 мая 2021 года); на IX Международной научно-практической конференции «Управленческие науки в современном мире» (Москва, Финансовый университет, 9 ноября 2021 года); на VII Международном форуме Финансового университета «Экономические бои без правил: рецепты победы» (Москва, Финансовый университет, 22-23 ноября 2022 года).

Материалы диссертации используются в проектной деятельности Общественного фонда «Центр поддержки «ISKER» (Республика Казахстан, г. Алматы) при оказании услуг по проведению курсов повышения квалификации государственных служащих и представителей СМИ. Материалы исследования основные положения и выводы используются Фондом и в практической работе по реализации основных идей в части реализации программы модернизации общественного сознания молодежи.

В работе Фонда используется описанная в исследовании трансформация политической системы Республики Казахстан через призму взаимодействия формальных и неформальных институтов и сценарии возможных перспектив политической модернизации, комплексный анализ политических преобразований в Республике Казахстан и эволюции модели общественно-политического развития страны в условиях

неопатримониализма.

Материалы диссертации использовались Департаментом политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Политология», «Особенности политических систем стран Востока», «Основы государственного устройства и принятия политических решений».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, общим объемом 4,48 п.л. (авторский объем 4,23 п.л.), в том числе 4 работы общим объемом 2,58 п.л. (авторский объем 2,33 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России. Все публикации по теме диссертации.

Структура и объем диссертации обусловлены целями, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы из 229 наименований и одного приложения. Текст диссертации изложен на 201 странице, содержит 7 таблиц, 5 рисунков.

Глава 1

Теоретико-методологические основы исследования неопатримониализма

1.1 Неопатримониализм как категория политической науки

Динамика развития современных политических процессов в мире на фоне углубления социальной дифференциации и усложнения структурных характеристик современных форм организации общества порождает многообразный спектр политико-режимных моделей управления, что в свою очередь обуславливает запрос на поиск адекватных исследовательских стратегий и новых эксплуатационных категорий в политической науке. Теоретическую остроту и практическую сложность этой задаче придает нелинейность траектории развития социальных изменений. Известно, что каждый политический режим представляет собой уникальное явление. Признаки режима изменяются в зависимости от контекста его формирования. В целом политическое устройство «копирует» составляющие политической системы. Особый акцент необходимо сделать на том, что проблематика властных отношений в обществе в рамках научной дискуссии приобретает особую актуальность в связи с трендами общей антидемократической направленности многих структурных трансформаций позднего капитализма.

В современной политической науке сформировался целый кластер исследований политико-режимных форм управления – от анализа трансформации демократических систем в контексте глобализационных процессов (Дж. Бессан [118], П. Бурнелл [125], О. Эрсин [154], С. Ло [192], Э. Пабст [5], Л. Томини [220], Х. Угарица [222], В. Шелдон [212]) до изучения принципов «успеха» функционирования современных автократий (Н. Джебнаун [177], Ф. Каулингфрекс [180], А. Круассант [138]). Среди исследований последнего времени отдельно следует выделить работу

А. Сьяроффа, который осуществил комплексную оценку политических систем, действующих в современном мире, путем классификации 193 государств на основе выделения четырех типов различных режимов: либеральных демократий, электоральных демократий, полу либеральных автократий и закрытых автократий, что позволило автору выйти на объяснение вопроса, почему страны тяготеют к конкретному типу режима управления [213]. Отдельного внимания заслуживает работа Б. Мадьяра и Б. Мадловича, предложивших актуализированный теоретический инструментарий анализа политических процессов, а также модели траектории режимов на постсоветском пространстве, стран Центральной Европы и Китая [3].

В спектре внимания российских ученых находятся вопросы демократического транзита постсоветских стран, изучение опыта реализации модернизационных проектов, поиск наиболее приемлемых моделей и механизмов демократизации современного общества. Над данной тематикой работают Е.А. Ковтун [42], Г.Б. Батыгова [16], В.А. Медлярский [57], Е.В. Ветрила, А.В. Редкозуб, Я.П. Безродных [22].

Такие ученые, как Л. Даймонд [32], Х. Линц, А. Степан [51; 191] изучают закономерности и особенности посткоммунистических трансформаций, которые связаны с парадигмой транзита. В рамках транзита исследователи формализуют такие фазы, как эрозия и распад авторитаризма, либерализация, институциональная демократизация, неконсолидированная демократия, демократическая консолидация. Так, например, Л. Даймонд отмечает, что «в теоретической и эмпирической литературе по политическим системам (а объем ее быстро увеличивается) царят столь значительные концептуальные путаница и беспорядок, что Д. Коллер и Ст. Левицки смогли обнаружить более 550 «подвидов» демократии» [32].

В то же время есть такие предметные плоскости, которые пока не получили должной теоретико-методологической проработки в рамках политической науки, к таким дискуссионным сферам, в том числе, относится неопатримониальный политический режим.

В настоящее время терминология и «язык» неопатримониализма настолько проникли в освещение различных событий, что поток идей и фактов, генерируемых по результатам научных исследований, продвигаемых в публикациях СМИ создал само подкрепляющийся дискурс. Понятие «неопатримониализм» используется для описания различных стилей осуществления власти, идиосинкразических манер отдельных лидеров и социальных практик внутри государств [144]. В некоторых исследованиях неопатримониальные режимы в развивающихся государствах рассматриваются через призму уровня коррупции и бедности, к которым они приводят [211]. Также концепция неопатримониализма зачастую используется в сравнительном анализе, направленном на выяснение причин неудовлетворительных результатов развития некоторых стран по сравнению с другими регионами развивающегося мира [207].

С учетом вышеизложенного можно отметить, что четкая артикуляция неопатримониализма как категории политической науки представляет собой достаточно сложную и нетривиальную задачу, для решения которой необходимо принимать во внимание следующие ключевые моменты.

Во-первых, теоретическое осмысление и анализ неопатримониального политического режима должны быть основаны на системном подходе.

Во-вторых, следует четко распределять концептуальные модели неопатримониализма и его практическую реализацию.

В-третьих, целесообразно акцентировать внимание на том факте, что в практическом измерении неопатримониальные политические режимы отличаются несколько базовых принципов в функционировании.

Рассмотрим более подробно эволюцию неопатримониализма и исходные положения его концептуальной интерпретации в политическом научном поле.

Само определение и трактовка термина «неопатримониализм» является диалектическим. Неопатримониализм, по мнению многих, является фундаментальным (и даже неотъемлемым и неизбежным) препятствием,

которое мешает обществам развиваться и отойти от экономики первичного экспорта [59]. Насколько это верно и может ли вообще этот термин быть полезным при изучении того, как реализуется современная политика в развивающихся государствах, является дискуссионным вопросом.

Тема неопатримониализма неразрывно связана с определением авторитарных и автократических режимов с разными прилагательными, поскольку находятся в противоположной части демократических доктрин. Среди известных концептов, используемых для анализа переходных моментов в политической среде, на сегодняшний день актуальным является неопатримониальный подход. Первоначальный акцент на неопатримониализме был сделан в работах немецкого социолога М. Вебера (1864-1920 гг.). Ученый выделял три типа власти в патримониальном режиме: легальную, традиционную и харизматическую, не упоминая о каких-либо корреляциях между патримониализмом и неопатримониализмом [248].

Следует также отметить, что анализируя и обосновывая различные типы патримониализма, М. Вебер выделил их разновидности. Такой патримониализм может существовать в рамках крайне прогрессивных политических и социальных институтов, например, монополий в наиболее прибыльных сферах деятельности, основанных на взимании сборов и обязательных платежах, а отчасти и на деспотичном налогообложении. В таких случаях, в зависимости от конкретного типа монополии, структура рынка и его конъюнктура формируются более или менее иррациональным образом, а важные возможности и способы получения прибыли аккумулируются в руках доминирующих игроков и приближенного к ним управленческого контура [85].

Идея о том, что неопатримониализм имеет четкие отличия от патримониализма, была впервые сформулирована в книге «Демократические эксперименты в Африке», авторами которой являются М. Браттон и Н. Ван де Валле. Исследователи отмечали, что «при патримониализме все властные отношения между правителем и управляемым (как политические,

так и административные) являются личными отношениями; нет различия между частной и публичной сферами». С другой стороны, ученые делают акцент на том, что неопатримониализм означает реформацию термина «патримониализм», который в прошлом был доминирующим типом правления в развивающихся странах. В свою очередь патримониализм, как объясняют Браттон и Ван де Валле, означает доминирование всех секторов и аспектов страны под властью одного правителя [123].

Многие исследователи считают, что в целом концепция неопатримониализма в полной мере находится в рамках позиции М. Вебера относительно того, что «патримониализм является вполне совместимым явлением с капитализмом и выступает стимулом развития некоторых ограниченных его разновидностей». Как отмечает ученый, «когда господствует патримониальная власть может возникнуть только:

- а) капитализм, который развивается на откупе налогов, сборов и руководящих должностей;
- б) торговый капитализм;
- в) капитализм, базирующийся на государственных поставках и военных подрядах;
- г) колониальный и плантационный капитализм (при определенных обстоятельствах)» [226].

М. Вебер считает, что «все эти капиталистические конструкции внутренне присущи патримониализму и развиваются прежде всего потому, что им не мешают нерациональные и несистемные действия в отношении отправления правосудия», налогообложения и управления государственной системой [226].

В подтверждение позиции М. Вебера, необходимо отметить, что, как свидетельствует история, капиталистическое развитие не всегда берет начало в полноценном капиталистическом классе. Оно часто происходит в рамках целого ряда классовых коалиций. Многие практики, связанные с неопатримониализмом, лежат в основе примитивного накопления. Отнюдь

неидеальная веберовская модель управляла быстрой индустриализацией Германии в конце XIX века, а «союз железа и ржи», который связал более феодальные элементы картелей в тяжелой промышленности, и этот процесс А. Гершенкрон назвал «феодализацией буржуазии» [163]. Отношения между государством и национальным капиталом включали формы встроенности, близкие к клиентелизму.

Траектория развития мировой цивилизации наглядно свидетельствует о том, что неопатримониализация буржуазии может быть вполне совместима с капиталистическим накоплением. Так было в Восточной Азии и во многих случаях в Африке. В статье о Ботсване Э. Питчер, М. Моран и М. Джонстон утверждают: «Одним из успешных примеров Африки может быть также одно из ее наиболее очевидных «родовых» или «неопатримониальных» государств. В Ботсване сложные взаимные отношения связывают правительство и его граждан, законность создается и укрепляется как на основе верховенства права, так и на основе личных связей, и между личностью и обществом существуют взаимные отношения» [206].

В одних местах неопатримониализм и формирование капиталистического класса происходили одновременно, а в других нет, в зависимости от социально-экономических условий того времени. И на вопрос о том, будет ли в постколониальных или посткоммунистических странах неопатримониализм препятствовать зарождению капитализма или нет, нельзя ответить, используя только логику неопатримониализма. В конечном счете это эмпирический вопрос, и имеющиеся данные для единственно правильного ответа весьма неоднозначны и противоречивы.

Для более полного понимания роли и места неопатримониализма в политических системах необходимо уточнить его категориальную и содержательную сущность.

Ряд отечественных авторов считает, что неопатримониальная общественно-политическая система управления страной по принципам функционирования является близкой к корпоративистскому режиму.

Неопатримониализм может реализовываться как в рамках так называемых «фасадных демократий», так и в полу либеральных или закрытых автократиях [20]. Политические решения в неопатримониальных режимах принимаются в системах, функционирующих по принципам клиентализма и патронажных отношений [67].

Следует обратить внимание на подход российского ученого С.Н. Шкеля, который отмечает, что неопатримониализму присущи некоторые универсальные характеристики, ключевыми из которых являются рентоискательство, персонализм, пребендализм и коррупция. Конкретный спектр неформальных практик и приемов, которые определяют формирование властной коалиции политического лидера, в страновом и региональном аспекте могут существенно различаться [91].

По определению А. Томсона, патронаж заключается в централизации власти на «человеке, которому все в системе обязаны своим положением». По сути, это «отношения обмена между неравными» [219]. М. Дойдж отмечает, что это политический режим, основанный на личном использовании одним человеком или партией государственных ресурсов и преимущественном (вместо меритократического) назначении государственных служащих, что может быть истолковано как явная коррупционная практика и нелегитимное поведение, согласно правилам, принятым в межнациональном сообществе [147].

К.В. Мельников считает, что в неопатримониальных автократиях ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах принадлежат лицам, приближенным к главе государства, а именно клиентарно-патронажным сетям, которые формируются вокруг него. В рамках такого политического режима: различные политико-экономические элиты клиентарно-патронажные сети, различные корпоративные образования и даже формальные партии власти [86] организуют взаимосвязь между неопатримониальным центром путем вхождения в, или формальную партию власти. Неформальные отношения в системах автократического правления

оказывают непосредственное влияние на процессы выработки и реализации политических решений [58].

Однако для некоторых ученых патримониализм не является синонимом коррупции, «плохого управления», насилия или свидетельства слабости государственного аппарата: это, скорее, отдельная форма обретения легитимности и преодоления трудностей в управлении страной [206]. Неопатримониализм (или современный патримониализм [153]), таким образом, возникает там, где политике покровительства удалось «вытеснить юридически-рациональный аппарат» (перенятые бюрократические институты). Это привело к появлению «гибридных» государств, где современные формальные институты существуют наряду с режимами, «основанными на предоставлении и оказании услуг» [139], и где дихотомия государственного/частного сектора в политических решениях и распределении ресурсов становится трудноразличимой.

Достаточно интересной является позиция ученых, которые исследуют концепцию неопатримониализма через призму развития африканских государств. Так, они отмечают, что при неопатримониализме в контексте африканских правительств вся власть находится в руках одного правителя, как и при патримониализме [66]. Высказывание Гастингса Банды, бывшего президента Малави, отражает поведение правителя, который следует этике неопатримониализма: «Нет таких дел, которые не являются моими в этой стране: все является моим делом. Состояние образования, состояние нашей экономики, состояние нашего сельского хозяйства, состояние нашего транспорта – все это мое дело» [248]. Как видно из этой цитаты, главы правительств в Африке доминируют во всех сферах жизни; тем не менее ученые считают, что разница между неопатримониальным и патримониальным режимами заключается в том, что в отличие от патримониализма при неопатримониализме государственный и частный секторы якобы разграничены и разделены.

Опираясь на историю и особенности развития африканских государств,

ученые выделяют следующие отличительные признаки неопатримониального режима.

Во-первых, существование политического центра, независимого от периферии и контролирующего все ресурсы страны, в результате чего происходит своеобразная узурпация процесса редистрибуции.

Во-вторых, государство воспринимается в качестве частного владения патрона и правящих групп (этнических или политических кланов), где пролонгируются принципы патримониума, четко распределены обязанности в контексте патронажно-клиентарной сети, существует собственный коррупционный бюджет и теневая бухгалтерия. Политическое владение патрона постоянно расширяется экстенсивным путем, то есть механизмы насилия и войны как институционализированного насилия оправдываются самим фактом и принципами патримониума.

В-третьих, осуществляется гипертрофированное укрепление семейно-родственных, этнических, клановых и региональных связей [114; 172; 198].

Проводя критический анализ теоретической концепции неопатримониализма, которая сформировалась на материалах исследования политических режимов в странах Африки, считаем целесообразным согласиться с позицией ученых относительно того, что системные связи объединяют патримониальную модель с авторитарным направлением, воспроизводя логику всех его основных проявлений, к числу которых относятся диктатура, наличие и доминирование коррупционных схем, централизованный характер управления экономикой, отсутствие реальной политической оппозиции, изоляционизм как попытка консервирования системы отношений, наличие развитого репрессивного аппарата, компрадорская элита и др. [112; 134; 201].

В целом власть при неопатримониальном политическом режиме озабочена в первую очередь задачами, связанными с обеспечением собственной безопасности, поддержкой общественного порядка, организацией оборонной сферы и внешней политики, хотя в то же время она может

оказывать влияние и на экономическую стратегию, осуществлять структурные преобразования, не разрушая при этом сам механизм государственного управления.

Интересными с исследовательской точки зрения являются результаты работы экспертов, которые изучили развитие политических режимов в Центральной Азии и формализовали развитие концепции неопатримониализма, начиная с классического подхода к его пониманию и до современного этапа.

Как отмечают авторы, в традиционном понимании неопатримониализм – это вертикальное распределение ресурсов, которое привело к появлению сетей «патрон-клиент», основанных вокруг влиятельного лица или партии [109]. Таким образом, в классическом неопатримониальном режиме смысл политического процесса заключался в борьбе рентоориентированных акторов за доступ к клиентско-патронажной сети, в центре которой находился лидер государства.

Существует мнение, что в исторической ретроспективе эти режимы были необходимы для объединения и развития страны после деколонизации, но они вытеснили роль унаследованных колониальных институтов в интересах нескольких лиц. Некоторые ученые считают, что неопатримониализм возник в процессе политической модернизации постколониальных обществ в связи с перманентным кризисом политики национального государственного строительства [86], который проявляется в основном в практической интеграции политики, основанной на демократических механизмах конкурентных политических процессов и рационально-бюрократических правилах формально установленной политической игры [49].

Как отмечает Ж.Ф. Медар, неопатримониализм является продуктом противоречивого сочетания патримониальных и бюрократических основ, при котором возникновение и существование публичной сферы власти происходит по логике патримониальных отношений, а охватывается в своей правовой плоскости по логике легально-рациональных отношений и формализуется

в ней [200].

На этот аспект неопатримониального режима обращает внимание и К. Клэпхэм: «Неопатримониализм представляет собой особую форму организации. В этой структуре отношения патримониального типа проходят сквозь все каналы и цепочки политико-административной системы, основу которой формально составляют легально-рациональные отношения. Должностные лица занимают высокие управляющие позиции в бюрократических структурах, имея при этом формальные полномочия. Но реализация этих полномочий на практике осуществляется не в виде служения государственным интересам, а в большинстве своем как удовлетворение индивидуальных потребностей и управление частной собственностью. Система взаимоотношений строится в соответствии с патримониальной моделью вассала и господина, а не согласно требованиям легально-рациональных отношений между подчиненным и начальником. Паттерн поведения при этом ориентирован исключительно на демонстрацию своего персонального статуса чиновника, а не на то, чтобы информировать социум о ходе выполнения возложенных на него общественно-полезных функций» [132].

Частично разделяя точку зрения вышеобозначенных исследователей, считаем, что концепция неопатримониализма дает четкий ориентир для интерпретации постколониальных транзитов не только в странах «третьего мира», но и в посткоммунистическом регионе, в частности, Центральной Азии. Исторические особенности и вектор развития политических режимов в Центральной Азии (активная демократизация после, а не до построения и консолидации современного государства) очень точно воспроизводит институциональную логику возникновения и консолидации неопатримониальных режимов управления уже в условиях посткоммунистического развития [86].

Также следует обратить внимание на тот факт, что сегодня есть сторонники позиции, в соответствии с которой неопатримониальный режим

уже не следует рассматривать как коррупционную систему управления страной, необходимую для обеспечения выживания ее правителей. Неопатримониализм влияет на формирование политики, особенно на проекты развития, превращаясь таким образом в неопатримониальную демократию [129]. В этой демократии доступ к ресурсным позициям в исполнительной вертикали, образовательной вертикали и государственной машине определяется в процессе электоральной конкуренции организованных в виде партийно-политических машин клиентско-патронажных групп стейкхолдеров. Присвоение ресурсов и распределение дивидендов политического поля зависит от выбора масс и определяется формально рациональными правилами.

В этом контексте политические партии в неопатримониальной демократии являются прежде всего политическими машинами, организующими национальные клиентско-патронажные сети для получения ренты в центре и на местах. Партии создаются политическими инвесторами не для реализации интересов избирателей, а для квотного распределения рентополучающих позиций в правительстве, парламенте и государственном аппарате в центре и регионах.

Ученые полагают, что концепция неопатримониальной демократии может наилучшим образом объяснить явление так называемого коалиционного президентства, то есть способности президентов создавать и эффективно поддерживать коалиции в премьер-президентских системах [224].

Данная позиция идет в разрез с классическим пониманием неопатримониализма, но является не единственной в современном научном дискурсе, которая инициирует активные дискуссии о сущности и назначении неопатримониализма.

Например, Л.Р. Арриола [113], Д. Льюис [190] считают, что современный патримониализм или неопатримониализм представляет собой смесь двух сосуществующих, частично переплетенных типов господства, а именно патримониального и юридически-рационального бюрократического господства. Это сплавленная, гибридная система, в которой традиционные

правила противопоставляются правовым нормам и процедурам.

Точно также взаимосвязь между неопатримониализмом и политической стабильностью является предметом жарких дебатов, поскольку действие данного режима в определенных странах мира используется для объяснения как стабильности, так и нестабильности. Авторы сходятся только в той позиции, что неопатримониализм является типом исключаящего правления, который способен вызвать инакомыслие и формирование активной оппозиции. В то же время некоторые ученые считают, что неопатримониализм может функционировать в различных типах режимов [224], а другие полагают, что отношения между неопатримониализмом и демократией по своей сути конфликтны [124]. С. Рут-Ловелл и М. Спинова утверждают, что «неопатримониализм вреден для демократизации, поскольку распределение государственных ресурсов основано на личных связях правящей элиты, а не на таких принципах, как общественное благо, национальное гражданство или равные возможности» [133].

Интересным, по нашему мнению, в понимании Л.Р. Арриолы, Л. Дэвида, Х. Абула сущности неопатримониализма является то, что они подчеркивают незащищенность элит, которая является необходимым фактором для понимания неопатримониализма. Но при этом авторы не дают определения такой «незащищенности». Они утверждают, что «неопатримониализм – это тип политического господства, который характеризуется неуверенностью в поведении и роли государственных институтов (и агентов). Эта неуверенность структурирует воспроизводство системы» [113]. В данном определении неопатримониализма выдвигаются на первый план важные моменты и подчеркивается измерение, которое часто упускается из виду. Ценным данный подход является потому, что он демонстрирует тот факт, что неопатримониальные сети связаны с отсутствием безопасности. Такая базовая динамика, как «отсутствие безопасности» в процессе современного структурирования и понимания неопатримониализма, позволяет выдвигать новые гипотезы. Например, способы мобилизации

поддержки политическими агентами могут быть разными и, следовательно, могут иметь разные последствия для воспроизводства системы.

Отсутствие безопасности имеет субъективное измерение. Поэтому очевидно, что не существует согласованного определения опасности и безопасности для неопатримониального политического режима. В качестве концептуальной категории она имеет описательное и нормативное измерение. Поэтому для безопасности характерна онтологическая реальность и при ее определении речь всегда идет о чем-то или о ком-то.

С учетом вышеизложенного, считаем, что определение того, чем и как является или должна быть безопасность для неопатримониального политического режима, зависит от конкретных исторических реалий.

Эта неопределенность, особенно на уровне правящей неопатримониальной элиты, открывает плодотворные пути для пересмотра социально-исторического измерения ее построения. В неопатримониальных режимах безопасность правящей элиты имеет как материальную составляющую (доступ к экономическим ресурсам), так и нематериальную (страх убийства или страх недоступности экономических ресурсов). Н. Дорасами и О. Фагбадебо [149] отмечают, например, что отсутствие безопасности элиты может быть вызвано институциональными изменениями, как это было в случае с АНК в Южной Африке. Таким образом, сложная природа субъективного измерения незащищенности играет центральную роль в понимании того, с использованием каких инструментов и способов элиты поддерживают неопатримониальные сети.

Отсутствие безопасности может исходить от предыдущих режимов как наследие, быть следствием институциональных изменений или результатом неудачных процессов ассимиляции элиты. Дефицит безопасности правящей элиты в неопатримониальных режимах связан со всем и имеет многогранную природу происхождения, начиная от неуверенности в правилах, и заканчивая страхом покушения. Источники незащищенности различны и должны учитываться при анализе неопатримониализма. Т. Деммельхубер отмечает, что

у элит есть особые проблемы с безопасностью, которые в значительной степени связаны с их политической функцией [143].

В качестве примера можно привести африканских лидеров, которые расширяют свои коалиции, основанные на патронаже, чтобы минимизировать ту форму политической нестабильности, которая наиболее непосредственно касается их самих – свержение власти внеконституционным путем. Они используют назначения на высокие государственные должности, чтобы сделать правдоподобными свои обещания и распределить патронаж между политическими элитами и избирателями, которых они представляют.

Таким образом, сложная смесь материальных и нематериальных факторов влияет на поведение элиты. Страх, например, имеет психологическое и перформативное измерение, с которым трудно справиться. Когда речь заходит о материальном/экономическом измерении, Т. Деммельхубер предполагает, что лишение государственной поддержки может быть частью того, что делает элиту «неуверенной». Он определяет отсутствие безопасности с точки зрения распада неопатримониального режима, поскольку действующий режим опасается «вооруженного восстания со стороны исключенных слоев населения». Аналогично для оппозиционных элит отсутствие безопасности может быть связано с убийствами.

Немаловажным вопросом в процессе изучения сущности неопатримониализма как категории политической науки является анализ механизмов включения политических практик сетевых структур в процесс принятия политических решений.

Субъектность сетей неопатримониального режима в процессе принятия политических решений зависит от методов и приемов их инкорпорации в ограниченный контур органов власти, главными из которых являются следующие:

- 1) продвижение элит через земельные, этнические и мигрантские сети — это тот случай, когда представительство интересов заключается в том, что члены социальных сетей включаются в процесс принятия решений, завладевая

бюрократическим капиталом. Таким образом, горизонтальные сетевые контакты, основанные на доверии, могут трансформироваться в формы патрон-клиентелизма [91]. В этих формах доверие формируется по иерархическому принципу «подчинение-авторитет»;

2) сетевые формы распространения коррупционных практик. Поддержка и актуальность данного подхода основывается на том, что коррупция является альтернативным средством продвижения и поддержки политических интересов. Коррупционные практики развиваются благодаря тому, что их поддерживают общества с ограниченными возможностями влиять на принятие решений властями. В таких ситуациях политические и административные решения приобретают статус товаров, распространяемых через сетевой маркетинг, а сети становятся каналами для облегчения бюрократических услуг. В этих условиях активно формируются теневые политические и экономические механизмы, развитие которых способствует формам взаимодействия власти и бизнеса, направленным на смягчение неблагоприятной институциональной среды.

Обозначенные сетевые модели выработки политических решений не обеспечивают каналы прямой коммуникации между властными институтами и гражданами, кроме того, они имеют крайне ограниченный спектр партисипаторных практик для общества в формировании политической повестки дня, что в полной мере отражает особенности неопатримониального политического режима.

Действующие при неопатримониализме механизмы принятия политических решений, а также способы их инкорпорации в систему органов власти напрямую влияют на методы и подходы к разработке и реализации политики. Неопатримониальные режимы характеризуются способностью отвлекать общественные ресурсы (государственные налоговые поступления и фонды помощи) на частные нужды, «подрывая возможности развития, которые и так уже лимитированы социально-экономическими ограничениями» [184].

В случае Замбии, например, неокOLONиализм сохранился после окончания однопартийного правления и рассматривается как ключевой механизм обеспечения постоянной поддержки правящей партии и доступа к ресурсам. Политика развития направлена на то, чтобы продовольственные и сельскохозяйственные проекты принимались в соответствии с «неопатримониальной логикой, а не следуют целям продовольственной безопасности или сокращения бедности» [111].

В долгосрочной перспективе это означает, что степень безопасности и развития низкая, а преемственность режима обеспечена. как единственного средства ее выживания на всех ступенях социальной лестницы [184].

Таблица 1 – Способы и методы принятия политических решений, характерные для различных режимов управления

Политический режим	Субъектность в процессе принятия решений	Рекрутирование в процесс выработки решений	Инкорпорация в систему властных отношений
Режимы, приближенные к плюралистическому типу управления	Представительная	Открытые для включения граждан	Институционализированные формы сотрудничества органов власти и сетевого гражданского общества; краудсорсинг
Режимы, приближенные к формам «конкурентного элитизма» / постдемократические модели	Персональная	Частично открытые для отдельных лобби и групп интересов	Институционализированные формы сотрудничества органов власти, отраслевых организаций и групп интересов («железные треугольники»)
Режимы с корпоративистским типом управления	Институциональная	Частично открытые для отдельных лобби и групп интересов	Институционализированные формы сотрудничества органов власти, отраслевых организаций и групп интересов («железные треугольники»); сетевые формы коррумпированных практик
Неопатримониальные режимы	Персональная	Закрытые для включения посторонних	Клиентско-патронажные механизмы включения; сетевые формы коррумпированных практик

Источник: составлено автором по материалам П. Льюиса [111], И. Куббе [184], А. Сьярофф [213], Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера [203], Л. Даймонда [32].

Перечисленные в таблице 1 методы принятия решений при различных режимах управления, свидетельствуют о том, что трудности неопатримониальных режимов и систем патронажа заключаются как в

нецелевом использовании государственных средств, так и в угнетающем воздействии неравных условий на развитие конкурентоспособных хозяйственных систем. Любая отраслевая политика поощрения является избирательной и создает неравные возможности.

Критический анализ и детальное исследование научного наследия, касающегося осмысления неопатримониализма как категории политической науки, позволяет сформулировать авторский подход к пониманию данной дефиниции.

Итак, неопатримониализм можно определить как специфическое сочетание формальных институтов современного государства, которые строятся на рационально-легальных основах, с традиционными (патримониальными) формами персонального правления. То есть государство управляется фактически как частное владение правящих групп, использующих его институты в качестве источников собственных доходов. Однако в отличие от классического понимания патримониализма, считаем, что неопатримониальный режим, с точки зрения современной научной мысли, не опирается исключительно на традиционные формы легитимации или передачу власти по наследству. Неопатримониальный режим обеспечивает лояльность и подчинение правителю с помощью как формальных, так и неформальных механизмов, некоторые из которых можно найти в устоявшихся демократических системах. Неопатримониальные режимы с политической точки зрения основаны не только на патриархальных ценностях и нормах, но и на рационально организованном обмене услугами, когда патрон покупает лояльность клиента в обмен на защиту его интересов [66].

В современном понимании неопатримониального режима одинаково важны как юридически-рациональная, так и неформальная составляющие. Это обуславливает еще одно важное отличие от «традиционного» патримониализма: достаточно развитые рациональные формы компетентной бюрократии и формального права как важнейшего элемента управления. Такое, казалось бы, несовместимое сочетание личностных форм отношений

между правителем и подданными с формально-правовыми структурами государственной бюрократии и управления, предписывающими подчинение закону и безличным правилам, характерно для неопатримониальных режимов нашего времени [66].

Сегодня достаточно трудно четко определить, какие компоненты, юридически-рациональные или неформальные, доминируют в неопатримониальных режимах. Однако во многих случаях неформальное регулирование преобладает над формальными правилами. Это влияние зависит от типа ситуации, конкретной страны и сложившейся на данный момент обстановки [17].

Авторский подход к более четкой структуре неопатримониального правления представлен в таблице 2, он характеризуется двумя основными компонентами: 1) режим контроля власти; 2) рационально-правовая система государственного обеспечения. Отличительными чертами последней является рационально организованная и направляемая государственная администрация, а также наличие безличных юридически-рациональных правил и процедур реализации права и управления.

Таблица 2 – Структура неопатримониальных режимов

Неопатримониальный режим		
Режим контроля власти		Рациональное правительство. Система обеспечения
Неформальные институты и практики	Формальные институты и правила	
1) Покровительство, «клановые» сети, отношения личной преданности и решения 2) Патриархальные нормы и ценности, унаследованные от прошлого и навязанные новой государственной идеологией	1) Исключительный контроль органов, обладающих властью 2) Аппарат производства и контроля государственной идеологии 3) Гиперцентрализация 4) Избирательное использование права и механизмов рыночной экономики 5) Квазисоциальный корпоративизм	1) Рационально организованная и управляемая государственная система 2) Безличные юридически-рациональные правила и процедуры государственного управления

Источник: составлено автором.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Анализ накопленного наследия политической научной мысли свидетельствует о том, что в настоящее время нет единого мнения и

согласованной позиции относительно содержания концепции неопатримониализма. Неопатримониальный дискурс политических режимов на современном этапе является в достаточной степени распространенным. Его существование оправдано синтезом современных элементов в политическом развитии и традиционной платформой социально-политического взаимодействия.

В целом неопатримониальная система представляет собой сложную пирамиду из различных региональных, отраслевых и корпоративных покровителей, связанных между собой механизмом взаимоотношений с клиентами президентской власти [85], а смысл политической борьбы в этой системе заключается в конкуренции за доступ к ресурсам, властным позициям и должностям, но отнюдь не в удовлетворении интересов людей. «Путь наверх» определяется благосклонностью патрона, а не выбором граждан. Роль населения предполагает лишь отдаленно реальную или фиктивную поддержку действий власти. То есть происходит нивелирование практик политического участия. Закономерным в таком случае является использование механизма кооптации (лат. *cooptatio* – дополнительное избрание), который составляет значительную часть кадровой политики неопатримониального режима, где фактически нивелирован институт политических выборов и открытость по отношению к общественности (отсутствует прозрачность в кадровых решениях).

Политическая борьба в таких режимах — это борьба субэлиты за контроль над государством, ведущаяся по принципу «победитель получает все». Эта борьба определяется не идеологическими противоречиями (хотя противоречия, безусловно, существуют), а более практическими соображениями, а именно борьбой за материальные интересы, которые доминируют в государстве [112].

Определение американского политолога Г. Лассуэла политического режима как «типа политического порядка, типа государственного правления», значительно сужает содержание данного феномена политической, а не только

государственной жизнью общества дает все основания соотнесения «концепции неопатримониализма» с категорией политического режима.

Исследование позиций различных авторов позволяет сделать заключение, что в классическом понимании неопатримониальные режимы имеют, как правило, консервативный характер, направлены на сохранение традиционных ценностей, фактически выступают в качестве особой «платформы поддержки» баланса в общественных отношениях. Некоторые ученые утверждают, что это признак отсталости и неразвитости или явление, которое препятствует развитию.

Характерной чертой такого неопатримониализма становится отказ от принципов конституционности и законности (если конституция и сохраняется, то, как правило, в чисто декларативной форме и не имеет реального действия), широкое применение политических репрессий против оппозиции, уничтожение гражданского общества или создание условий для его деформации и постепенного нивелирования какого-либо влияния. Очевидно отсутствие перспектив демократического транзита в длительной перспективе без кардинального реформирования. Всегда остается актуальной перспектива поверхностного характера такого транзита и возвращения к авторитарным практикам в политическом процессе, в том числе использование административного ресурса и политической коррупции на всех без исключения уровнях власти.

Современные исследователи полагают, что в большинстве случаев неопатримониальный политический режим создает предпосылки для стагнации и создания определенных устойчивых социально-политических конструкций, то есть возможно даже сохранение псевдодемократических норм. В доказательство своей позиции ученые приводят тот факт, что неопатримониальные режимы воспроизводят определенный уровень условного экономического успеха, часто строящегося на ресурсной ренте (нефтяной или газовой). Благодаря этому в краткосрочной перспективе могут быть реализованы отдельные социальные программы.

Неопатримониальный режим также может акцентировать внимание населения на процессе либерализации (без демократизации). Такая ситуация обычно вызывает широкую поддержку действий режима, поскольку базируется на исключительно экономической лояльности вне политических и правовых сдвигов в сторону демократизации общества.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что неопатримониальный режим имеет, безусловно, «балансирующий» характер во всех социальных сферах: политической, культурной, экономической, социальной и других. Фактически, учитывая дискуссионность и постоянную изменчивость, необходимо акцентировать внимание на том, что явление неопатримониализма находится вне временных норм, в собственных границах территориальной и временной локализации.

1.2 Современные классификации неопатримониальных режимов

Неопатримониализм сочетает в себе анализ различных форм проявления власти и господства, расширяя рамки существующих классификаций типов политических режимов, благодаря этому он имеет достаточно мощный потенциал для исследований в области сравнительной политики. Аналогично тому, как нет единой точки зрения относительно трактовки понятия «неопатримониализм», также на сегодняшний день существует широкая вариативность в классификации неопатримониальных режимов.

В разработке единой, согласованной классификации неопатримониальных режимов есть две фундаментальные проблемы, одна из которых связана с источниками, а другая – с вопросами измерения (то есть индикаторами, переменными и так далее). Как отмечают многие ученые, пытавшиеся применить эту концепцию в эмпирических исследованиях, ее очень трудно операционализировать [49]. В данном контексте очевидными являются проблемы концептуализации, наблюдения и объяснения.

Это означает следующее:

- 1) в настоящее время нет базового согласия относительно того, что должно быть включено в классификационные признаки неопатримониальных режимов;
- 2) «аморфность», «латентность» и «неуловимость» клиентелизма конкретизирует проблему наблюдения;
- 3) вопрос, связанный с выбором наиболее подходящих приемов для объяснения существования неопатримониализма не имеет удовлетворительного ответа.

Поскольку путаница в терминологии до настоящего момента еще не разрешена, по-прежнему очень сложно рассматривать неопатримониализм в рамках сравнительных исследований. Решение этих проблем заключается не в том, как предлагает Л. Киршке, чтобы ограничить анализ, казалось бы, более четко институционализированными системами соответствующих политических режимов, а в том, чтобы определить методологическую основу для этого [182].

В данном случае считаем целесообразным согласиться с М. Гюрзес и Т. Мейсон, которые утверждают, что необходимо четко определить критериальные признаки для того, чтобы различать институты патронажа и основные правила (нормы) политической игры в неопатримониальных режимах. Кроме того, обязательно не только однозначно разграничивать неопатримониальное и легально-бюрократическое правление, но также следует корректно идентифицировать неопатримониальные и патримониальные режимы. Более того, для правильной классификации критически важным является сделать однозначный вывод о том, является ли режим неопатримониальным или корпоративистским. И, наконец, нужно уметь размежевать различные субтипы неопатримониального правления [165].

С учетом обозначенных требований и ограничений, методологических проблем и теоретических разногласий рассмотрим несколько современных классификаций неопатримониальных режимов.

Так, ряд авторов рассматривает типы неопатримониализма через плоскоотно-темпоральные координаты и в разрезе структурно-системного измерения. Индикаторами определения неопатримониализма и классификации форм его проявления в той или иной политической системе, согласно данному подходу, выступают способы концентрации власти и показатели степени патримониального проникновения [194].

В рамках данной классификации авторами выделено два полярных вида неопатримониализма со всеми возможными промежуточными ситуациями: на одном конце спектра – неопатримониальные режимы, характеризующиеся патримониальным способом политического регулирования, основанным на перераспределении, а на другом – чисто хищнические государства, соответствующие султанскому типу патримониализма. Между этими видами находится патримониальная бюрократия.

Рассмотрим эти виды неопатримониальных режимов более подробно.

Регулируемый неопатримониализм.

Регулируемые формы неокOLONиализма обычно связаны с введением политики этно-регионального балансирования. Распределение ресурсов правителями формализовано и может быть инклюзивным. Этот тип делает акцент на кооптации и перераспределении, а не на принуждении, что способствует формированию культуры взаимного приспособления. Ожидаемый результат - государство становится более распространенным в обществе, а его способность обеспечивать соблюдение законов возрастает. Такие понятия, как общественная этика и общественные интересы, могут быть подорваны, но регулируемый неокOLONиализм формирует свою собственную «экономику морали», поскольку он благоприятствует процессу перераспределения, направленному на национальную территорию [212].

Примерами регулируемого неопатримониализма являются режимы Джомо Кеньятты (1964-1978 гг.) и Феликса Уфуэ-Буаньи (1960-1993 гг.) в африканских государствах. Попытка Кеньятты примирить противоречивые императивы была также описана исследователями как случай

«рационализированного клиентелизма» [208]. В кенийском бюрократическом государстве, утверждает Д. Брумо, обезличенные правила сосуществовали с неопатримониальными практиками, призванными снизить риски, создаваемые для национального государства политической конкуренцией [121]. Синергия президентской, однопартийной диктатуры и институционализированной системы патронажа способствовала инкорпорации периферии в центр [212].

В Кот-д'Ивуаре режим Феликса Уфуэ-Буаньи стал примером сочетания личного правления с регулируемым неопатримониализмом. Визитной карточкой Уфуэ-Буаньи была его способность сочетать внутриэлитную кооптацию с ограниченным применением принуждения [195; 196]. Прямой контроль осуществлялся над набором политической элиты, чтобы «сбалансировать соперничество поколений, этническое и даже личное» [113]. Результатом стала гибридная политическая система, в которой сочеталась сильная личная власть через отношения патрон-клиент с использованием современных бюрократических агентств. Патримониальное вмешательство в бюрократическую деятельность государства было ограничено [212].

Политическая и административная элита в регулируемом неопатримониализме, по словам Р. Крука, выглядит гораздо менее разобщенной, чем в «патримониальных бюрократиях». Патримониальным элементам в политической системе «не было позволено отменить обязательства, взятые на себя сверху, в отношении законно-рациональных форм контроля, эффективного исполнения ролей и реализации экономической программы» [140].

В наиболее ярком и всеобъемлющем виде регулируемый неопатримониализм проявил себя в 1960-е годы и в начале 1970-х годов в Африке. Доходы от экспорта сырьевых товаров были достаточно высоки, чтобы правители имели доступ к значительным ресурсам, позволяющим сочетать проведение государственной политики с развитием обширных патронажных сетей. Личное правление и укрепление однопартийных диктатур и военных режимов, казалось, не обязательно несовместимы с обеспечением

государственного строительства [212].

Хищнический неокOLONиализм.

Хищнические формы неопатримониализма относятся к системе, в которой личное господство и контроль над ресурсами достигают пароксизмальных масштабов, что приводит к «провалом институционализации... и, следовательно, государства» [199]. В результате возникает нехватка потенциала для создания общественного пространства и государственной политики. Опыт африканских стран показывает, что в рамках хищнического неокOLONиализма приватизация публичной сферы доведена до крайности, что приводит к краху государства [152]. В Центральноафриканской Республике в период правления режимами Жана Боделя Бокассы деинституционализация и рост неформальных практик в итоге поставили под сомнение само понятие государства.

Апогея хищнический неопатримониализм достиг, когда в Демократической Республике Конго к власти пришел С. Мобуту (1965-1997 гг.) после 1974 года. Неопатримониальное правление С. Мобуту отличалось от других на континенте благодаря «беспрецедентной способности институционализировать клептократию на каждом уровне социальной пирамиды и его непревзойденному таланту превращать личное правление в культ, а политический клиентелизм – в кумовство» [187]. Хищническое правление Мобуту, также отмеченное Кроуфордом Янгом и Томасом Тернером, подразумевало проникновение в государство такого уровня коррупции, который стал его самым заметным и определяющим свойством. Квалифицируемый как произвольный, хищнический или клептократический, режим Мобуту в Заире (переименованная им Республика Конго) также вызвал параллели с султанизмом – термином, придуманным Максом Вебером для характеристики тех крайних случаев, когда господство правителя опирается не столько на традиционные устои, сколько на произвольную и бесконтрольную власть лидера.

Султанизм также стал ассоциироваться с тоталитарным правлением

Иди Амина в Уганде (1971-1979 гг.), Масиаса Нгемы в Экваториальной Гвинее (1968-1979 гг.) и Жана Беделя Бокассы в Центральноафриканской Республике (1966-1979 гг.). В Нигерии правление Сани Абачи (1983-1998 гг.) рассматривалось как случай, граничащий с султанизмом, хотя в то время предпочиталось использовать понятие «хищническое правление», чтобы избежать риска путаницы с собственными султанатами Нигерии.

Различие между регулируемой и хищнической формами неопатримониализма обозначает две крайности многообразия эмпирических конфигураций. В случае целостной и хищнической форм неопатримониализма правитель осуществляет неограниченный контроль над государством. Конечным результатом такой модели может быть сочетание клептократии с узко определенным распределительным уклоном. Само понятие «неопатримониальное государство» становится понятием, содержащим в себе непримиримые противоречия. И наоборот, регулируемый неопатримониализм предполагает определенную способность разрабатывать «публичную» политику, но со временем она может перерасти во все более «юридически-рациональный» *модус operandi* государства. Другими словами, необходимо проводить оперативное различие между патримониальными практиками в государстве и патримониализацией всего государства. И в данном случае целесообразно рассмотреть третий вид в этой классификации неопатримониальных режимов – неопатримониальная бюрократия.

Неопатримониальная бюрократия.

Этот тип неопатримониального режима состоит из отраслевых, региональных, семейных и клановых связей, сложной иерархии различных патронажей, которые связаны через клиентелистские механизмы, реализуемые в рамках вертикали президентской власти (в некоторых случаях и в определенных комбинациях, она может институционализироваться и принимать форму «партии власти») [85]. Фактически неопатримониальная бюрократия выступает в роли господствующего «политико-административного класса», «богатство и статус которого зависят от его

политической и административной позиций. Он состоит, – пишет Ж.-Ф. Медар, – из высшего эшелона партийного, военно-силового и административного аппаратов, руководителей государственных корпораций. Именно этот класс на самом деле владеет государством, и тем или иным образом использует его для собственного обогащения» [199].

В рамках неопатримониальной бюрократии ключевые центральные посты закреплены за сетью клиентов-патронажей, сосредоточенных вокруг главы государства. Рядом с главой государства находятся лично преданные ему люди, которые занимают ключевые посты в партийных и государственных структурах, контролируют судебную систему и правоохранительные органы, управляют ключевыми отраслями [59]. Именно в руках у этого неформального института находятся организационные, направляющие и мобилизационные методы воздействия, которые определяют движение «партии власти», формируют вектор политического развития общества в целом.

То есть неформальные институты сохраняются, а личные отношения остаются центральными как на политическом, так и на административном уровне, даже если, по крайней мере формально, создано современное государство с рациональной бюрократией в его распоряжении. Разделение частной и общественной сфер становится размытым. При этом следует отметить, что партикуляристское использование власти неопатримониальными лидерами и чиновниками сдерживается толикой правовой рациональности государственных институтов и необходимостью или желанием сохранить хотя бы фасад современной государственности.

Зачастую возникновение неопатримониально бюрократических режимов рассматривается как почти прямое следствие популизма. В таком понимании главной целью южноамериканских военных режимов была защита «народного сектора», то есть изоляция капиталистического способа развития от растущего влияния социального сектора, который вошел в политическую жизнь под влиянием популизма и составлял самую большую базу популистских коалиций [114].

Ряд западных исследователей подходит к обоснованию форм и видов неопатримониальных режимов используя рамки дихотомии «рационально-правовое управление – патримониальное господство». В результате такие ученые как Д.С. Бах, М. Газибо [115], Г. Линч, П. фон Депп [194], С. Рут-Ловелл, М. Спирова [133] и другие утверждают, что неопатримониализм приобретает множество форм, тем самым обуславливая уникальность конфигураций политического пространства страны и региона в целом, где государство является лишь фасадом, за которым маскируются персонифицированные отношения. Причем даже в развитых демократических странах прослеживаются патримониальные практики [60].

И в данном случае можно выделить такие виды неопатримониальных режимов, как, например, итальянский, африканский, афганский, южноамериканский.

Итальянский неопатримониальный режим.

Италия полностью опровергает ключевой концепт неопатримониализма, суть которого заключается в том, что страны с такой системой управления отстают в развитии и развращены. И хотя в итальянском правительстве могут быть замечены некоторые проявления или случаи коррупции, это не позволило неопатримониальным режимам помешать Италии в развитии и экономических успехах, которых она достигла сегодня (страна является четвертой по значимости и влиянию экономикой в Европе). В Италии персонализация политики касается более прямых отношений между гражданами и политиками, которые больше не опосредуются традиционными партийными структурами, а дают представительную легитимность отдельным акторам [133].

Персонализация политики ведет к прогрессирующей свободе и автономии отдельных ключевых руководителей и групп в создании личного аппарата, союзов, коалиций и сетей частных и автономных отношений, и это делает институты более уязвимыми для незаконных явлений. Последующие изменения в структуре политических партий и растущее значение лобби

заставляет группы поддерживать личные отношения для взаимной выгоды и, следовательно, подвергать их более высоким рискам коррупции.

Отличительной особенностью итальянского неопатримониального режима является то, что политический клиентелизм стал системной характеристикой контура управления, представляя собой особую модель осуществления власти и механизм социального регулирования. Также в рамках данной системы возник «политико-криминальный капитализм», основанный на взаимодействии между политикой, бюрократией, местной экономикой и криминальными организациями, который порождает «серые зоны» проникновения компромата в формально легальную экономическую деятельность.

Еще одной характеристикой неопатримониального режима в Италии является существование двух тенденций, взаимно влияющих друг на друга: с одной стороны, склонность к частному использованию власти, с другой стороны, спрос на личную защиту влиятельных акторов для достижения различных видов преимуществ, установление асимметричных, неравных и зависимых отношений на основе обмена.

Неопатримониализм, безусловно, непростая концепция: на самом деле, не будет ошибкой сказать, что существует скрытая культура принятия концепции, результатом которой является тезис о том, что неопатримониализм может существовать только в странах с недемократическим режимом и переходных режимах [68].

Примеры африканских неопатримониальных режимов.

Особенности неопатримониальных режимов в африканских государствах уже достаточно подробно рассматривались с разных точек зрения в рамках проводимого исследования, поэтому отметим их основополагающие отличительные черты, а видовую характеристику остальных режимов рассмотрим более подробно.

Особенность данного режима заключается в том, что он основан на практике, инициированной лидерами нации, которые претендуют на роль

отцов правительства и превращают общество в одну большую семью, чтобы объединить граждан всех вместе, заставляя их спланиваться и укреплять свои связи, любовь и доверие к правителю. Эта практика не встречается в неопатримониальных государствах за пределами Африки.

Как утверждал Г. Линч, «образы и язык отца и семьи широко распространены в Африке, потому что они вызывают резонанс и глубоко укоренившийся культурный аккорд» [194].

Неопатримониальные правители в африканских государствах продвигают особый тип сильной всемогущей личности через доминирование в национальных СМИ, которые с восторгом описывают каждое их публичное действие; их изображения украшают валюту, портреты главы государства висят в каждом общественном здании, а национальная типография постоянно публикует сборники речей и трудов «отца нации».

Еще одним отличием африканского вида неопатримониального режима является частное благосостояние или корысть, но не правителя.

Большинство африканских деревень представляют собой конгломераты специфических субсообществ (семьи, группы сверстников, ритуальные общества и другие), часто существующих в атмосфере соперничества и антагонизма, без культуры «общего интереса». Эта особенность объясняет отсутствие чувства общественного достоинства на макроуровне и является одним из факторов, поддерживающих режим, – повсеместное распространение, вездесущность и широкая приемлемость его людьми, которые находят в нем способ обеспечить свои частные интересы, не заботясь о процветании общества в целом.

Африканским политикам нет необходимости брать на себя надежные обязательства по инвестициям в общественные блага, как на выборах на Западе, поскольку государственные финансы и общественные услуги отсутствуют. Даже если бы ресурсы были доступны, это было бы нелогично с электоральной точки зрения, поскольку многим избирателям трудно судить о надежности политиков, учитывая их необразованность и ограниченный

доступ к надежной информации. Многие, особенно в сельской местности, критически относятся к демократии, поскольку обещанные блага не материализовались.

Таким образом, африканский неопатримониальный режим сосредоточен на личностях и исторических связях, а не на проблемах. Избиратели склонны поддерживать кандидата из своего региона, религии, племени или этнической группы.

Неопатримониальный режим в Афганистане.

Неопатримониальный режим в Афганистане так же, как и в Италии, зависит от персонализации политики, проводимой несколькими людьми, которые захватывают полную и абсолютную власть в стране, независимо от какого-либо личного правила или этического представительства, в отличие от африканских стран, где вся власть и сила находятся в руках одного всемогущего лидера, которого все боятся.

Особенностью афганского вида неопатримониализма является то, что в персонализации политики доминируют военачальники. Военачальник является законным, харизматическим и патримониальным руководителем с автономным контролем над армией, он способен достичь/сохранить монополию на крупномасштабное насилие над значительной территорией [201].

В конце 2003 г. и начале 2004 г. 27 из 32 (84%) губернаторов провинций были бывшими командирами времен гражданской войны и, следовательно, тесно связаны с полевыми командирами, ряд других были назначены губернаторами в основном из-за их тесных связей с полевыми командирами. В то время как миротворцы в Афганистане ожидали, что кооптированные полевые командиры будут находиться в милости у государства, последние вели себя так, как будто они «имеют право» на долю государства за услуги, которые они оказали стране в прошлом.

Распространенность этой формы сделок и легкость, с которой они совершаются, может указывать на веру в «правомочность» государственных

чиновников, которые обращаются с государственными институтами примерно так же, как с частной собственностью. Военачальники часто оправдывают это чувство правомочности, ссылаясь на то, что они воевали против советской армии, коммунистического правительства и режима талибов, чтобы поддержать свои требования о получении доли политической власти или потребовать благ от социальной и экономической политики, компенсирующей их прошлые усилия [136].

Раздача административных должностей патронажным сетям и потенциальным сторонникам основана на предпосылке взаимности и ожидания будущих доходов. Неизбежно, что верность этих государственных чиновников в Афганистане переходит к полевым командирам. Более того, эти сделки могут приносить выгоду полевым командирам. По словам одного из представителей, работающего некоторое время в парламенте Афганистана: «назначение своих помощников в таможенные службы означает, что когда полевой командир импортирует товары, таможенники не будут требовать уплатить налоги; или когда колонны с наркотиками проходят через полицейский пост, полиция не останавливает и не конфискует наркотики; или член парламента выражает вотум доверия министру, которого поддерживает полевой командир» [195].

Крайние формы безнаказанности должностных лиц скрепляют систему неопатримониального режима в Афганистане, а ее основу составляют сделки, взаимная выгода и легитимизация власти.

Южноамериканский неопатримониальный режим.

Наиболее ярким примером выступил режим в Чили в 1973 году при президенте Аугусто Пиночете. История развития неопатримониализма в Чили отличается от истории Италии и Афганистана, и еще больше отличается от неопатримониальных режимов в Африке.

Хотя Чили и пережила неопатримониальное правление, в отличие от Африки, в Чили произошел успешный переход, который завершил неопатримониальную эру в стране и начал период демократии и

экономического процветания.

В Чили в эпоху неопатримониализма вся власть находилась в руках одного человека, который не опирался на верховенство своего этнического или племенного представительства, как в случае африканских государств. Правитель скорее сосредоточился на представлении и получении поддержки от военных и связанных с военными должностей в стране, он отдавал им предпочтение перед гражданами и, соответственно, и клиентелистские связи процветали между людьми и семьями армейских служащих.

Однако в отличие от Афганистана в чилийском случае власть была сконцентрирована в руках одного человека за счет правления военных как института. Пиночет был полон решимости остаться у власти, и он получил при помощи репрессий возможность сделать это, несмотря на серьезные разногласия в правящей коалиции, разрушение социальной базы режима и растущие опасения, что его пребывание на посту главы государства скорее усилит, чем уменьшит «угрозу снизу».

Особенности неопатримониального режима в Чили можно понять по структуре режима Пиночета и его отношениям с вооруженными силами, которые способствовали усилению давления на гражданскую оппозицию за счет отделения военного института от остального общества.

Почти 50% чиновников кабинета министров с 1973 года были военными высокими чинами. Офицеры срочной службы также занимали должности заместителей секретарей, ректоров университетов, дипломатов, администраторов государственных корпораций, региональных интендантов, мэров, губернаторов и членов четырех законодательных комиссий власти. По состоянию на 1985 год 35% генералов армии, находящихся на действительной службе, совмещали те или иные государственные должности [164]. Также особый статус и силу имела Национальная ассоциация центров матерей (СЕМА), которая была создана для сплочения поддержки режима путем реализации программ патронажа на местном уровне. Эта организация существовала параллельно военной, ее возглавляла жена Пиночета, при этом

жены других высокопоставленных офицеров занимали руководящие должности на провинциальном и региональном уровнях.

Итак, для южноамериканского неопатримониального режима характерным является, во-первых, особая роль вооруженных сил как института власти, во-вторых, вызывающее волнение и нарастание недовольства разделение в обществе между военным сектором и остальными гражданами, и, в-третьих, укрепление связей между президентом и военными, что позволяло последним строить и развивать политическую карьеру. Возможности и связанная с этим политизация военного института, несомненно, помогли Пиночету сохранить поддержку офицерского корпуса после 1973 года.

В рамках описанной классификации, которая выделяет региональные и страновые виды неопатримониального режима, можно четко проследить обстоятельства и условия, способствующие подъему неопатримониального правления в разных государствах.

Например, в неопатримониальных режимах в Африке наблюдалась повторяющаяся картина, все они основывались на одном и том же наборе факторов, которые привели к появлению неопатримониализма – личное правление, этническое представительство и приемлемость концепции в обществе. Все эти детерминанты способствовали устойчивости и преемственности неопатримониальных режимов в Африке. Однако за пределами Африки дело обстояло совершенно иначе.

В каждой из рассмотренных стран (Италия, Афганистан, Чили) причины, приведшие к возникновению неопатримониализма, отличались друг от друга. Это было доминирование военных, как в случае Чили, которые в результате были сняты народом, а государственное управление успешно трансформировалось в демократическое, что способствовало экономическому процветанию и социальному равенству. В Италии свою роль сыграла персонализация власти и отношений внутри государственных администраций, что способствовало впоследствии созданию олигархических групп,

основанных на межличностных отношениях. В Афганистане также прослеживается персонализация политики в руках ряда личностей как причина неопатримониализма, но здесь в отличие от Италии доминирует военная составляющая.

Следует отметить, что некоторые исследователи дополняют эту классификацию такими типами неопатримониальных режимов, которые сохраняли авторитарный контроль в течение десятилетий, несмотря на внутренние мятежи: сирийский (1970 г.–настоящее время), иракский (1970 г.–настоящее время), ливийский (1969 г.–настоящее время) и тунисский (1956 г.–настоящее время); или формировании процесса и результатов децентрализации, с акцентом на события после 2011 года в четырех странах Ближнего Востока и Северной Африки (Марокко, Иордания, Тунис и Египет).

Однако представляется, что в том или ином контексте каждый из этих режимов может быть соотнесен с одним из рассмотренных ранее типажей (африканский, итальянский, афганский, южноамериканский) и формализован в уже установленных рамках.

Заслуживает внимание подход, к классификации неопатримониальных режимов, который получил широкое распространение как в период становления концепции неопатримониализма, так и на современном этапе. Основу этого классификационного подхода составляет утверждение о государственных агентах и государственных институтах, а именно тот факт, что государство является естественной отправной точкой для любого анализа неопатримониальных отношений. Как концепция политической социологии отношения государства и общества имеют ключевое значение для детерминации политических режимов [146; 202]. Ряд ученых попытались включить в анализ дополнительные факторы, такие как международное влияние [124] и новые социальные пространства, что весьма оправданно, но даже в этих исследованиях государство все равно остается исходной точкой классификации и группировки неопатримониальных режимов.

В соответствии с классификацией, где отправной точкой является

государство, выделяют следующие типы неопатримониальных режимов: функциональный и исторический.

Функциональный неопатримониальный режим обнаруживается на различных уровнях в государстве. В рамках такого режима более половины государственных институтов должны характеризоваться неопатримониальным поведением. Очевидно, что поскольку государства не являются монолитными, четкая идентификация такого режима требует глубокого качественного анализа [115].

Исторический неопатримониальный режим представляется исторически укорененной системой управления государством. Если следовать этому долговременному измерению, то для того, чтобы называться «неопатримониальным», эта логика должна быть доминирующей, по крайней мере, в течение нескольких лет, гораздо дольше, чем законодательный период [223].

Это очень общая квалификация, но она служит отправной точкой для размышлений о разграничении неопатримониальных государств от тех, где патримониальные отношения не доминируют (рационально-правовая система) или полностью доминируют (патримониальная/султанистская система). Кроме того, установление различий между неопатримониальными режимами по двум измерениям «способ концентрации власти» и «степень патримониального проникновения» может стать первым путем к выявлению неопатримониальных подтипов и, в свою очередь, к получению более конкретных знаний о способе управления страной.

С другой стороны, эта классификация имеет ряд серьезных недостатков. На методологическом уровне, по крайней мере без дальнейшей конкретизации, неопатримониализм очень широк, поскольку его можно трактовать по-разному. Ограниченность двумя измерениями наносит ущерб эмпирической применимости и объяснительной силе концепции неопатримониализма. В результате некоторые ученые вообще сомневаются в его эмпирической ценности. Некоторые исследователи относительно этой

классификации высказывают мнение, что «вместо того, чтобы изолировать социально-политическое явление, такой подход имеет тенденцию затушевывать существенные различия. В такой обобщено-универсальной группировке неопатримониализм становится чем-то вроде всеобъемлющего понятия, которое рискует потерять свою аналитическую полезность» [161].

В данном контексте считаем, что данную общую классификацию оптимально дополняет современный подход, который концентрируется не на выделении конкретных видов неопатримониальных режимов, а на классификации тех проявлений неопатримониализма, которые можно найти в каждом политическом режиме [204].

Рассмотрим эту классификацию более подробно.

Авторы данного подхода исходят из того утверждения, что неопатримониализм не является разновидностью политического режима по своему происхождению, а представляет собой лишь форму реализации доминирования, которое приближается к общепринятым представлениям о демократии: гибридным режимам, дефективным демократическим системам и автократиям. Поэтому неопатримониализм следует различать в странах, где существуют гибридные или автократические режимы, хотя иногда в автократических системах неопатримониализм может и не получать широкого распространения.

Описание соотношения между организацией правления и типом бюрократической системы в рамках вышеупомянутых режимов дополняет типологию форм неопатримониализма.

Благодаря описанной в таблице 3 комбинации классификаций представляется возможным более четко осознать сущность и особенности концепции неопатримониализма. Это позволяет выйти за рамки традиционных дебатов о типах режимов и получить более подробную информацию о различиях в отношениях власти и о том, как ведется политика в гибридных и автократических системах. Комбинация политологии и политической социологии дает представление о том, как организовано правление в этих

режимах, также полученные результаты могут стать основой для более продвинутой типологии в текущих дискуссиях о «гибели демократии» и о предполагаемом «возвращении автократий».

Таблица 3 – Виды неопатримониализма в различных политических режимах

Тип режима	Демократический		Гибридный	Авторитарный
Субтип режима	либеральный	нелиберальный, дефективный, делиберативный	вероятные субтипы	бюрократический
Форма правления	легальная	легальная (персональная)	легальная (персональная)	персональный
Тип неопатримониализма	легально-рациональный	патримониальный	патримониальный	легально-рациональный

Источник: составлено по материалам С. Орвиса, К. Дрогуса [204].

Хотелось бы также обратить внимание на подход Р. Снайдера и Дж. Махони [217]. Ученые выдвигают несколько предложений к классификации неопатримониальных режимов.

Во-первых, различая режимы следует учитывать возможные выходы государства из патримониализма, это могут быть такие пути как революция, военный переворот или демократический переход. В качестве примера авторы приводят революции (Куба, Иран, Никарагуа, Филиппины, Румыния), история которых показывает, что военные перевороты, как и демократические переходы, тоже могут стать результатом выхода из патримониализма.

Во-вторых, различные типологии неопатримониальных режимов зависят от сочетания структурных факторов (патримониальные сети в государстве и обществе, зависимость режима от внешней поддержки) и политических акторов (агенты смены режима, «мягкие линии», умеренные и максималистские оппозиционные силы).

В таблице 4 представлены структурные характеристики неопатримониальных режимов в соответствии с обозначенными факторами.

Таблица 4 – Структурные характеристики различных видов неопатримониальных режимов

Страна, личность	Проникновение в патронатную сеть государственного правителя	Проникновение в общество покровительственной сети правителя	Зависимость правителя от единственного представителя сверхдержавы	Результаты режима
1	2	3	4	5
Страна, личность	Проникновение в патронатную сеть государственного правителя	Проникновение в общество покровительственной сети правителя	Зависимость правителя от единственного представителя сверхдержавы	Результаты режима
Заир до 1990 года; Гаити при Франсуа Дювалье	Высокое	Высокое	Низкая	Политическая стабильность
Никарагуа при Сомосе Гарсии	Высокое	Высокое	Высокая	Политическая стабильность
Иран, Куба, Никарагуа при Сомосе Дебайле	Высокое	Низкое	Высокая	Революция
Заир после 1990 года, Панама до вторжения США в 1989 году	Высокое	Низкое	Низкая	Гражданский конфликт между диктатором и общественной оппозицией
Румыния после 1985 года	Низкое	Низкое	Низкая	Военный переворот, приведший к правлению гражданских
Филиппины, Гаити при Жан-Клоде Дювалье	Низкое	Низкое	Высокая	Военный переворот, приведший к правлению гражданских умеренных лиц на Филиппинах; военный переворот, приведший к правлению сторонников «мягкой линии» на Гаити

Источник: составлено автором по материалам [217].

Дихотомия «структура-агентство» остается основным разделителем между различными неопатримониальными режимами, между демократией и авторитаризмом. Классификация Р. Снайдера и Дж. Махони, использующая различия между патримониальными связями и политическими агентами, развивает эту дискуссию с помощью простого синтеза, который легко применить в дальнейшей работе. Приведенные выше рамки и примеры показывают, какую форму примет неопатримониальный режим в зависимости от перехода, и куда он приведет в случае падения.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие

выводы. В целом, в литературе, посвященной анализу явления неопатримониализма, выделению его определенных видов и сложившихся в рамках него режимов правления, наблюдается растущий консенсус по некоторым концептуальным вопросам (способ власти в сравнении с типом режима, сочетание рационально-правового правления). Это дает почву для дальнейшей концептуальной и, в частности, сравнительно-эмпирической работы.

Выявление различий между отдельными формами неопатримониализма, то есть определение подтипов, их классификация, обоснование различных проявлений и форм реализации является многообещающим способом преодоления универсалистского характера большей части определений неопатримониализма. Принимая во внимание накопленное на сегодняшний день научное наследие, а также учитывая текущий этап развития политических систем, считаем, что в дополнение к имеющимся, тремя основными модальностями, которые можно использовать для дифференциации различных форм неопатримониального правления являются: а) концентрация власти; б) систематический клиентелизм; в) партикуляристское использование государственных ресурсов.

В отношении концентрации власти и ресурсов управления целесообразно различать два типа: 1) персонализированный и 2) олигархический неопатримониализм. Что касается степени патримониального проникновения в государство (то есть систематического клиентелизма и партикуляристского использования государственных ресурсов), предлагаем выделять системы с высокой, средней и низкой степенью патримониализации.

Однако необходимо отметить, что сети «патрон-брокер-клиент» не всегда могут быть полностью оценены с помощью предложенных рамок. В этом отношении подходящим методом может стать картирование отношений различных акторов с помощью сетевого анализа, что является предметом будущих научных изысканий.

Также неопатримониальные профили стран помогли бы более систематическому исследованию в сравнении неформальных институтов, поскольку некоторые аспекты неопатримониализма не являются универсальными несмотря на свою очевидность и отчетливость, по крайней мере, его проявления могут быть различными в разных странах.

1.3 Факторы устойчивости неопатримониальных режимов в Центральной Азии

Неопатримониализм наиболее широко и масштабно исследуется в научной литературе. В странах Африки к югу от Сахары эта форма считается важной чертой местной политики, и, хотя с 1990-х годов появился ряд публикаций о странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Южной Европы, Ближнего Востока и посткоммунистических государствах до сих пор нет четкого консенсуса в исследованиях о проявлении и существовании этой формы в других частях мира [115]. Опубликованная в 2011 году коллективная монография под редакцией Д.К. Баха и М. Газибо «Неопатримониализм в Африке и за ее пределами» возродила дебаты, рассматривающие различные контексты, в которых можно применять концепцию неопатримониализма, при этом отмечается, что «сквозная сетка анализа, приемлемая для всех стран мира, все еще отсутствует» [116].

Ученые, работающие над этой монографией, настаивают на том, что сравнение неопатримониализма, в разных государствах, которые не принадлежат к странам Африки к югу от Сахары не только приветствуется, но и необходимо, чтобы избежать ловушки «афроцентричного прочтения концепции». Как отмечает Д.К. Бах, эта концепция со временем стала «телеологическим объяснением упадка государства», сравнимым с понятием «государство против развития», но анализ ее проявления в других частях мира показывает множество более сложных примеров стран, которые одновременно являются и патримониальными, и развивающимися [116].

С учетом вышеизложенного, в рамках проводимого исследования

представляется целесообразным рассмотреть факторы устойчивости неопатримониализма на постсоветском пространстве в целом и на примере стран Центральной Азии в частности с учетом касающихся темы исследования политических процессов, проходящих в данном регионе.

Данный раздел параграфа подготовлен при участии научного руководителя к.полит.н. Е.В. Махмутовой [56].

Первоначально большинство исследователей воспринимали возникшие после распада СССР постсоветские государства как часть третьей волны демократизации С. Хантингтона 1991 года и изучали ее в рамках теории модернизации и транзитологии [179]. В эссе Ф. Фукуямы 1989 года «Конец истории» [162] был отражен высокий уровень эйфории в отношении постсоветских республик. Однако это настроение длилось недолго, политическое развитие молодых государств вызывало все больший скептицизм в отношении телеологической определенности их конечного демократического перехода. Теоретический тупик традиционной дихотомии демократии против авторитаризма привел к появлению множества различных понятий, который определяли новый режим правления в независимых государствах СНГ. Разочарование в постсоветском переходе бывших социалистических государств способствовало применению для исследования их политических режимов концепций, изначально задуманных для изучения стран третьего мира, например, неопатримониализма, который появился в 1970-х годах при схожих обстоятельствах в исследованиях Африки и Латинской Америки.

Сегодня, по прошествии более чем 30 лет с распада СССР и обретения его бывшими республиками суверенитета, можно наблюдать ключевые переменные неопатримониализма в их политических режимах, которые представляют собой особую констелляцию формальных институциональных механизмов и неформальных практик политического класса, которая уходит корнями как в историю их советского прошлого, так и опирается на последние события постсоветской консолидации власти.

В результате в настоящее время есть все основания утверждать, что неопатримониализм в постсоветских государствах можно обозначить как «единую пирамиду власти». Неформальные пирамиды патронажа, или политические машины, сложившиеся в странах СНГ, представляют собой сложные сети отношений «патрон-клиент», известные как «административный ресурс». Они существуют на всех уровнях общества и функционируют через личные стимулы и частные выгоды, предлагаемые определенным лицам (работа, обусловленные возможности получения личного дохода, взятки, помощь в решении местных проблем, помощь родственникам и так далее), а также через явные и скрытые угрозы в адрес тех же лиц [3].

В процессе развития и становления постсоветских государств зародившаяся неформальная патронатная структура власти была преобразована в «однопирамидную» систему, в которой президент фактически консолидировал наиболее важные патронажные сети нижнего уровня в одну большую национальную политическую структуру. Президент контролирует «печные трубы» власти, распределяя патронаж между различными сетями клиентов, ищущих ренту и представляющих каждую пирамиду власти, включая приближенных, военных и секретные службы, промышленных магнатов и лояльные региональные элиты. [3].

В ряде стран, таких как Украина, Армения, Туркменистан, Грузия можно наблюдать систему «конкурирующих пирамид», которая проявляется в соперничестве многих региональных и корпоративных пирамид патронажа полуавтономных региональных лидеров и так называемых «олигархов», пришедших к власти соответственно благодаря стремительной децентрализации и приватизации.

Однако подчинение и господство - не единственные характеристики, обеспечивающие устойчивость неопатримониальной власти, которая также обеспечивает свою устойчивость за счет селективного распределения стимулов расширенного доступа к ренте, недоступного для менее лояльных

акторов [3].

Также распространено частное использование (в большей или меньшей степени) государственных административных ресурсов, в основном государственной власти и финансовых функций, которые в основном используются для подавления политической оппозиции и устранения экономических конкурентов [85].

Таким образом, постсоветские формальные институты исторически соответствуют неформальному неопатримониальному правлению. Коммунистический режим на поздних этапах своего развития демонстрировал распад в неопатримониализм, где персонализм и клиентелизм, с одной стороны, подрывали, а с другой, помогали поддерживать формальную бюрократическую партийно-государственную систему. На основании этого можно сделать вывод, что новые политические системы СНГ формировались под влиянием неопатримониального наследия СССР и экономического давления. Это сопровождалось необходимостью создания нового демократического институционального фасада для обеспечения легитимности и выполнения основных государственных функций, необходимых для поиска ренты в новых условиях.

Факторами устойчивости неопатримониальных режимов на постсоветском пространстве является неформальная иерархия «патрон-клиент», которая принимает форму консолидированной вертикали власти с различными группами интересов; расширении доступа к извлечению ренты в случае соблюдения требований; угроза потери активов и возможный риск для жизни и свободы.

Вместе с тем, довольно полную картину о неопатримониальных практиках и их типах на постсоветском пространстве описали в своих работах отечественные ученые А. Фисун [85], В.Я. Гельман [1], С.Н. Шкель [91], К.В. Мельников [58; 59; 60].

Теперь рассмотрим более подробно особенности и факторы устойчивости неопатримониальных режимов в странах Центральной Азии.

Центральная Азия известна не только своими богатыми природными ресурсами, но и долговременными авторитарными лидерами, широко распространенной коррупцией и слабым установлением верховенства закона. Крушение СССР привело к образованию в Центральной Азии независимых государств, а именно: Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан и Республики Узбекистан.

Спецификой начального периода образования государств было то, что их постсоветское развитие происходило в условиях незавершенного государственного строительства и незавершенных рационально-бюрократических преобразований, что привело к дальнейшему созданию вышеупомянутых независимых государств, но не к построению демократических режимов, а к установлению неокOLONИАЛЬНЫХ стилей управления [86]. Фундаментальной основой развития неопатримониализма в Центральной Азии является то, что исторически формами правления на этой территории были племенные формы властного контроля (патриархальные и геронтократические, которые постепенно трансформировались в патримониальные) или монархические (ханства, султанаты, шахства, которые также тяготеют к патримониальным практикам).

Анализируя особенности политического транзита в постсоветских государствах и обосновывая факторы устойчивости неопатримониализма, украинский ученый А. Фисун указал на «неформальное соглашение» политических элит, в результате которого был взят курс на «захват государства» с последующим установлением монополии групп влияния на присвоение политико-рентных ресурсов [86].

Российский исследователь В. Гельман также отметил, что строительство и незыблемость неопатримониализма в центральноазиатских республиках связаны со стремлением инкубментов к апроприации государственных ресурсов с целью их распределения среди клиентов центральной клиентелистской сети [1].

В свою очередь, французский профессор М. Ларюэль акцентирует внимание на том, что историческое прошлое и его традиции способствовали процессу создания в новых государствах закрытых патронажных институтов и патронального президентализма [186].

Ряд других исследователей считают, что устойчивость неопатримониализма в странах Центральной Азии уходит своими корнями в эпоху сталинизма, который сочетал бюрократическую логику с широким дискреционным использованием власти [73]. Два брежневских десятилетия (1964–1982 гг.) оставили значительный отпечаток на современных обществах в виде раздутой бюрократии, понимаемой как государство в государстве, со своей собственной внутренней логикой, не отвечающей логике остального общества, наряду с тонким сочетанием формальных правил и неформальных практик. Все представители независимой элиты, которые правили Центральной Азией, прошли социализацию в поздний советский период и с самого начала своей карьеры были частью патронажных сетей, воплощая в жизнь то, что современные ученые называют «патримониальным коммунизмом» [27].

Учитывая значительное разнообразие точек зрения и подходов к объяснению истоков и факторов стабильности неопатримониальных режимов в странах Центральной Азии, представляется целесообразным в начале исследования обозначить основные факторы, которые наиболее правдоподобно объясняют причины сохранения неопатримониализма в регионе [72].

На втором этапе уже более подробно на примере некоторых стран Центральной Азии рассмотрим детерминанты устойчивости неопатримониальных режимов.

Таким образом, несмотря на существенные различия в уровне экономического развития, все пять центральноазиатских государств можно отнести к патронажным президентским системам, с разной степенью специфики. Основываясь на политике «сильного человека», эти президентские

системы были усилены законодательными поправками и дополнительными механизмами (референдумы, продление срока полномочий и так далее), в результате чего сформировались плебисцитарные режимы [186].

В некоторых странах новые формы правления приобрели определенные черты. Например, Туркменистан при Сапармурате Ниязове отличался от своих соседей тем, что его лидер был крайне изолирован и свободен от традиционной патрон-клиентской зависимости между местными и государственными элитами, что позволило установить абсолютистский – иногда называемый султанистским – режим, в котором все напрямую подчинялись личности президента [207]. Его преемник, Гурбангулы Бердымухамедов, в значительной степени устранил эти особенности и восстановил региональную традицию классического патронажа.

После второй революции в апреле 2010 года и последующего референдума в июне 2010 года Кыргызстан стал первой парламентской системой в регионе, что делает случай Кыргызстана достаточно специфичным [186]. Однако многие политические партии Кыргызстана по-прежнему ратовали за возвращение к президентскому режиму и ориентировались на «путинскую модель» вертикали власти. В ответ на это в 2021 году в Кыргызстане прошла конституционная реформа, в рамках которой страна перешла к президентской системе правления. По мнению авторов реформы, это позволит повысить ответственность государственных органов. Кроме того, сторонники властей утверждали, что за 10 лет парламентско-президентского правления в стране никто до конца не понимал и не знал, кто за что отвечает и какую ответственность несет, в результате это повлекло за собой беспорядки в стране.

Однако необходимо отметить и противоположное мнение, критики реформы отмечают, что президент получил широкие полномочия. О том, к чему может привести такая ситуация, свидетельствует недавняя история страны – когда в системе власть была сконцентрирована в одних руках, это повлекло за собой государственные перевороты [67]. Эксперты считают, что в

результате реформы был нарушен баланс ветвей власти, такие трансформации способны негативно повлиять на политическую ситуацию в стране.

Сложившаяся ситуация вновь открывает дискуссию о роли институтов в изменении практики самих акторов.

Из числа факторов, которые объясняют устойчивость неопатримониализма в странах Центральной Азии, по мнению автора, следует выделить экономические, политические и социальные [72].

Экономические факторы.

Центральноазиатские режимы реализовывали стратегии «ползучего» захвата государства, чтобы обеспечить свое долголетие. Эти планы, организованные поэтапно путем внедрения селективных систем рыночной экономики, помогли узаконить захват ресурсов, но позволили избежать обычных уравнивающих сил классической конкуренции. Захваты происходили в схожих условиях, но в совершенно разных масштабах, в зависимости от богатства каждой страны [72]. Режимы Казахстана и Туркменистана укрепились на основе углеводородов (в основном нефти в первом случае и газа во втором). Однако Казахстан обладал гораздо более широким портфелем активов, чем его туркменские и узбекские соседи, включая ряд высокодоходных отраслей, которые способны пережить только углеводороды, в частности добычу полезных ископаемых, таких как уран, бурно развивающуюся строительную отрасль, а также финансовую и банковскую сферы [186].

Портфель Узбекистана диверсифицирован за счет хлопка, золота, урана и нефти, но возможности для диверсификации экспорта ограничены. Таджикистан и Кыргызстан имеют доступ к трем узким источникам дохода (не считая денежных переводов мигрантов): горнодобывающая промышленность советских времен (алюминий в Таджикистане и золото в Кыргызстане), контролируемый реэкспорт китайских товаров, ограниченный соглашением с ЕАЭС, и наркоторговля, подпитывающая местную теневую экономику [186].

Таким образом, преследуя цели укрепления и обеспечения

устойчивости неопатримониального режима, государства региона используют различные механизмы, включая вывод средств через офшорные подставные компании, продажу государственных активов иностранным инвесторам в обмен на взятки и подпольные переговоры по всем государственным контрактам [216].

Структурные реформы, проводившиеся в Центральной Азии в 1990-е годы, осуществлялись в соответствии с интересами правящей элиты: от радикальной шоковой терапии в Кыргызстане до квазистагнации в Туркменистане и программ, направленных на улучшение инвестиционного климата во время экономического бума, предшествовавшего кризису 2008 года. Правительства принимали или отвергали реформы, руководствуясь скорее внутривнутриполитическими расчетами, чем долгосрочными целями развития страны. Даже когда правительства инициировали проекты, их реализация была неудовлетворительной, поскольку цепочка принятия решений постепенно ослабевала по мере продвижения вниз по корпоративной иерархии [72]. Более того, все правящие элиты использовали зависимость от иностранной помощи в своих интересах, что делало практически невозможным отслеживание хода реализации проекта или возврат средств в случае неудачи [186].

В результате местные формы практики экономического патронажа, традиционно определяемые как «низкое равновесие», привели к снижению или ослаблению экономических показателей и государственного строительства, когда стимулы для создания продуктивной и конкурентной среды искажаются финансовыми поступлениями от углеводородов и международной помощи.

Политические факторы.

Целесообразно выделить три категории политических факторов:

- действие устоявшейся президенталистской модели отношений между исполнительной и законодательной властью;
- местная политическая культура, представленная клановой политикой;

– режим патронажа [72].

Президенциалистская модель взаимоотношений исполнительной и законодательной власти. Как известно, авторитарные или персоналистские режимы возникают на основе однопартийных систем или в результате сильного военного присутствия в государстве [190]. Большинство нынешних политической правителей в странах Центральной Азии начало свою карьеру из номенклатуры советской коммунистической партии в последние десятилетия ее правления. Поэтому, по мере укрепления элит, альтернативные политические движения становились все более маргинальными. Власть стала концентрироваться в руках одного лидера при поддержке относительно небольшого круга приближенных лиц.

Эффективность сложившейся президенциалистской модели исполнительно-законодательных отношений, лежащей в основе неопатримониальных режимов, проявляется в том, что авторитаризм в странах Центральной Азии представляет собой прототип режимов с демократическими институтами, но его функции редко реализуются в полной мере [72].

Президент подавляет другие институты и ослабляет горизонтальную подотчетность, что приводит к «делегативной демократии» [127]. Учитывая свой национальный мандат, он вполне успешно перебирает на себя функцию решать все вопросы в государстве от имени всего народа. Победивший «кандидат в президенты» представляет себя выше политических партий и организованных интересов, что означает, что «кто бы ни выиграл президентский пост», он заявляет о своем праве «править так, как считает нужным» [131]. С этой точки зрения, другие институты - например, исполнительная власть, суды и законодательные органы - являются помехой, связанной с внутренними и международными преимуществами избранного президента. Подотчетность перед такими учреждениями кажется простым препятствием для реализации всей полноты полномочий, делегированных правителю.

Таким образом, закрепившаяся президенталистская модель взаимоотношений исполнительной и законодательной власти в странах Центральной Азии предоставляет избранному президенту исключительные права по управлению составом правительства исполнительной ветви власти. Во-вторых, конституционные нормы наделяют избранного президента полномочиями контролировать законодательную власть, а также важные судебные, прокурорские и правоохранительные институты. Такая формальная конструкция дала президентам в странах Центральной Азии важный инструмент для доминирования как в формальной, так и в неформальной политике, при том, что они уверенно заявляли о верности демократическому конституционному дизайну. В-третьих, президент претендует на то, чтобы представлять всю страну, что способствует нетерпимости к любой оппозиции и отказу от институциональных ограничений. Президенты считают себя вправе править так, как считают нужным и ограничены они при этом только сроком полномочий.

Вышеприведенное позволяет утверждать, что наличие президенталистской модели является важным инструментом суперпрезидентализма, обеспечивающего устойчивость неопатримониальных режимов в странах Центральной Азии. За годы независимости прошло множество выборов, которые позволили лидерам прийти к власти. Кроме того, каждые пять-шесть лет руководство стран обновляло свою легитимность путем выборов. Президенты не демонстрируют подлинной отзывчивости к широким массам, в основном из-за абсолютного контроля над любым протестом или вызовом их режиму. В большинстве республик отсутствовали активное гражданское общество и сильные сплоченные политические партии. За последние три десятилетия институт президента скорее укрепился, чем ослаб, и доминировал над всеми другими формальными институтами [67].

Итак, авторитарный президентализм является неотъемлемой частью неопатримониализма, унаследованного республиками от советского прошлого

[72]. «Режим президентского авторитаризма привносит кажущуюся предсказуемость в систему, избегая конкурентных выборов, и гарантирует, что система остается закрытой для конкурентов» [160].

Местная политическая культура, представленная клановой политикой.

Политическая культура в странах Центральной Азии очень четко описана Ф. Старром, который отмечает, что это «отношения на стороне, а не то, что происходит на главной политической сцене, где доминируют великие силы и контролируемые ими сети» [218]. Действительно трудно представить политику Центральной Азии без неформальных взаимодействий между различными акторами, кланами и региональными сетями.

Неформальные соглашения и организации играют важную роль как в экономической, так и в политической сферах. До современных и партикуляристские коллективистские организации, такие как кланы и региональные группы, удивительно устойчивы и являются ключевыми политическими и экономическими переменными, лежащими в основе неопатримониальных режимов в странах Центральной Азии. Клановые сети основаны на логике снижения неопределенности в обществах и режимах с низкой предсказуемостью [72].

В республиках Центральной Азии действуют как генеалогические, так и политические кланы. Политические кланы различаются в зависимости от уровня правительства (национальный или местный) и ветви власти (исполнительная или законодательная). Клановые сети оказывают влияние на президентский институт, в частности, заставляя президента назначать своих представителей на ключевые должности. Парламент и судебная система также находятся под сильным влиянием клановых сетей и непотизма. Более того распределение государственных ресурсов происходит в соответствии с правилами клановой политики.

Для реализации решений, принятых на высоком уровне, исполнительная власть не может полагаться только на принуждение, что

политически и финансово затратно, и должны также использовать сети различного характера, способные мобилизовать людей и формировать общественное мнение [186]. Региональные элиты являются одной из таких необходимых сетей. Утверждение о том, что односторонние отношения между центральным правительством и региональными элитами по принципу «сверху вниз» являются ошибочными из-за авторитарного характера этих государств. В действительности региональные элиты занимают важный средний уровень и оказывают влияние благодаря своим ежедневным контактам с представителями местных органов власти [186].

Даже, если в стране на ключевые должности назначаются технократы, не связанные с кланами, повестка дня президента и парламента в значительной степени контролируется неформальной политикой. Очевидно, что руководитель страны зависит от поддержки кланов, и, в свою очередь, клановые патронажные сети также нуждаются в его попечительстве, что обеспечивает устойчивость неопатримониального режима.

В последние десятилетия наблюдалась трансформация политических кланов, где решающую роль начали играть экономические интересы и формирование кланов по финансовым интересам.

Покровительственный режим.

Почти все режимы Центральной Азии работают в условиях кумовства. Президенты позволяют близким и дальним родственникам получать выгоду от системы патронажа, и эта практика распространяется на все уровни власти [72]. Клиентелизм определяется как «сети диадических отношений, в центре которых находятся властные фигуры – покровители, контролирующие ресурсы, необходимые для выживания и благополучия зависимых групп – клиентов», и является важной особенностью функционирования неопатримониального режима [25]. Президент распределяет административные должности, официальные политические функции (правительство, дипломатия) и экономические активы в соответствии с неписаными правилами, а экономические активы распределяются в

соответствии с неписаными правилами.

Таким образом, смещающиеся границы постоянно пересматриваются в обмен на различные формы лояльности, и этот механизм воспроизводится на всех уровнях и во всех секторах [186].

Клиентелизм сильно влияет на государственное управление в анализируемых странах и играет немаловажную роль в поддержке неопатримониальных режимов и обеспечении их устойчивости. Государственная служба не функционирует как меритократия, скорее, людей набирают на основе связей, благосклонности, обещаний и привилегий. Должности могут продаваться, но кандидаты договариваются о стоимости своих должностей, исходя из того, что они являются частью сети, которая обеспечивает символический вклад в дополнение к их вознаграждению.

Нет различий между должностью и чиновником. Подчинение должности - то же самое, что подчинение человеку; бюрократ как бы владеет своей должностью. Когда начальник уходит, контракты должны быть перезаключены с его преемником. Власти заинтересованы в сохранении «серых» институциональных и правовых зон, которые расширяют их собственные возможности для контроля [186]. Таким образом, клиентелизм и коррупция являются механизмами контроля, используемыми государством для обеспечения зависимости элит и чиновников от действующих лидеров. Все эти сети зависимости, nepотизма и патронажа работают на поддержание и укрепление неопатримониального режима [72].

Социальные факторы.

Из числа социальных факторов можно выделить различные их группы и характеристики, обусловленные ментальностью, информационной сферой, культурой, языком и так далее. В рамках проводимого исследования рассмотрим две группы факторов – первая связана с политической лояльностью, которая обеспечивает устойчивость неопатримониального режима, вторая – основывается на управлении общими концепциями и мировоззрениями, идеологическим производством и консенсусной

идентичностью [72].

Политическая лояльность.

Лояльность создает предпосылки легитимности режима, закладывает принципы развертывания определенного типа законности и процесса легитимации политической власти. Часто лояльность играет роль достаточно консервативного фактора. Российский ученый В.Н. Плигин отмечает: «Каждый режим, представляя собой отображение непосредственных интересов власти, стремится гарантировать и достичь максимально широкой поддержки для обеспечения своего стабильного существования. Именно в этом заключается «инстинкт выживания» власти, имманентно присущий ей консерватизм, боязнь глубоких трансформаций, которые могут произойти в общественных структурах. Эти изменения относительно редко выступают инициативой властных структур, а если такое случается, то причиной является жесткая необходимость либо же поиск инструментов, способных обеспечить стабилизацию положения правящего режима» [76].

По сути, лояльность к действующему политическому режиму опирается на довольно разные по характеру элементы [12]. В странах Центральной Азии наиболее устойчивым элементом лояльности является традиция и ее отдельные нормы, которые пролонгируются в социально-культурном и социально-политическом спектрах.

Политическая лояльность является фактическим условием поддержания неопатримониальных режимов в условиях постоянного внешнего воздействия и соответствующих внутренних аспектов деструкции в социально-политическом и экономическом направлениях. Такая лояльность формируется в результате действия как материальных факторов, так и нематериальных. Влияние материальных факторов полностью основано на различных по направлению коррупционных составляющих. Нематериальные факторы характеризуют предоставление своеобразного сервиса по отношению к лояльным элементам, в частности, получение признания в обществе при содействии государственных учреждений и подконтрольных коммерческих

структур, закрепление престижного статуса или позиции за определенным человеком или «верной» режиму социальной группой. Одним из примеров является кооптация (распределение должностей, имеющих высокую символическую ценность, но небольшую политическую силу, например, назначение на престижные дипломатические и научные должности) [68]. Например, режим в Казахстане преуспел в этой области, поддерживая широкий консенсус вокруг президента и обезоруживая историческую оппозицию. Конечно, такая направленность в налаживании лояльных сетей взаимопомощи часто является достаточно условной и детерминированной временными рамками существования определенной конфигурации неопатримониального режима.

Политическая лояльность в рамках неопатримониальных режимов в Центральной Азии имеет свои характерные черты: 1) ментальную укорененность, 2) разносторонность, 3) воспроизводимость, 4) теневой спектр.

Лояльность к политическим системам определяется поколенческой принадлежностью, она имеет укорененность в отдельных социальных группах. Специфическое заигрывание неопатримониальных режимов центральноазиатских стран с коммунистическим прошлым объясняется необходимостью получить лояльность части населения, ментально зависимого от условных советских ценностей и идеалов. Такая связь имеет сугубо иррациональный характер, однако в республиках существуют открытые каналы коммуникации, которые неопатримониальный истеблишмент контролирует и узурпирует. Вследствие этого открываются широкие возможности для пролонгирования мифов прошлого на настоящее. Неопатримониальный режим не имеет собственной сущностной идеологии, поэтому связь с тоталитарным прошлым или прошлым, где доминировала традиция, является оправданной необходимостью.

Важно также указать на наличие процесса персонализации как механизма получения лояльности (политическое управление рассматривается патроном как персональное дело), то есть институциональная и культурная

матрица республик определяет патерналистские настроения постсоветского общества. Вполне осознанное желание «сильной руки», защищающей национальные интересы и отстаивающей интересы простых людей, было спроецировано на личность президента.

Таким образом, лояльность открывает широкие возможности для манипулирования общественным мнением на всех уровнях. Неопатримониальный режим, заботясь о своей устойчивости и стабильности обеспечивает поощрение всех разновидностей лояльности. В частности, в странах Центральной Азии можно выделить политическую лояльность на уровне элиты, то есть поощрение элитарных групп к действиям, выгодным неопатримониальной верхушке. Пролонгирование такой позиции фактически делает невозможным любые системные сдвиги в сторону демократизации. Лояльность политической элиты подкрепляется усилением системного контроля и процессом централизации на местах.

Для обеспечения лояльности населения неопатримониальные режимы в республиках воспроизводят определенный уровень условного экономического успеха, который строится на имеющейся минерально-сырьевой базе (в большинстве своем нефтяные или газовые месторождения). В кратковременной перспективе иногда реализуются отдельные социальные программы.

Управление общими концепциями и мировоззрениями.

Действие данного фактора основано на политической идеологии, в некоторых случаях на религиозной доктрине и экстремистских контекстах.

Травмы независимости (например, гражданская война в Таджикистане) играют важную роль в поддержании коллективного страха (исламский терроризм в Узбекистане, этнические конфликты в Кыргызстане) и в определении врага. Господство в информационном пространстве теорий заговора, обличающих соучастие внешних и внутренних врагов и утверждающих уязвимость страны в сложной региональной обстановке, где видны только планы крупных держав, способствует очевидному единству

между режимом и большинством граждан [186].

Организованная политическая мобилизация - создание фиктивной оппозиции, стремительное развитие созданных правительством организаций гражданского общества, спонсируемые демонстрации, молодежный активизм и корпоративные движения по профессиям, возрасту и полу - обеспечивают творческую основу для граждан, которые хотят более активно участвовать в развитии общественного пространства, не оспаривая при этом модальности системы предоставления убежища. Наконец, создание национальной мифологии, основанной на мифах, разработанных для каждой республики в советское время, но адаптированных к условиям независимости, является весьма успешным фактором, лежащим в основе неопатриотической системы. Все это усиливает чувство идентичности и, следовательно, представительства среди граждан и лидеров с помощью классических инструментов государственного строительства в странах Центральной Азии [186].

Переходя ко второй части исследования, отметим, что для анализа устойчивости практик неопатримониального режима в страновом аспекте были выбраны в качестве примера *Республика Казахстан, Республика Узбекистан и Республика Туркменистан*, что объясняется рядом следующих причин.

Во-первых, режимы в этих странах пережили все другие формы правления в регионе, в связи с чем долголетие этих персоналистских систем делает их предметом академического интереса.

Во-вторых, политические режимы в республиках следуют традиционным моделям классического президентского патронажа, при котором политическая и экономическая власть одновременно концентрируется на высоком уровне.

В-третьих, наряду с экспроприацией политической и экономической власти происходит также экспроприация символической и культурной власти. Это проявляется в культивировании мифа об отцах-основателях, который продвигается на идеологическом уровне через повседневную практику

поклонения личности [186].

В-четвертых, в этих странах относительно недавно завершился процесс транзита верховной власти.

В-пятых, относительно схожие ментальные, географические, исторические условия.

Кыргызская Республика в рамках проводимого анализа не будет рассматриваться, поскольку эта республика является одновременно исключением и нормой. Исключением, во-первых, является парламентская система страны, которая, несмотря на свои недостатки и слабости, предотвратила возникновение абсолютистской президентской власти и заставила элиту перестроить отношения со своим народом на более демократический лад. Во-вторых, это единственное государство из стран Центральной Азии, которое подверглось «политической рационализации» снизу, то есть через «цветные революции», с поощрением широких слоев населения к политическим преобразованиям.

Норма объясняется тем, что страна остается ведущим примером практики патронажа, особенно с точки зрения тесной связи между интересами бизнеса и политическими стратегиями. Кыргызстан делится на несколько сетей патронажа. К ним относятся те, которые основаны на руководстве различных парламентских фракций; которые исходят от политических сил, не представленных в парламенте и сети, которые происходят из неполитических источников (в основном из бизнеса) [186].

Также нецелесообразным представляется акцентирование внимания на Республике Таджикистан в силу отсутствия смены инкубента. Эта республика продемонстрировала очаг либерализма в первые годы своей независимости. Однако попытки либерализации были затруднены гражданской войной в 1994–1997 гг. После заключения мирного соглашения в стране установилось жесткое авторитарное правление под руководством Эмомали Рахмона. Э. Рахмон, пришедший к власти после гражданской войны 1990-х годах, постепенно устранил конкурирующие политические

группировки и централизовал власть вокруг своей семьи и патронажных сетей, базирующихся в его родном городе Дангара. В результате Э. Рахмон и его клан установили гегемонистский контроль над политикой Таджикистана, начиная с 2001 года и до сегодняшних дней.

Вместе с тем, сегодня можно проследить реализацию в Таджикистане туркменской модели передачи власти «от отца к сыну»: назначение на высшие руководящие должности старшего сына Рустама Эмомали, его поездки за границу в качестве официального лица - так называемая «обкатка» будущего президента.

Республика Казахстан.

На политическом уровне укрепление неопатримониальных механизмов в Казахстане после распада СССР шло параллельно с ростом авторитаризма. Как и в остальных республиках Центральной Азии, население Казахстана оставалось в значительной степени деполитизированным. После обретения независимости в стране проблемы, связанные с новыми или измененными институтами, такими как парламент, политические партии и конкуренция на выборах, заставили политическое руководство, а именно президента Нурсултана Назарбаева, полагаться на неформальные политические нормы поведения и отношения для обеспечения и консолидации власти [69].

Первое десятилетие президентства Н. Назарбаева характеризуется следующими четырьмя основными чертами:

- 1) процесс государственного и институционального строительства;
- 2) отсутствие идеологии в пользу управленческого типа руководства;
- 3) олигархический капитализм;
- 4) сильный персонализм, сдвиг к суперпрезиденциализму;

С первых дней правления Н. Назарбаев начал консолидировать власть под своим личным контролем в основном через референдумы и решения Конституционного суда. Основанием для этого была острая необходимость в проведении реформ, внешнеполитические вызовы, на как следствие этому - усиление неопатримониальных практик. Существовавшие в то время

независимые СМИ постепенно перешли под контроль близких союзников и членов семьи президента. К 2000 году Н. Назарбаев «окружил себя ядром элиты, значительно меньшим, чем в 1991 году, в основном состоящим из родственников и близких» [71]. 27 июня 2010 года Мажилис, высший законодательный орган Казахстана, принял Закон о первом президенте Казахстана, «предоставив Н. Назарбаеву доступ к будущему президентству, иммунитет от уголовного преследования и возможности влияния на внутреннюю и внешнюю политику» [16].

Политический имидж «самого стабильного и устойчивого режима в регионе» во многом выстраивался вокруг личности лидера государства.

В целом можно отметить, что с началом XXI века устойчивость неопатримониального режима в стране в течение следующего десятилетия обеспечивали три основных политических и экономических круга, составляющих центральную правящую элиту («семья», олигархи и технократы). Президентская «семья» разделена личными стратегиями и возникает как единый актер только в случае прямой конфронтации с другими группами.

В дополнение к собственной рыночной конкуренции олигархи установили противоречивую динамику, полагаясь в одних случаях на косвенную конфронтацию, а в других - на сотрудничество с государствами-покровителями. Наконец, центральную роль играли технократы. Это объясняется тем, что технократы институционализировали эти экономические соревнования и играли «промежуточную» роль между частными интересами и политико-административным посредничеством [71].

Еще одним фактором, обеспечивающим устойчивость неопатримониального режима в Казахстане, является подкрепляемая на законодательном и конституционном уровне президенталистская модель. В 1995 году, после парламентского кризиса, вызванного, в частности, отсутствием ясности в конституции 1993 года и препятствиями, которые создавал парламент в процессе реализации политики президента, на

референдуме была принята новая конституция. Основанная на французском подходе, эта редакция ввела двухпалатный парламент и сохранила разделение ветвей власти. Однако президент получил более широкие полномочия, включая право роспуска парламента. С тех пор в Конституцию неоднократно вносились поправки.

В то же время необходимо отметить, что Казахстан наглядно продемонстрировал историю успеха посткоммунистического развития в регионе. Инвесторы, местные элиты и иностранные лидеры отмечали стабильность режима Н. Назарбаева. А в 2019 году Нурсултан Назарбаев добровольно ушел в отставку после почти тридцати лет пребывания у власти, чтобы оставить место для «нового поколения лидеров» [72].

Вместе с тем, процесс транзита высшей политической власти в Казахстане можно разбить на два этапа. Первый этап: с 2019 г. – до января 2022 г.; второй: с января 2022 г. – до марта 2023 г. – итогами избирательной кампании в парламент республики, перезагрузки законодательной ветви власти – завершающим этапом комплексного обновления ключевых государственных институтов [72]. Однако анализ хронологии событий и принятых политических решений: Конституционный закон 2000 года «О Первом Президенте Республики Казахстан - Елбасы» (с последующими изменениями в 2010 году), реформы, перекроившие политическую систему в период с 1017 по 2019 годы свидетельствуют, что транзит власти в Казахстане готовился тщательно и заблаговременно [95].

Республика Узбекистан.

Факторы устойчивости неопатримониального режима в Узбекистане уходят далеко корнями в историю. Известно, что модели патрон-клиентских отношений существовали и были характерной чертой Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Например, бухарский эмир использовал метод «танхо» – систему, при которой лицензии выдавались привилегированным местным правителям за их лояльность, военную службу или за разделение налоговых поступлений с Бухарой.

Новые грани этих вассально-сюзеренных отношений получили второе дыхание в советское время. Шараф Рашидов, бывший первый секретарь узбекского отделения КСПУ, может считаться крестным отцом нынешнего неопатримониального режима в Узбекистане. Его многолетнее правление страной с 1959 года по 1983 год, в течение которого он успешно сочетал руководство советского образца с неформальными практиками, близкими к танхо, демонстрирует новый тип феодального государства, при котором сети патронажа процветали как в политике, так и в распределении экономических ресурсов.

Сильные патронажные сети поддерживались и защищались важными должностными лицами в областном комитете КПСС, в результате чего существовал постоянный поток экономических ресурсов между руководителями хозяйств и членами местных органов власти. Ярким примером этих отношений «патрон-клиент» является защита и благосклонность, которую первые секретари обкомов оказывали первым секретарям районов при назначении на должности.

Политика и практика неопатримониализма в постсоветском Узбекистане связаны с режимом Президента Ислама Каримова и траекторией его политической биографии. Он пришел к власти в качестве лидера Коммунистической партии Узбекистана в 1989 г. на фоне роста националистических движений в СССР. Приспосабливаясь к этой тенденции общественных настроений, он с самого начала стремился представить себя вождем всего народа и стоящим выше всякой «клановой» лояльности. В публичных заявлениях И. Каримов осудил клановую политику и поклялся бороться и искоренить ее из узбекской действительности. В своей книге «Узбекистан на пороге XXI века» И. Каримов называет регионализм и кланы одной из семи важнейших угроз безопасности страны [179]. Таким образом, сам И. Каримов признавал, что феномен «кланов» не исчез, а остается частью реальности в Узбекистане.

Постепенно И. Каримов консолидировал власть под своим личным

контролем и ослабил зависимость от прежних союзников и партнеров. Он укрепил неопатримониальную иерархию и использовал противостояние фракций друг с другом в качестве краеугольного камня своего режима личной власти.

Устранение старых «клановых» лидеров было дополнено ограничением институциональных возможностей местных элит в их доступе к национальным экспортным ресурсам, особенно в хлопковом секторе. Шаг за шагом основные экспортные ресурсы были сосредоточены в руках центрального правительства под личным контролем президента. Консолидация захвата им основных национальных ресурсов совпала с сохранением командной экономики в сочетании с несколькими избранными элементами свободного рынка. Наряду с процессом концентрации финансового капитала в столице и ослаблением влияния местных элит, значительно уменьшилось значение региональных «кланов» и фракций. Чтобы свести к минимуму влияние региональных лидеров, И. Каримов использовал политику частых ротаций.

Аналогично с Казахстаном устойчивость неопатримониального режима в Узбекистане обеспечивало наращивание семейного богатства И. Каримова, что стало довольно обширным бизнесом и привело к появлению того, что можно охарактеризовать как «мега-клан».

Пример формирования «мега-клана» подчеркивает одно из отличий «каримовского» стиля неопатримониального правления от его советских предшественников. В отличие от последних, И. Каримов (как и другие постсоветские правители) принял рыночную экономику, хотя и очень избирательно. Это дает ключ к пониманию новизны неопатримониального режима И. Каримова, которая заключается в сочетании трех взаимодополняющих факторов:

- 1) гиперцентрализация административной системы и исключительный контроль над властью, осуществляемый президентом;
- 2) избирательное внедрение рыночной экономики, позволяющей

правлящей элите легализовать приобретение ресурсов и капитала;

3) избирательное использование административно-правовой системы для нейтрализации открытой и скрытой оппозиции существующему режиму.

Однако за несколько лет, прошедших после того, как Шавкат Мирзиёев сменил Ислама Каримова на посту Президента, в Узбекистане произошли беспрецедентные изменения, открывшие дискуссии о возможной демократизации государства. Economist назвал Узбекистан «Страной года 2019», международные СМИ говорили о появлении «узбекского чуда», а президента Ш. Мирзиёева считали реформатором или либералом. В то же время те положительные изменения, которые могли разрушить неопатримониальную структуру, поставили под сомнение обнуление сроков действующего президента в связи с внесенными в начале 2023 года изменениями в Конституцию страны. Теперь действующий президент Шавкат Мирзиёев теоретически сможет править до 2037 года. По сути, выстраиваемая политическая система «мирзиёевской эпохи» воспроизводит ту же модель государства «эпохи Н. Назарбаева», в которой все рычаги правления сконцентрированы в руках одного правителя [93].

Республика Туркменистан.

Туркменистан заслужил репутацию одного из самых репрессивных режимов двадцать первого века. Бывшей советской республикой руководил «отец-основатель» Сапармурат Ниязов с 1985 года до своей смерти в 2006 году. Со сменой лидера были надежды на то, что его преемник, президент Гурбангулы Бердымухамедов может провести значимые политические, экономические и социальные реформы [39]. Однако персонализированность неопатримониальных систем в преемственности власти нового президента от его предшественника С. Ниязова, только утвердилась и, по сути, ничего не изменилось. Г. Бердымухамедов носит титул «Аркадаг», который может переводиться как «большая опора», «гора позади», «твердыня, опора и надежда».

Транзит власти произошел фактически не от старой элиты к новой, а в пределах одного лидерского штаба к наследнику. Таким образом, очевидны монархические признаки, а значит, можно говорить о том, что традиционная легитимация остается важным элементом такой неопатримониальной системы.

Как и в некоторых других богатых ресурсами странах, стабильность неопатримониального правления в Туркменистане обеспечивается централизацией и контролем доходов от экспорта углеводородов, которые идут на финансирование обширных служб безопасности и патронажных сетей. Все действия властных структур, внутренняя и внешняя политика Туркменистана направлены в первую очередь на самосохранение режима [39].

Экспроприация культурной сферы происходит в результате включения Аркадага в общественную внеполитическую жизнь как певца, писателя и спортсмена, которое поддерживается СМИ и системой государственной власти. А прошедшие выборы президента в 2022 году, в результате которых к власти пришел его сын – Сердар Бердымухамедов, только усилили позиции клана. Таким образом, можно говорить о пронизывании персональной неопатримониальной властью всех сфер существования общества.

Резюмируя, можно отметить, что Туркменистан – это государство-рантье, где острая нехватка квалифицированных кадров, малочисленность интеллектуальной элиты и частые чистки истеблишмента, деградация системы образования, неразвитая промышленная база и обширные неформальные элитные сети. Это факторы, которые стабилизируют неопатримониальный режим и препятствуют стремлению к либерализации.

Таким образом, обобщая результаты проведенного анализа, можно констатировать следующее. Спустя три десятилетия независимости практически авторитарные президентские режимы, характеризующиеся неопатримониализмом и неформальной политикой, укоренились в республиках Центральной Азии. В большинстве республик неопатримониализм так и не был ликвидирован или преодолен, а наоборот,

усилился, в результате чего до сегодняшнего дня он представляет собой систему и совокупность властных практик на этих территориях [56].

Созданные в независимых центральноазиатских государствах специфические неопатримониальные режимы, которые в разном объеме имплементировали формально демократические институты, анонсировали демократические реформы в политической и экономической сферах, сущностно не трансформировались. Это доказывает сохранение типичных для неопатримониальных систем клиентарно-патронажных сетевых отношений, с такими характерными признаками как персонализация лидера, ведущая роль центра в центр-периферийных отношениях, экспроприация экономических, фискальных, символических, культурных, политических формальных и неформальных институтов рентоориентированными экономическими игроками в союзе с неопатримониальной бюрократией.

В процессе исследования обозначена система ключевых факторов, которые имеют наиболее правдоподобную объяснительную силу причин сохранения неопатримониализма в Центральной Азии. «В данную систему включены экономические факторы, политические (влияние устоявшихся президентских моделей в отношениях между исполнительной и законодательной властью, местная политическая культура, представленная клановой политикой, режимы патронажа) и социальные (политическая лояльность, управление общими концепциями и мировоззрениями, идеологическое производство, консенсусная идентичность)» [72].

На примере Казахстана, Узбекистана и Туркменистана рассмотрены страновые особенности и факторы устойчивости неопатримониализма.

Глава 2

Факторы режимной динамики неопатримониального режима в Республике Казахстан

2.1 Инкубент как основной фактор устойчивости неопатримониализма в Казахстане

Глобальное развитие демократии привело к появлению внушительного объема литературы о демократическом переходе и консолидации. Ученые проводят тщательный анализ транзитных режимов в Латинской Америке, Африке, Восточной Европе и Азии, выявляя не только положительные изменения, но и проблемные процессы консолидации [109; 202]. В некоторых странах только зародившиеся демократические системы правления не смогли полностью порвать с авторитарным прошлым. Однако в большинстве современных исследований режимов, которые сочетают в себе демократические и авторитарные черты, они воспринимаются не как полуавторитарные, а как частичные или ослабленные формы демократии, движущиеся к консолидации.

Одна из таких ослабленных форм демократии сложилась в Республике Казахстан. Ее отличительной чертой является тот факт, что в общих измерениях исторической эволюции правящий режим отошел от концепции тотального абсолютизма и в некоторых случаях с переменным успехом создает элементы демократизации общественных процессов [128].

Начиная с 1990-х годов, когда Казахстан провозгласил свою независимость, оставшийся в наследие после СССР авторитарный режим, столкнулся с двумя видами давления с целью демократизации: внутренним давлением, вызванным недовольством внутри страны, и внешним давлением, основанным на международных стандартах. Благодаря политике, проводимой первым президентом страны Нурсултаном Назарбаевым, страна постепенно стала на путь перехода от авторитаризма к электоральной демократии. Как

следствие, в республике начиная с конца XX века и до сегодняшнего дня наблюдаются два параллельных процесса в социально-политической сфере: с одной стороны, институционализация демократических государственно-правовых и политических форм, с другой, наличие жесткой президентской вертикали и ее превалирование над другими секторами власти. В тоже время следует отметить, что конституционная реформа, инициированная в настоящее время президентом Касым-Жомартом Токаевым, предполагает уравнивание полномочий президента и парламента и отход от суперпрезидентской модели правления.

Выше обозначенное позволяет констатировать тот факт, что в Казахстане сложился «мягкий центристский авторитаризм» или как его еще называют неопатримониальная демократия [56]. По словам Б. Жунисбая, в республике удалось создать близкую к идеальной модель авторитаризма центристского типа, исторически показавшего себя как неплохой, достаточно надежный плацдарм для следующего модернизационного демократического транзита [178].

Многие ученые и исследователи ведут активные дискуссии и обосновывают различные причины, объясняющие стабильность неопатримониализма в Казахстане. Прежде всего, артикулируются такие классические политические факторы как: пассивное электоральное поле, несовершенная конфигурация исполнительной и законодательной власти, несамостоятельная судебная система [129; 188].

Однако, не умаляя значимости выделенных детерминант, считаем, что в научно-экспертной среде недостаточное внимание уделяются такому решающему фактору устойчивости неопатримониализма в Казахстане как инкумбент. Инкумбент – в общем понимании это человек или организация, которые в настоящее время занимают позицию власти или авторитета [150]. В политике инкумбент – это действующий представитель власти, который стремится быть переизбранным на занимаемую им должность [149]. В самых разных странах мира с авторитарными и демократическими режимами, с

гибридными системами правления, со слабой автократией и всепоглощающей диктатурой история наглядно свидетельствует о том, что в президентских гонках действующий правитель имеет большее преимущество быть вновь избранным, чем другие кандидаты.

Кратко охарактеризуем теоретические и концептуальные аспекты инкумбента.

Как свидетельствуют многочисленные наблюдения, в полностью автократических режимах у действующего президента есть целый ряд инструментов, для управления выборами и достижения желаемых результатов [81]. Распространено мнение, что автократы используют широкомасштабное насилие и репрессии, вброс бюллетеней и другие неправомерные меры, чтобы остаться у власти [49]. Они делают это, иногда настолько открыто, что привлекают внимание международной общественности, но это не единственный и даже не основной способ инкумбента, с помощью которого действующие правители удерживают власть.

Вторым не менее действенным рычагом является использование правящими элитами своего контроля над государственными ресурсами, чтобы остаться у власти. В частности, когда ограниченный круг лиц контролирует огромный государственный сектор и зависимую от него частную экономику, граждане из всех экономических слоев остаются зависимыми от государства. В свою очередь, поскольку выборы, как правило, связаны с доступом к государственным ресурсам, а не с соревнованием за правила их использования, избиратели склонны поддерживать кандидатов, имеющих тесные отношения с действующей элитой. Как известно, большинство представителей элиты, которые принимают участие в выборах (и побеждают на них), – это те, кто относительно близок к режиму.

Логика авторитарных выборов создает систему, которая в целом (за исключением экзогенных потрясений) помогает сохранить власть. Кроме того, правящая элита обеспечивает приверженность части граждан к режиму (как правило, сельских избирателей), которые зависят от дотаций и субвенций,

выделяемых им в виде средств к существованию.

С. Рикард, например, отмечает, что авторитарный режим в Мексике одновременно ввел в действие ряд политик и институтов, которые не позволили крестьянам выбраться из бедности и сделали их систематически зависимыми от государственного патронажа для выживания [209]. При этом, действующие власти распределяют государственные ресурсы во время выборов, предлагая более широкие льготы и вызывая политические бизнес-циклы, аналогичные тем, которые наблюдаются в демократических режимах.

Используя преимущества инкумбента, правящий класс также может манипулировать правилами, которые определяют поведение избирателей и кандидатов на выборах. Исходя из опыта проведения выборов в демократических странах, известно, что избирательные правила имеют очень большое значение для победы, и, следовательно, действующие кандидаты заинтересованы в манипулировании ими. То же самое верно и для избирательных правил в диктатурах. Тип избирательной системы (пропорциональное представительство против всеобщего голосования, одновременные выборы против последовательных) влияет на способность оппозиции к координации, а также на количество кандидатов и партий в целом.

По этой причине ученые отмечают, что правящие элиты занимаются джерримендерингом и неправильным распределением, что смещает парламентские места в пользу сторонников действующего режима и ослабляет оппозиционные партии [148].

Зачастую манипулирование правилами выходит за рамки стандартных процедур. Инкумбент может изменять в свою пользу нормы и установки, которые регламентируют работу СМИ, тем самым фильтруя поступающую информацию и затрудняя координацию между оппозиционными элитами. Находящиеся у власти правители также могут принимать непосредственные меры до выборов, чтобы ограничить участие и поддержку оппозиционных кандидатов, вводя дополнительные проверки и сужая их возможности для

проведения кампании. Наконец, инкумбент определяет состав и независимость избирательных комиссий, которые играют большую роль в подсчете и удостоверении окончательных результатов выборов [81].

Таким образом, опираясь на выделенные концептуальные аспекты, обуславливающие преимущества действующих президентов и их партий для удержания власти, а также учитывая особенности развития неопатримониальной демократии в Казахстане, обозначим факторы, которые по мнению автора, определяют успех инкумбента в обеспечении устойчивости режима в стране:

- узнаваемость имени президента и национальное внимание;
- широкие возможности по сбору средств и наличие базы для проведения кампаний;
- контроль над инструментами управления политическим режимом;
- опыт успешных кампаний;
- презумпция успеха;
- инертность избирателей и неприятие риска.

Рассмотрим эти факторы более подробно.

Узнаваемость имени президента и национальное внимание.

К одной из определяющих черт развития политического режима Казахстана, которая обеспечивает его устойчивость, исследователи относят личностные качества лидера государства, являющиеся неотъемлемой составляющей политической стабильности и экономического успеха страны [10]. Как отмечает Р. Искас, «сама фигура государственного лидера в Казахстане выходит далеко за национальные рамки, как в начале (в составе СССР), так и сейчас (в составе СНГ) она является фигурой международного значения» [175].

На пост президента республики в начале 1990 года будучи Первым секретарем ЦК КП Казахстана Н. Назарбаев был назначен Верховным Советом Казахской ССР. На общенародных выборах, которые прошли

в январе 1991 года, население страны выбрало его на пятилетний срок, свыше 98% проголосовало «за». После этого в ходе проведения общенационального референдума в апреле 1995 года президентские полномочия были продлены до 2000 г. Однако в конце 1998 г. парламент инициировал досрочные президентские выборы и выдвинул предложение о продлении срока полномочий президента до 7 лет. На альтернативных выборах, которые были проведены 10 января 1999 г., за Н. Назарбаева избиратели отдали 79,8% голосов. Победа действующего президента была вполне прогнозируемой.

На тот момент Н. Назарбаев в целом не являлся кандидатом, на имидж которого должны были работать PR-менеджеры. Его рейтинги всегда были высокими: 97,6% в 1991 г., 96,3% – на референдуме в 1995 г., 80,2% – на выборах 1999 г. В 2005 году выборы показали, что он был наиболее узнаваемым кандидатом (99,6%); с его программой было знакомо абсолютное большинство электората (82,1%); 82,4% были сторонниками того, чтобы он выдвигался на новый срок; более 85% считали его предвыборную кампанию наиболее интересной; а еще 10,6% вообще не видели ему достойной замены[41].

На своих последних выборах в 2015 году Н. Назарбаев набрал 97,7% голосов при явке выше 95% [23].

Помимо политической стабильности, узнаваемость имени президента Н. Назарбаева и рост его рейтинга является закономерным результатом проводимой успешной внутривнутриполитической экономической и международной политики. Если взять период с 1998 г. по 2005 г., то среднегодовые темпы роста ВВП в Казахстане достигали 10,4%. В свою очередь абсолютный прирост ВВП был зафиксирован на отметке 85%. Все это давало основание превалировать в стране положительным общественным ожиданиям и как следствие обеспечивало дальнейшее укрепление правящего режима.

Наряду с политическими и экономическими факторами, которые обеспечивали узнаваемость имени президента Н. Назарбаева и его популярность в народных массах, имидж незаменимого правителя

поддерживался также рядом идеологических и культурных мероприятий. Эти жесты были направлены на то, чтобы увековечить образ президента в повседневной жизни граждан страны даже после окончания его правления. Причем, данные инициативы исходили исключительно от окружения главы государства-«рентоискателей», сам президент был противником данных инициатив.

Помимо этого, власть придавала большое значение созданию новых общих историй и символов, которые составляют важную часть любого проекта национального строительства. Обозначенные усилия имели большое значение для Казахстана как для многонациональной страны. В данном контексте следует отметить, что благодаря наличию единого лидера, которого знали и узнавали все, который пользовался уважением и доверием, в страну было привнесено чувство легитимности, преемственности и национальной аутентичности. Безусловно, это с одной стороны позволило укрепить и объединить нацию, а с другой обеспечить устойчивость режима неопатримониализма.

Вместе с тем, основой привлечения тех колоссальных инвестиций, пришедших в Республику Казахстан за период его нахождения у власти, составлял личный авторитет президента у международных инвесторов.

Даже после того, как Н. Назарбаев ушел с поста президента республики, его образ продолжал оказывать огромное влияние на правительство и жизнь населения страны в целом. И именно на данном историческом промежутке времени, по нашему мнению, очень ярко проявлялось влияние инкумбента на стойкость сложившегося режима правления в Казахстане. До известных «январских событий» 2022 года, когда была проведена попытка государственного переворота, можно было говорить о том, что его авторитет напоминал всем в стране не только о том, где на самом деле находится власть, но и рассказывал историю о всемогущем человеке, который единолично нес ответственность за само существование современного Казахстана и его успехи, начиная от создания альянсов за

рубежом и до обеспечения стабильности в экономической и социальной системе на протяжении многих лет.

Вместе с тем, образ, который окружал Н. Назарбаева в период его президентства, сейчас эффективно используется командой нового лидера страны К. Токаевым. На фоне проводимых конституционных реформ, сложившаяся идеология власти позволяет ему укреплять доверие к себе и проводить необходимые реформы.

Описанные выше обстоятельства дают все основания утверждать, что претензии Казахстана на вербалианскую правовую легитимность, которая проистекает из доверия к рациональности и предсказуемости политической системы и была основана на личности правителя, являются вполне оправданными и обоснованными, учитывая патрональный характер системы правления в стране. В результате легальность, подкрепляемая такими источниками, как историческая традиция и образ лидера, играли значительную роль при обосновании устойчивости политической конфигурации режима в республике.

Широкие возможности по сбору средств и наличие базы для проведения избирательных кампаний.

Как известно, у действующих кандидатов гораздо больше возможностей для сбора средств. У них уже есть широкая база сторонников, к которым можно обратиться за пожертвованиями. Кроме того, их чаще поддерживают отраслевые организации, ассоциации, благотворительные фонды и прочие образования, которые объединяют взносы членов и жертвуют их на избирательные кампании [83].

Немаловажная составляющая успеха и стабильности инкумбента в Казахстане как основного фактора устойчивости неопатримониализма обусловлена тем фактом, что партийная система в стране была слабо развита и не имела реальной конкуренции за электорат.

Из семи зарегистрированных политических партий, три из которых – «Нур Отан», «Ак Жол» и Народная партия Казахстана (бывшие коммунисты)

– имели своих членов в Мажилесе VII созыва. Две последние позиционировали себя как оппозиционные силы. Политический спектр фактически не имел четкого деления на правых, левых и центр.

В целом партии, прошедшие в парламент, имеют дополнительное финансирование от государства поэтому финансируются гораздо лучше, чем их конкуренты, что позволяет им иметь больший доступ к рекламе.

Касаемо остальных немногочисленных активных организаций, которые представляли разные группы интересов, то они находились в отдалении от реальной политической жизни и запросов гражданского общества. Поэтому их деятельность в основном была направлена на реализацию аполитичных проектов социальной помощи в тех областях, куда правительство страны по разным причинам не успела добраться.

На фоне рассмотренных организаций можно выделить влиятельные группы интересов, которые обладали реальной возможностью влиять на принятие решений, – это казахстанский инвестиционный холдинг, созданный в 2008 году «Самрук-Казына», Ассоциация крупных энергетических компаний Kazenergy и Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен». Обе последние возглавлялись до последнего времени зятем первого президента, Тимуром Кулибаевым.

Очевидно, что такая относительная однородность и гетерогенность политического ландшафта обеспечивала успешность инкумбента в стране, который является гарантом устойчивости действующего режима.

Отдельное внимание следует уделить контролю медиапространства со стороны президентской коалиции.

Несмотря на правила, направленные на обеспечение равного доступа к СМИ, большую часть времени на телевидении в Казахстане в значительной степени занимали пропрезидентские партии [27]. Объективными факторами такого расхождения также можно считать большую активность и агитационную работу первых и низкую – последних.

Специфическое представление ключевых событий предвыборных

гонок в СМИ Казахстана обусловлено несколькими факторами. Во-первых, национальные медиа – это в большинстве своем «партийная пресса», в которой почти каждое агентство имело партийную принадлежность. Во-вторых, телевизионный рынок практически полностью был монополизирован крупнейшими политическими партиями страны или связан с крупным бизнесом.

В целом следует отметить, что в республике на сегодняшний день анонсирован новый закон о «О масс-медиа», который должен быть построен на новых принципах и гарантиях государства, направленных на усиление и обеспечение права на свободу слова.

В то же время сегодня в стране, особую популярность и распространение получают нетрадиционные СМИ (интернет-каналы, социальные сети, блоги и так далее), давление на которых оказывается к гораздо меньшей степени, чем испытывали на себе традиционные медиа. Причины такой ситуации объясняются фактами, которые свидетельствуют о положительных сдвигах в общественно-политическом поле страны.

Во-первых, президент К. Токаев, позиционирует себя как реформатор, который готов активно реализовывать демократические практики во всех сферах жизни. Подавление низовых медиапроектов только вредит имиджу президента в условиях построения «Справедливого Казахстана». И это несомненно положительный момент в развитии СМИ.

Во-вторых, нетрадиционные СМИ служат инструментом, который позволяет частично снизить общественное недовольство, не выходя за четко очерченные государством границы.

Контроль над инструментами управления политическим режимом

В Казахстане (в отличие от Узбекистана и Туркменистана) оппозиция никогда не исключалась из выборной гонки и политического процесса в целом, хотя и оставалась ограниченной в своих действиях и возможностях представительства со стороны властей. Например, в 2005 году за пост главы государства боролись пять кандидатов: действующий президент Нурсултан

Назарбаев, лидер оппозиционного блока «За справедливый Казахстан» Жармахан Туякбай, глава партии «Ак жол» Алихан Байменов, представитель коммунистической народной партии Ерасыл Абылкасымов и глава экологического союза «Табигат» Мелс Елеусизов [185].

В то же время, следует отметить, что оппозиции на выборах не удалось сосредоточить вокруг себя свой потенциальный электорат. Если еще в 2004 году предполагалось, что противники Нурсултана Назарбаева смогут рассчитывать на 25–30% голосов, то на выборах сторонники всех четырех альтернативных кандидатов составляли менее пятой части электората.

В 2007 году основные оппозиционные партии имели возможность провести активную парламентскую кампанию, практически не встречая препятствий для встреч с избирателями и размещения рекламы на телевидении и радио, а также в печатных СМИ. Центральные телеканалы, обеспечили существенное освещение предвыборной кампании оппозиции.

Согласно предварительным результатам выборов, опубликованным Центральной избирательной комиссией 19 августа 2007 года, партия «Нур Отан» получила 88% голосов (5,174 млн голосов). Ни одна другая партия не достигла 7% порога, необходимого для получения мест в Мажилисе. Национальная социал-демократическая партия заняла второе место с 4,6% голосов; «Ак Жол» получила 3,27%, «Аул» – 1,58%, Коммунистическая народная партия – 1,31%, партия «Патриот» – 0,75% и «Руханият» – 0,41%.

На досрочных президентских выборах 2019 года ЦИК зарегистрировала 7 кандидатов от 4-х политических партий и 3-х общественных объединений:

- 1) Жамбыл Ахметбеков от Народно-коммунистической партии Казахстана;
- 2) Дания Еспаева из партии «Ак жол»;
- 3) Амиржан Косанов из ассоциации «Улт тагдыры»;
- 4) Толеутай Рахимбеков от партии;
- 5) Амангельды Таспихов от Федерации профсоюзов;

- 6) Касым-Жомарт Токаев от «Нур Отан»;
- 7) Сады-Бек Тугель от ОО «Улы дала кырандары» [38].

Однако обзор предвыборных программ и платформ свидетельствует о том, что основному кандидату К. Токаеву и «несистемному» претенденту А. Косанову конкуренцию никто не составлял. Остальных участников избиратели просто не восприняли и не в последнюю очередь потому, что в целом их агитация была сдержанной и довольно примитивной.

Интересным является тот факт, что большинство кандидатов во время предвыборной кампании так и не посетили Алматы — крупнейший город Казахстана, где сосредоточена основная часть оппозиционно настроенных избирателей. Это указывает на то, что они вообще не были искренне заинтересованы в кампании или победе на выборах.

Стоит отметить, что один из основных дискуссионных барьеров для независимых кандидатов в президенты в Казахстане носит законодательный характер: согласно закону о выборах, кандидаты в президенты должны иметь как минимум пятилетний опыт государственной службы.

Анализируя опыт Казахстана, можем отметить, что контроль со стороны инкумбента над инструментами управления политическим режимом, который позволил укрепить неопатримониализм в Казахстане, явился следствием неразвитости партийной системы, способствующей со своей стороны усилению президентской ветви власти. Спецификой современного конституционного процесса в Казахстане является то, что его субъектами стали не полноценные политические партии (которые находятся на стадии становления), а институты государственной власти. Фактором, влияющим на низкую динамику развития оппозиции, является отсутствие в республике традиций легальной политической борьбы, что обусловлено особенностями ее исторического развития.

Также, ни одна из оппозиционных политических партий или организаций, а также других, в разной степени структурированных групп в Казахстане, не имела главного атрибута настоящей оппозиции: научно

обоснованной и четко сформулированной конструктивной альтернативной программы, которая бы отвечала назревшим в обществе изменениям и сложным геополитическим реалиям.

В результате исследования и анализа предвыборных программ партий, участвующих во внеочередных выборах депутатов Мажилиса парламента РК и маслихатов всех уровней, которые состоялись 19 марта 2023 года, проведенного казахстанским политологом Эдуардом Полетаевым, наиболее содержательными для широких слоев населения является программа партии «Аманат» («Нур Отан» после ребрендинга в 2022 году) [98].

Общей чертой всех политических партий и других оппозиционных сил является их социальный состав. То есть они представляют собой старые элитные группы, чьи интересы находятся в конфликте с интересами правящей элиты, и зависят от социальных и региональных клановых элементов. Ярким примером является Общенациональная социал-демократическая партия, которая была единственной зарегистрированной партией, которая публично заявляла о своей оппозиции Н. Назарбаеву с середины 2000-х годов, а теперь и К. Токаеву, хотя и в том виде, который Eurasianet охарактеризовал как «весьма приглушенный и аккомодационный» [207]. В итоге партия решила отказаться от участия в выборах Президента 2019 года из-за внутренних разногласий, сохраняющейся неблагоприятной избирательной ситуации, а также после вмешательства Мухтара Аблязова, который призвал своих сторонников голосовать за социал-демократов, представляя это как метод демонстрации несогласия с «Нур-Отаном» и как шаг, открывающий партию для давления с обеих сторон. Однако, на последних выборах в парламент, партия приняла участие и преодолев проходной барьер вошла в состав вновь избранной нижней палаты парламента с четырьмя представителями от партии, а в 2022 году партия впервые приняла участие в президентской гонке.

Таким образом, политическая система страны сегодня пока носит не завершенный образ. Действующий политический класс неоднократно был легитимизирован через выборы, но, тем не менее, при этом он вышел не из

демократической системы, а из советского периода. По нашему мнению, в ближайшие годы партийная система способна действовать преимущественно в «учебном режиме», представляя собой кадровую школу будущего политического класса для демократического развития страны.

Опыт успешных кампаний.

Безусловно еще одним важным фактором успеха инкумбента в Казахстане является сила стажа и опыта действующих представителей высшего эшелона власти, в том числе и Н. Назарбаева, о чем уже упоминалось ранее в исследовании. Почти неизменно в ходе предвыборных гонок, когда Н. Назарбаев противостоял любому из оппонентов, в PR-компаниях, на встречах с избирателями и дебатах подчеркивалась важность профессионализма и практической деятельности первого президента страны во благо государства. Это вне всяких сомнений сильный аргумент.

Маловероятно, что в неопатримониальных режимах, претендент, который выиграл президентскую гонку это новичок с небольшим опытом и без стажа работы [181]. Конечно, все это предполагает, что квалификация и подготовка действующего главы государства действительно используются для служения его избирателям, а не для обслуживания своих собственных интересов и запросов финансовых спонсоров.

За первые годы независимости в Казахстане было закрыто 130 крупных предприятий, число безработных достигло двух миллионов, ежемесячная инфляция составляла 50%, а годовая инфляция превысила 2000%. Именно в таких непростых условиях Н. Назарбаев сформулировал основную формулу будущего успеха страны: сначала экономика, потом политика.

Сегодня же, опыт и знания, а также весомый послужной список объясняют успех также и действующего президента Казахстана – К.К. Токаева. Он долгое время работал на самых высоких и ответственных государственных постах не только в Казахстане, но и на уровне заместителя генерального секретаря ООН. К. Токаев хорошо знаком с высокопоставленными политиками стран Центральной Азии и таких

значимых государств для Казахстана, как Китай и Россия.

Презумпция успеха.

Фактор «презумпции успеха» инкумбента в Казахстане, как основы устойчивости неопатримониального режима, наилучшим образом может быть раскрыт благодаря использованию двух теорий. Первая – это теория сочетания традиционного, легально-рационального и харизматического доминирования М. Вебера, которая на практике проявляется в рутинизации харизмы. А вторая теория касается устойчивости инкумбента на фоне слабых соперников.

Харизма, как источник легитимности, имеет отношение к политическим деятелям патримониального режима. Харизматический лидер в условиях авторитарных практик становится легитимированным индивидами и обществом в целом. Его образ активно поддерживается агитационными и пропагандистскими методами, а также выступает в качестве объединяющего и направляющего элемента устойчивости политической системы [90].

Секрет формулы успеха устойчивого инкумбента Казахстана заложен в политической культуре народа. Одним из следствий исторического развития кочевых народов Внутренней Евразии является то, что современная политическая культура Казахстана характеризуется консерватизмом и предпочтением сильного правителя, главной обязанностью которого является обеспечение национальной безопасности.

Если рассматривать Н. Назарбаева, то он узаконил свое господство опираясь на сочетание персонифицированного *харизматического* авторитета, традиционного имиджа «отца нации», базирующегося на реальной и активной клановой идентичности и используя рационально-правовые средства (управляемые выборы, конституционный порядок и бюрократические методы управления).

Вторым не менее важным фактором, который на протяжении многих лет безусловно поддерживал презумпцию успеха политического лидера Казахстана Н. Назарбаева, является низкое качество альтернативных кандидатов, которые предпринимали попытки бросить вызов, или вообще

отсутствии таковых. Принимая во внимание тот факт, что показатели занимаемой должности широко доступны, претенденты хорошо осведомлены о том, насколько сложно сместить действующего лидера. Поэтому кандидаты с более высокими шансами на успех – обычно те, кто уже находился на выборной должности, – как правило, баллотируются на открытые места, а не бросают вызов действующему руководителю страны.

Вместе с тем, к оппозиции часто примыкали политические аутсайдеры, которые не имели реальной поддержки среди населения.

Это часто приводит к тому, что в борьбе с действующим политическим лидером участвуют только более слабые и менее опытные кандидаты, которые часто говорят о том, что их участие направлено не на завоевание высокой должности, а на достижение других целей, таких как личностный рост или продвижение своего частного бизнеса. В результате лидер страны, как правило, практически не имеет конкурентов и переизбирается на свою должность соответствующим образом.

Инертность избирателей и неприятие риска.

Успех инкумбента в Казахстане и его положительное влияние на устойчивость действующей в стране неопатримониальной демократии объясняется существованием так называемого неформального соглашения между властью и народом. Суть этого соглашения заключалась в том, что государство будет стремиться обеспечить стабильность и экономический рост, в то время как граждане не будут предпринимать попытки дестабилизировать контроль со стороны правящей элиты.

Справедливости ради следует отметить, что подобное соглашение характерно не только для переходных государств или стран с действующей автократией. Вполне успешные державы мира с развитыми демократическими институтами обеспечивают свою устойчивость именно благодаря соблюдению всеми сторонами этого «пакта о взаимном ненападении».

Кроме того, как уже отмечалось ранее, в силу политической культуры, идеологических и религиозных убеждений на протяжении большей части

постсоветского периода значительная часть населения Казахстана оставалась в целом не склонной к риску, а средний класс был сосредоточен на защите своего положения и опасался угрозы неопределенных политических движений. Согласно регулярным социологическим опросам для большинства казахов способность лидеров страны сохранить стабильность и процветание важнее любых недостатков, которые у них могут быть [35].

Также следует отметить, что сильная президентская власть уже давно ассоциируется со стабильностью в республике. В этих условиях, поскольку многие страны мира переживают серьезную политическую турбулентность, смена руководства, какие-либо резкие движения и кардинальные перемены рассматриваются казахстанцами как нежелательные и даже опасные.

Не умаляя значимость выделенных детерминант, в рамках проводимого исследования рассмотрено явление инкумбента, который играет немаловажную роль в обеспечении устойчивости неопатримониализма в Казахстане.

Клановые структуры

Вместе с тем, говоря об инкумбенте нельзя в рамках данного исследования обойти вопрос элит, неформальных акторов неопатримониального режима – кланов и их взаимоотношений с властью.

В 1990-х и начале 2000-х годов академическая литература, посвященная политическим режимам Центральной Азии, как в западных, так и в отечественных работах, приняла фактор «клана» (жуза в Казахстане) в качестве одной из доминирующих интерпретационных призм.

Показательным с точки зрения конъюнктурности или структурности содержания этой политической практики является Казахстан.

На современную клановую организацию Казахстана большое влияние оказала стратификация жузов – больших племенных союзов казахских родов, имеющих свою географическую территорию. Жузовая структура зародилась примерно в XVI–XVII веках. Система клановых дифференциаций внутри жузов была крайне разветвленной и каждое племя имело внутри одного жуза

различные политические и экономические возможности.

В результате проводимой царской политики Российской империи и перевода казахов к оседлому образу жизни в XIX веке реальные родовые сообщества, действующие на тот момент начали претерпевать изменения, превращаясь в символические сообщества.

Тем не менее, даже несмотря на появление в Казахстане советских партийных структур, традиции родоплеменных отношений и обычного права не исчезли. Высшая номенклатура в силу исторических причин рекрутировалась в основном от Старшего жуза. На протяжении всей советской истории сохранялась клановая система.

В 1990-е годы, с ослаблением государственной власти, клановая система была окончательно завершена. В период становления независимости, на волне приватизации, клановые общины получили материальные активы и природные рентные ресурсы.

Получив материальную независимость, кланы вновь стали основной формой интеграции элиты. Даже после централизации власти и укрепления своих личных позиций Н. Назарбаев был вынужден считаться с новыми «центрами силы».

Также, помимо жузовой принадлежности, значительную роль в формировании элит периода становления независимости сыграли семейно-брачные связи, землячество (политические группы и региональные объединения элит не по принципу родственной принадлежности, а по географической: южане, северяне и другие), позже – деловое партнерство, где объединяющим фактором являлись общие финансовые интересы (например – Евразийская группа) или политические амбиции (младотюрки или же аутсайдеры, проигравшие в аппаратной борьбе).

Обращаясь к автору энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане» Данияру Ашимбаеву стоит отметить, что «... какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами».

Будучи прочно встроенными в политическую структуру, претерпев изменения, казахстанские кланы сегодня также обладают наиболее значительным потенциалом по сравнению с другими странами Центральной Азии.

В настоящий момент клановость приобрела новое качество, лишь некоторыми, самыми общими чертами, напоминая связи и отношения, обусловленные родовой структурой традиционного общества. Доминировавшая в советскую эпоху и до середины 2000-х годов жузовая система в ее чистом виде, как политический актер, распалась.

Структура кланов усложнилась: современные сообщества, как правило, имеют несколько покровителей, а в некоторых ситуациях покровители и клиенты могут меняться. Отходя от системы родословной, кланы становятся более открытыми предприятиями и даже вовлекают в свою орбиту представителей других этнических групп. Сегодня кланы представляют «финансово-промышленные группы (финансово-олигархические группы), сети экономических элит с глобальным охватом, контролирующие финансовые, промышленные и энергетические корпорации, а также значительную часть политической власти» [69]. И в этом плане политика действующего президента, направленная на институционализацию политической системы, играет на руку сложившимся элитам, предохраняя от «национализации» и перераспределения материальных благ.

Также, как результат влияния «мягкой силы», проводимой основными внешними игроками, внутри государственного аппарата можно выявить верхние элитные группы, тяготеющие к либеральным, прозападным установкам; группы, отстаивающие традиционные восточные ценности; группы, поддерживающие политику различных стран, группы поддерживающие Единый Тюркский мир и другие, которые задают определенный вектор развития и политики государства, определенные возможности и ограничения для реализации проводимых реформ в Казахстане.

На сегодняшний день транзит политической власти в контексте смены политического режима выражается в формировании политического ландшафта с нивелированием семейно-клановых финансово-олигархических элит в пользу новых политико-бюрократических государственных элит, формируемых на основе меритократии и публичного позиционирования.

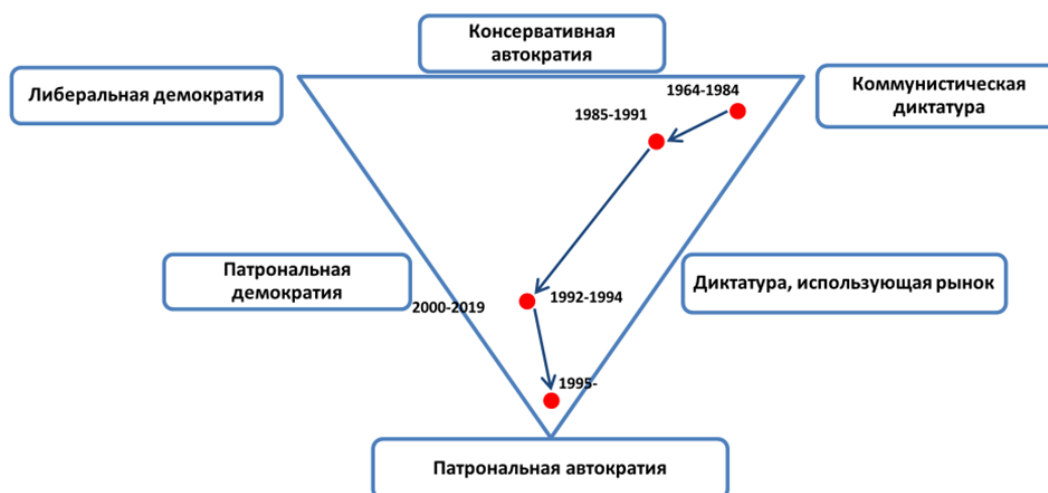
Ретроспективный анализ формирования политического класса и элиты в Казахстане позволил выделить факторы, которые по мнению автора, определили успех инкумбента в обеспечении устойчивости режима в стране:

- узнаваемость имени президента и национальное внимание;
- широкие возможности по сбору средств и наличие базы для проведения кампаний;
- контроль над инструментами управления политическим режимом;
- опыт успешных кампаний;
- презумпция успеха;
- инертность избирателей и неприятие риска;
- клановые взаимоотношения.

Появление и устойчивость ряда этих факторов определяется невысоким правовым сознанием населения Казахстана, что объясняет его пассивность в развитии гражданского общества, традиций. Сильного правителя большинство граждан считало залогом стабильного развития и важным предохранителем распада государства.

Более того, историческое возрождение Казахстана, являясь успешным проектом главы государства, служит легитимации не только факта существования самого народа на определенной географической территории, но и той формы, которую государство, форма правления и нация принимают в Казахстане. В частности, историческое возрождение и усиление экономической мощи республики, международный авторитет президента и страны, достигнутое во времена правления Н. Назарбаева, узаконивало господство президентства и личности правителя над общественной сферой.

Описывая траекторию трансформации режима в Казахстане, показанной на рисунке 1, Б. Мадьяр и Б. Мадлович констатируют, что Н. Назарбаев «превратил бюрократический патронализм в неформальный, приспособив первый к новым обстоятельствам» [3].

Источник: составлено по материалам [3].
Рисунок 1 – Траектория режима в Казахстане.

Таким образом, укоренившийся инкубент, активно поддерживаемый сформированной в стране политической культурой, являлся предпосылкой современного казахстанского патриотизма в рамках официального исторического дискурса, который, таким образом, усиливал недемократический характер существующей политической системы и обеспечивал устойчивость неопатримониальных практик. Реализуемые политической элитой государственные проекты исторического возрождения Казахстана играли роль в укреплении основ авторитарного государства, основывая его на бюрократических, традиционных и харизматических формах легитимности. В свою очередь, этот исторический проект формировал репутацию президента как основателя нового казахстанского национального государства.

В свою очередь успешность инкубента (Н. Назарбаева) в Казахстане и его устойчивость определялись: авторитетом, то есть верой народа в легитимность режима и в свой моральный долг подчиняться ему; человеческими ресурсами – количественный и качественный состав лиц и

групп, которые подчиняются, сотрудничают или помогают правителям; знания и навыки, необходимые режиму для реализации своей программы и обеспечения сотрудничества с этими лицами и группами; нематериальные факторы, психологические и идеологические, которые помогают манипулировать людьми; финансовая база в объеме, достаточном для того, чтобы правители контролировали стратегические предприятия, природные ресурсы и экономическую систему государства в целом.

На успешность инкубента также оказали влияние международный авторитет первого президента, его глобальные инициативы, серьезные экономические успехи внутри страны.

Конфигурация политических элит как одна из важнейших детерминант, определяющих долговременное и стабильное существование режима, которая задает определенные возможности и ограничения для реализации идеальной стратегии неопатримониального правителя, их взаимодействие с инкубентом [91] дают возможность более углубленного анализа отношений в современном Казахстане.

2.2 Трансформационные процессы неопатримониального режима в Казахстане

Согласно Г. Роту, «патримониализм – это не отдельный тип режима и не аналог авторитаризма, а система отношений, которая может присутствовать в той или иной мере во всех режимных формах» [229].

Г. Хигер и ряд других теоретиков представили в своих трудах похожую интерпретацию современной формы патримониализма [82].

Наиболее динамичные и прогрессивные общественные процессы последних десятилетий определяются глобальным и универсальным развитием демократизации. За последнюю четверть XX века количество демократических режимов в мире увеличилось более чем в три раза: с 39 в 1974 году до 120 в 2000 [92]. Кризис и ликвидация тоталитарно-авторитарных режимов, которые наблюдались на протяжении

1970–1990-х годов в Южной и Восточной Европе, Латинской Америке, на территории бывшего СССР в итоге вызваны чрезвычайно глубокими сдвигами в планетарных общественных структурах.

Хотя и по-разному, но эти процессы влияли друг на друга и стали рассматриваться как часть глобальной демократической тенденции, получившей название «третья волна демократизации» [43]. Важнейшим их итогом было достижение демократического общественного строя, при котором гражданам предоставлялось право участия в изменении правящей элиты в ходе нормативных, законодательно закрепленных процессов и посредством устойчивых социально-политических институтов [15].

В свете обозначенных обстоятельств, вопрос о наследовании власти в условиях неопатримониальной политической системы в молодых государствах СНГ приобретает особую остроту. Слабость демократических институтов, персонализация политических должностей, давление элит и неформальных групп влияния формируют ситуацию, когда легитимный процесс передачи власти становится очень уязвимым как для внутренних, так и для внешних факторов давления [26]. При этом следует акцентировать внимание на том, что по мнению ряда политологов, изучение процессов политической модернизации сталкивается с теоретическими и методологическими трудностями. Эти трудности обусловлены тем, что смена режимов в бывших советских республиках характеризуется большей вариативностью, которая не может быть объяснена универсальными теоретическими моделями. Не говоря уже о сложности сущностных особенностей постсоветских трансформаций и их последствий по сравнению с аналогичными процессами в других частях мира [31].

Республика Казахстан, равно как и другие государства, которые до относительно недавнего времени были составными частями Советского Союза – прокладывает свой путь развития и переживает на нем ряд социально-экономических, политических и идейно-нравственных проблем.

Вместе с тем, особенности казахстанской политической

трансформации не исключают наличия частичного сходства между ней и классическими вариантами политической трансформации. В этом смысле казахстанская пост тоталитарная трансформация решительно отличается от успешных южноевропейских и латиноамериканских демократических переходов, но ее осуществление зависит от определенного постоянства процедурной модели политического перехода на его начальных этапах.

События 19 марта 2019 года потрясли Казахстан. Нурсултан Назарбаев, долгое время находившийся у власти с момента распада СССР, объявил о своей отставке. Он поддержал председателя Сената Касым-Жомарта Токаева, чьи позиции укрепились после убедительной победы на президентских выборах 9 июня того же года. Тем не менее, как и все избирательные процессы в Казахстане после обретения независимости, эти выборы были признаны некоторыми международными наблюдателями несвободными и недемократическими [119]. Однако, они ознаменовали собой первый политический переход неопатримониального режима в постсоветской Центральной Азии, который не был связан со смертью правителя. В то же время в общественных настроениях росла обеспокоенность тем фактом, что уход Н. Назарбаева от дел приведет к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, спровоцирует рост протестных настроений и позволит вмешательство внешних сил в дела страны.

Поэтому многие факторы – социально-экономические, политические, культурные – должны подтвердить полноценное государственно-национальное бытие казахстанского народа.

На сегодняшний день Казахстан находится в переходном периоде от неопатримониального режима к построению демократии. Но на момент начала 2022 года ситуация напоминала Сингапур, после того как Ли Куан Ю покинул пост премьер-министра [61], поскольку Н. Назарбаев все еще держал руку на пульсе политической системы страны - Первый президент в рамках реализации модели транзита власти сохранил за собой 1) председательство в Совете безопасности (де-факто до января 2022 г., де-юре – до февраля), партии

«Нур Отан» (до января 2022 г.), 2) Ассамблее народа Казахстана (до февраля 2022 г.) и 3) статус Лидера нации (до июня 2022 г.) - хотя в последнее время его возможности и сфера влияния были существенно ограничены его собственными же инициативами (передача Сената – отставка дочери первого президента, то есть вопроса «вице-президента», второй в иерархии протокольного старшинства должности). Этому были свои основания: 1) нивелирование определенной фронды и саботажа со стороны части элит, не согласных с выбором персоны «преемника», вопросы безопасности «перехода»; 2) как гаранта межнационального согласия в стране и 3) контроль по реализации объявленного курса развития страны.

Следует отметить, что подготовка к транзиту власти в стране началась еще в 2000 году (Конституционный закон о Первом Президенте- Лидере нации давал Н.Назарбаеву статус гаранта обеспечения преемственности основных направлений внутренней и внешней политики Казахстана в будущем), автором же транзита был сам «Лидер нации», правовая основа была создана в 2018 году (с принятием поправок в законы о выборах и Совете безопасности) [69].

Казахский вариант демократизации оказался определенным рубежом развития мировых демократических транзитов на постсоветском пространстве. Если внешнеполитические факторы (поражение во Второй мировой войне и иностранная оккупация) сыграли решающую роль в свержении фашистских диктатур в европейских странах в 1940-е годы и ускоренном крушении авторитарных режимов, то в Казахстане толчок трансформационному процессу был задан изнутри, самим лидером. Страна стала своего рода полигоном, на котором сегодня можно наблюдать обкатку новой модели транзита: перестройка недемократического режима «сверху» Президентом и реформаторской частью правящей элиты [183].

Проводимые сегодня системные политические реформы в стране формируют новую институциональную конструкцию государственного устройства, которая предполагает баланс между ветвями власти. Внесены

изменения в Конституцию, принимаются законы, меняются подходы, реализуются структурные преобразования [70]. Но институциональных изменений недостаточно, чтобы можно было однозначно утверждать, что политическая система страны полностью модернизирована. Есть ряд факторов внутреннего и внешнего характера, которые влияют на скорость процессов демократизации в республике.

Внутри страны руководство разрывается между растущим общественным спросом на расширение избирательных прав и необходимостью учитывать интересы укоренившихся элитарных групп, которые скептически относятся к дальнейшей либерализации, а также настороженностью, характерной для элит. Существование укоренившихся интересов, выступающих против реформ, - естественное явление. Это связано с тем, что сложившаяся после обретения независимости система управления, от мелких местных бюрократий до столицы страны, благоприятствует определенным кругам, которые справедливо опасаются, что любые изменения лишат их привилегированного положения. Такая ситуация характерна не только для Казахстана; это реальная проблема. Не в последнюю очередь из-за широко распространенного слияния экономической и политической власти в постсоветской политической экономике, которая так же подчеркивает неподчиненные отношения.

Этим объясняется полное отстранение всех представителей «старого Казахстана» от должностей, связанных с принятием решений на государственном уровне при жесткой нехватке управленцев с опытом работы в государственном секторе – в «Новом Казахстане» практически не осталось политических «тяжеловесов».

Что касается осторожного подхода, то в данном случае необходимо отметить убежденность правящей элиты в том, что успех Казахстана во многом объясняется моделью развития, основанной на консенсусе элит. Политические режимы опасаются хаотичного процесса смены режимов, который произошел в результате быстрой либерализации как в Евразии, так и

на Ближнем Востоке. В этом отношении представляя свою комплексную программу реформ в 2019 году, президент К. Токаев утверждал, что «взрывная, бессистемная политическая либерализация ведет к дестабилизации внутриполитической ситуации и даже к потере государственности» [103].

В результате правительство должно найти баланс между собственной осторожностью, влиянием интересов элит – соискателей ренты, скептически настроенных к реформам, и осознанием того, что именно политический класс должен быть движущей силой перемен, а не институтом, который вынужден реагировать на растущее недовольство населения.

Во внешнем векторе Казахстан аналогично пытается балансировать между давлением Запада, требующего либерализации и игры по их правилам, а также российским и китайским стремлением сохранить контроль над определенными сферами жизни страны.

С одной стороны, правительство республики имеет дело с постоянной критикой со стороны западных стран и международных организаций, которые указывают на недостатки политического процесса и призывают ускорить темпы реформ, навязывая новые стратегии «заимствования» и «взращивания» [45]. Не останавливаясь на достигнутом, западные эксперты направляют большую часть своей энергии на наиболее чувствительные сферы, такие как, например, выборы – президентские и парламентские. В некотором смысле такое не снижающее давление мировых лидеров оказывает положительное влияние на трансформацию политического режима в Казахстане.

Однако, с другой стороны, другие внешние игроки выступают против резких политических реформ в республике. Действия третьих стран – «черных рыцарей» несут риски консервации непатимониального режима [1].

Так, например, Россия очень чувствительно относится к постсоветским странам, считая их зоной своего влияния, поэтому предпринимает массу усилий, чтобы сохранить в них устоявшиеся механизмы взаимоотношений, оставшиеся в наследие от СССР.

Также в политике Китая вопрос Центральной Азии может стать

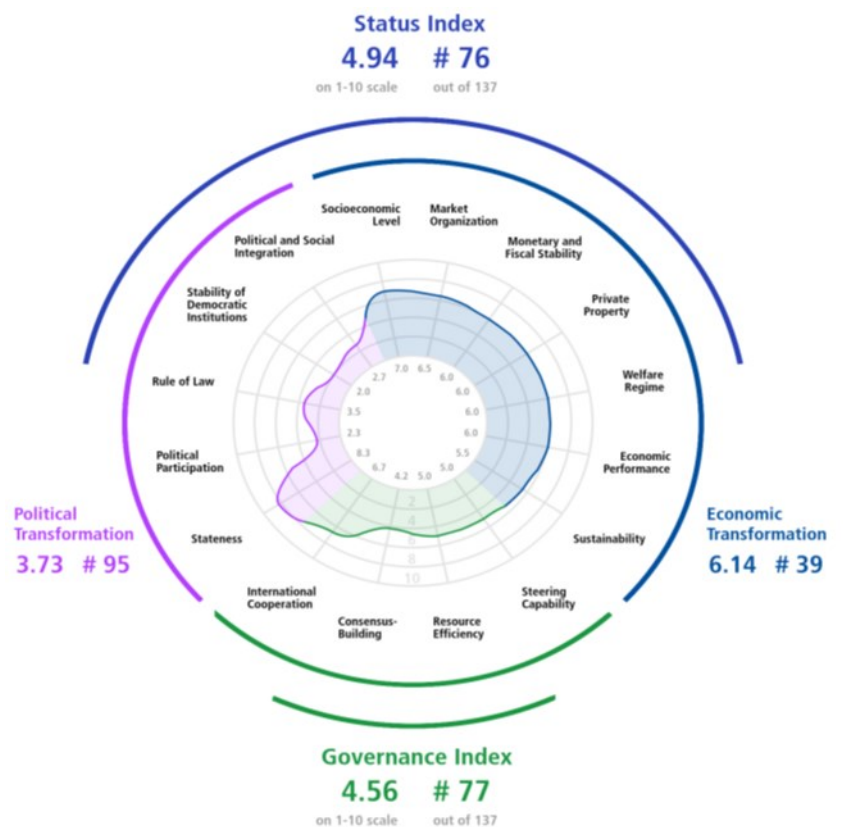
довольно важным, хоть КНР традиционно менее озабочен политической формой своих партнеров, а вопрос Синьцзян-Уйгурского автономного района является центральным в китайской политике. Это связано с тем, что в Синьцзяне проживает большая казахская община, и у Пекина есть все основания опасаться, что политическая либерализация в Казахстане может усилить сильные антикитайские тенденции, наблюдаемые в ходе народных демонстраций в этой стране. Вместе с тем, гораздо более серьезным препятствием перехода от неопатримониализма, вызванного процессами «извне» могут служить внутренние наиболее чувствительные для «молодых республик» вопросы потери суверенитета [1].

Политические реформы, как необходимый фактор ухода от неопатримониальных практик являются угрозой ослабления политико-экономического господства элит и принцип защиты национального суверенитета от внешнего вмешательства выступает для элит инструментом блокирования нежелательных институциональных изменений [70].

Находясь в таком положении, прогресс Казахстана в направлении политической трансформации, согласно Индексу Бертельсмана, изображенный на рисунке 2, оценивается весьма низко, страна занимает 95 место в мире из 137 оцениваемых государств.

Однако положительные сдвиги в политическом поле, которые демонстрирует республика, нельзя отрицать. В настоящее время можно обозначить ряд факторов, которые свидетельствуют об активных трансформационных процессах политического режима в Казахстане.

Ряд исследователей считают, что они проявляются в четырех ключевых трендах: трансформация политической системы управления, политическая модернизация, рост гражданской активности и политизация народа [34]. Это связано с тем, что, по их мнению, кредо Н. Назарбаева «Сначала экономика – потом политика», сформулированное три десятилетия назад, на данном этапе развития казахстанского государства и общества исчерпало себя.

Источник: составлено по материалам [102].
Рисунок 2 – Страновой отчет. Казахстан.

Однако такой подход к транзиту власти в республике является не вполне обоснованным, поскольку специфика поэтапного развития новой системы правления не ограничивается только политическим полем, а охватывает гораздо более широкие плоскости и релевантные сферы, связанные с массовым распространением культурных норм и ценностей, предполагающих достижение национального единства и должной идентичности, достижение достаточно высокого уровня экономического развития, признание демократических принципов, авторитета основных политических институтов, межличностного доверия, гражданского самосознания и других. Иными словами, процесс трансформации новой власти в Казахстане обусловлен не только субъективными намерениями и действиями участников политического процесса, но и влиянием определенных объективных экономических и социальных явлений [16].

Основные принципиальные инициативы и решения в Республике Казахстан за последние 5 лет, представлены в приложении А. Следует

отметить, что в таблице А.1 отражены далеко не все инициативы президента, однако представлены основные из них. Все это не просто события, а инновации, которые меняют отношение государства и общества друг к другу. Наиболее значимые процедурные факторы трансформационных процессов изложены в исследовании.

Рассмотрим более подробно ключевые детерминанты, свидетельствующие о структурных сдвигах в политической системе республики.

Во-первых, активное проявление феномена оппозиции. Следует отметить, что до 2021 года оппозиция в Казахстане не являлась ни парламентской, ни президентской, поскольку оппозиционные силы не были представлены во властных институтах. Сегодня после изменений законодательства и последних парламентских выборов (формирование парламентской оппозиции) новый состав парламента способен стать интегрирующим центром для политиков, готовых бороться за доминирующий властный ресурс, стимулируя тем самым конкуренцию в партийной среде.

Различные политические оппозиционные течения в Казахстане существуют в разрозненном виде. Основу сегодняшней оппозиции в Казахстане составляет развитие так называемого «национально-патриотического» политического движения, что является относительно недавним явлением в политической жизни страны. После обретения независимости оппозиционные группы возникли из преимущественно русскоязычных и прозападных анклавов внутри Казахстана. В последующие годы эта ситуация изменялась, и на передний план вышла преимущественно казахскоязычная оппозиция, имеющая свою политическую программу.

В данном контексте, прежде всего, следует отметить движение «Оян Қазақстан», запущенное молодыми блогерами, которое с 2019 года до 2022 года часто попадала в заголовки газет. Это движение являлось проявлением антиистеблишментных настроений среди городской молодежи. Оно, по сути, посвящено цифровой активности и иногда называется «диванной

оппозицией» [175]. Характерно, что после «январских событий» активность движения сошла на нет, а ее место в медиапространстве заняло молодежное движение «Жаңа Қазақстан», поддерживавшее политику президента К. Токаева.

Умеренная институциональная оппозиция во главе с Амиржаном Косановым приняла участие в выборах 2019 года. Это был единственный оппозиционный кандидат, предложивший критику правительства и набравший 16,23% [101], заняв второе место, что стало рекордом среди оппозиционных кандидатов по сравнению с предыдущими президентскими выборами в стране.

Действующая с 2006 года оппозиционно настроенная политическая партия Общенациональная социал-демократическая партия Казахстана (далее - ОСДП) «единственная политическая партия страны, выступающая с позиций демократической оппозиции авторитарному режиму и выражающая традиционные мировые социал-демократические ценности» [100] по итогам выборов в нижнюю палату Парламента в 2023 году впервые смогла преодолеть сниженный до 5% барьер (в результате Конституционных реформ 2022 года) и войти в парламент страны.

Изменения в законодательство также позволило накануне выборов в парламент зарегистрировать две новые партии. Это партия зеленых «Байтақ» и партия «Respublica». Все зарегистрированные партии (помимо перечисленных-партии «Аманат», «Ақ жол» и «Ауыл», ОСДП) приняли участие в прошедших выборах в парламент страны и кроме партии зеленых «Байтақ» вошли в состав обновленного парламента [99].

Анализ оппозиционных движений в Казахстане позволяет утверждать, что в них преобладают национально-патриотические, казахскоязычные и религиозные мотивы. Феномен партии «Respublica» можно сравнить с партией «Новые люди» в России. Однако для того, чтобы реально стимулировать и продвигать трансформационные процессы неопатримониального режима в стране, а также способствовать демократизации, оппозиция должна сформировать свою собственную программу и добиваться ее реализации

легальными методами. Таким образом, в политике будет обеспечиваться альтернативность, что является важным принципом демократии. Однако сегодня фактически оппозиция находится на периферии политической жизни общества из-за минимизации ее влияния на деятельность правительства. Протестующие силы часто прибегают к неконструктивной критике власти, не предлагая собственных вариантов решения проблем. А выборы в парламент 2023 года по одномандатным округам, когда оппозиционные кандидаты начали вести борьбу друг с другом, вместо конструктивных действий ради достижения победы, подтвердили данный тезис. Причем выборы в местные представительные органы страны оппозицией были буквально проигнорированы.

Последними трендами в публичном поле можно назвать «псевдо-левые» течения, продвигающие сексуальное разнообразие, отстаивающие права секс-меньшинств; феминизм.

Во-вторых, свидетельством трансформации неопатримониального режима в Казахстане является критический пересмотр многовекторного подхода к развитию страны на фоне трансформации внутренних настроений.

После распада Советского Союза Казахстану благодаря первому президенту удалось позиционировать себя как глобализированное государство, подчеркнув евразийскую концепцию с сильным международно-признанным брендом [19]. Это подразумевало относительно благополучные, хотя иногда и несколько напряженные отношения с другими партнерами. Безусловно, первые два года президентства К. Токаева не принесли значительных прорывов или отступлений от эпохи Н. Назарбаева.

Однако в последующих геополитических условиях нахождение у руля государства опытного дипломата стало большим преимуществом для Казахстана. Точная формулировка внешнеполитической позиции при усилившемся глобальном противостоянии между коллективным Западом и Восточным Блоком, переговоры на высшем уровне и личные отношения с лидерами других государств, аккуратное выдерживание баланса интересов

вывели Казахстан на новый уровень.

Во внешних отношениях с соседями Казахстан также остается ориентированным на деловые связи с Россией. Совместные международные проекты в нефтегазовой и других сферах, релокация бизнеса и производства российских компаний в Казахстан поддерживают и развивают дружеские партнерские взаимоотношения с Россией.

Убедительная победа действующего президента Российской Федерации В. Путина означает дальнейшие стабильные и развивающиеся отношения с нашим главным союзником и соседом.

Говоря о рисках, нужно отметить национальный и языковой факторы, являющиеся не только маркером стабильности наших межгосударственных отношений, но и вопросом внутривластной стабильности в Казахстане.

В отношениях с другим ключевым соседом – Китаем, правительство видит возможности, предоставляемые китайской инициативой «Новый шелковый путь», и стремится получить соответствующую прибыль: 40% китайских проектов «Пояс и путь» расположены в Казахстане. Идет большая работа в области инвестиционных, торговых соглашениях, договорах о передаче технологий на производство, открытии кредитных линий в нефтегазовой отрасли, логистике, энергетике.

В-третьих, готовность и действия современного правительства Казахстана к обеспечению большего политического плюрализма. Власти демонстрируют готовность допустить более открытое поле оппозиции для обсуждения текущих проблем. Так, например, в июне 2019 года был создан Национальный совет общественного доверия при Президенте Республики Казахстан (далее – НСОД), в который также вошли критики правительства, для обсуждения политических реформ. Основной целью его деятельности являлась выработка предложений и рекомендаций по актуальным вопросам государственной политики на основе широкого обсуждения с представителями общественности [71]. В 2022 году на базе НСОД был создан Национальный курултай, консультативно-совещательный орган при

Президенте РК, символизирующий консолидацию общества вокруг курса главы государства.

Кроме того, президент К. Токаев дал беспрецедентное обещание расследовать заявления о пытках или нападениях на представителей независимых СМИ. Это можно интерпретировать как признаки того, что проводимая модернизация общественно важных процессов привносит большую открытость к проблемам прав человека. Доказательством этого также является тот факт, что президент выступил в защиту свободы выражения мнений, настаивая на том, что мирные протесты должны быть разрешены.

В-четвертых, о транзите политического режима свидетельствуют коррективы, которые были внесены в социально-экономическую повестку дня. В инаугурационной речи К. Токаев после выборов в июне 2019 года признал «острые социальные проблемы» страны, пообещав «серьезные изменения в социальной политике» [38]. Следуя этим заявлениям, президентом был подписан указ об облегчении долгового бремени граждан почти на 1 миллиард долларов США, чтобы помочь более чем 500 тыс. заемщиков с низким уровнем дохода выплатить свои долги [84]. Коррективы были внесены также относительно роста зарплат бюджетников, пенсий и стипендий, освобождения микро- и малого бизнеса от налога на прибыль на три года, увеличения адресной социальной помощи многодетным семьям, внедрена процедура банкротства частных лиц.

В-пятых, приоритетом президента страны является концепция «слышащего государства», нацеленная на конструктивный диалог между властью и обществом [70]. В этом направлении было реализовано несколько инициатив:

- 1) на сайте президента страны появилась виртуальная приемная;
- 2) в структуре администрации президента был сформирован отдел по контролю за рассмотрением обращений;

3) при президенте Республики Казахстан был создан Национальный совет общественного доверия, о котором уже упоминалось ранее [74];

4) на ежегодной основе проходят заседания Национального курултая при Президенте Республики Казахстан.

Открывая первую сессию заседания обновленного Парламента VIII созыва Касым-Жомарт Токаев отметил, что политическая система страны базируется на формуле «сильный президент – влиятельный парламент – подотчетное правительство» [106], по сути, идеальной модели государства, когда исполнительная ветвь власти подотчетна парламенту, а законодательная ветвь может контролировать правительство.

Национальный совет общественного доверия стал площадкой для объявления курса политической модернизации, то есть пакета экономических, социальных и политических реформ. Эти реформы включали в себя несколько норм: изменение закона о митингах (теперь не требуется получение разрешения, а только уведомление), снижение регистрационных барьеров для создания политической партии, введение института парламентской оппозиции, декриминализация статей за клевету и наоборот – ужесточение ответственности в законе о по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей и так далее [36]. Инициирована борьба с олигархатом, принятие закона о возврате средств, выведенных за границу. Подписан закон, улучшающий условия ведения бизнеса, нацеленный на либерализацию экономики, а также упорядочение форм госконтроля и надзора. Среди инициатив экономического пакета следует отметить снижение квоты на привлечение иностранной рабочей силы до 40%, а также включение представителей гражданского общества в совет директоров социально значимых предприятий квазигосударственного сектора [44].

В целом нормы, предложенные на площадке Национального совета общественного доверия, были направлены на повышение подотчетности и прозрачности власти, а также на создание среды для политической конкуренции.

Идея диалоговой платформы для поиска и выработки идей и шагов по укреплению и расширению общественной консолидации нашла свое продолжение в Национальном курултае при Президенте Республики Казахстан. Предметом обсуждения консультативно-совещательного органа при президенте Казахстана стали долгосрочные вопросы, связанные с дальнейшим развитием социальной интеграции на основе национальных ценностей.

В-шестых, укрепление роли парламента и внедрение традиций многопартийной демократии. Не подлежит сомнению тот факт, что обеспечить внутривполитическую стабильность в процессе смены политического режима смогут только эффективные государственные институты, в первую очередь – Парламент [3]. В данном контексте предложенные поправки в конституцию предусматривают передачу большей власти парламенту.

Эти изменения позволяют наполнить работу парламента содержанием и меняют структуру стимулов, делая ее более репрезентативной для общества. Современная концепция политической системы страны формулируется следующим образом: «сильный президент - влиятельный парламент - подотчетное правительство», и далее отмечается, что между государственными ведомствами не должно быть «искусственных конфликтов». Это означает, что хотя Казахстан остается президентской республикой, парламент играет существенную роль в жизни страны, сменив свой статус с формального образования, не имеющего никакого значения для государства и малоизвестного гражданам, как это было раньше, на действенный орган, а правительство, при большей самостоятельности получает персонализированную ответственность.

В начале июня 2020 года были приняты поправки к Закону о парламентской процедуре, направленные на усиление роли оппозиционных партий. Поправки гарантировали оппозиционным партиям должности председателя одного постоянного комитета и секретаря двух постоянных

комитетов в Палате представителей и впервые признали официальную роль оппозиционных сил в политической системе страны. Кроме того, оппозиционные партии получили право инициировать как минимум одно парламентское слушание в течение парламентской сессии [74].

Эти изменения были реализованы уже после выборов в январе 2021 года, когда «Ак Жол» и Народная партия получили официальный статус парламентской оппозиции. Представители от партии «Ак Жол» был назначен председателем Комитета по аграрным вопросам, а Народной партии - председателем Комитета по экологическим вопросам.

Также в рамках проводимых реформ полномочия президента по выдвижению кандидатов в Сенат были сокращены с 15 до 10, поскольку оставшиеся пять теперь выдвигаются Ассамблеей народа Казахстана.

Отдельно следует отметить, что в Казахстане также упрощена процедура регистрации политических партий. Председатели и судьи Конституционного суда, Верховного суда и других судов, председатели и члены Центральной избирательной комиссии, ревизионной комиссии парламента, военнослужащие, сотрудники органов национальной безопасности и правоохранительных органов лишены права быть членами политических партий, профсоюзов и агитировать за любую политическую партию. Сенат больше не имеет полномочий принимать новые законы, а вместо этого только утверждает или отклоняет законы, принятые Мажилисом.

В-седьмых, в стране развивается система сдержек и противовесов, которая позволит обеспечить правильный баланс между различными ветвями власти. Создание ревизионной комиссии призвано осуществлять бюджетный контроль и обеспечивать подотчетность. После конституционных поправок президенту запрещено состоять в какой-либо политической партии во время пребывания в должности.

В-восьмых, большое значение для трансформации неопатримониального режима в Казахстане имеет реформа местного самоуправления, подразумевающая расширение политического участия на

местном уровне. С точки зрения изменений в политической системе можно отметить, что данная реформа имеет два положительных эффекта:

- снижение рисков для стабильности политической системы и уменьшение противодействия инициативам центрального правительства со стороны укоренившихся интересов существующей элиты;
- создание более зрелой демократической культуры, которая в будущем может быть распространена на национальный уровень без риска для стабильности политической системы.

На первом этапе реформа затронула только сельские районы, а акимы крупных городов и районов начали избираться с 2023 года. Заявленная программная цель – обеспечить более широкое участие в политической жизни 40% населения, проживающего в сельской местности [74].

В плане реформы государственного управления была серьезно расширена специализация министерств и ведомств для более качественного регулирования ключевых вопросов, воссозданы ранее упраздненные области и районы, - с тем, чтобы максимально приблизить управление к проблемам регионов, проведена реформа внутри самого «политического штаба» президента – его администрации.

Согласно ежегодно проводимому рейтингу одобрения деятельности госорганов, составляемый Центром социальных и политических исследований «Стратегия» первое место сохраняет Парламент, традиционно вторым по эффективности институтом власти стало именно Правительство. Идея К. Токаева «Сильный Президент – влиятельный Парламент – подотчетное Правительство» теперь стала фактом.

В-девятых, расширение прав человека. Ярким примером является Постановление Правительства № 258, которым утвержден «План дальнейших действий в области прав человека и верховенства права» (далее – План), принятое правительством Казахстана 28 апреля 2022 года. Этот План включает 27 пунктов, разделенных на 8 разделов, призванных защищать и расширять права человека, уделяя особое внимание маргинализированным

группам и меньшинствам по всей стране.

Меры, предусмотренные в рамках данного Плана, являются беспрецедентными за годы независимости Казахстана. Они направлены на ликвидацию дискриминации в отношении женщин, продвижение равных прав и возможностей, защиту прав на свободу объединений, прав инвалидов, жертв торговли людьми, мигрантов, лиц без гражданства и беженцев, а также на совершенствование механизмов взаимодействия с органами ООН. Рассмотрим эти значимые инициативы более подробно.

Прекращение дискриминации в отношении женщин и обеспечение гендерного равенства.

Первые предложения, которые были приняты правительством, положили начало процессу борьбы с дискриминацией в отношении женщин, например, путем удаления списка профессий, на которые женщинам было запрещено устраиваться, что расширило возможности трудоустройства.

На втором этапе действия направлены на развитие этих достижений путем продвижения обязательств по гендерной политике на уровне местных органов власти и предоставления женщинам более весомого голоса в политике благодаря увеличению представительства в правительстве и государственных консультативных органах. Также в плане предусмотрены новые механизмы для предотвращения насилия в отношении женщин и детей, включая предложение о присоединении к Конвенции Международной организации труда об искоренении насилия и домогательств на рабочем месте.

Свобода объединения.

План предусматривает принятие двух новых законопроектов, направленных на расширение свобод, предоставляемых организациям, которые возглавляют граждане. Первый из них расширит права граждан на создание общественных объединений и организацию их деятельности, сократив вмешательство государства в этот процесс. Второй закон нацелен на совершенствование законодательства в отношении профсоюзов, а также на разрешение трудовых конфликтов. Этот раздел плана был составлен при

поддержке и с учетом рекомендаций Международной организации труда.

Инвалиды.

Этот раздел Плана предусматривает ряд рекомендаций с предложениями о нефинансовых стимулах для предприятий и организаций социального и банковского секторов, а также других отраслей, которые позволят обеспечить расширение услуг и доступность для людей с ограниченными возможностями. Такие предложения являются не только моральным императивом, но, как и многие другие инициативы, направлены на создание условий для значимого социального и экономического воздействия как на самих людей, так и на общество в целом.

Жертвы торговли людьми, мигранты, лица без гражданства и беженцы.

Усилия Казахстана в последние годы по борьбе с торговлей людьми были отмечены в ежегодном докладе правительства США «Торговля людьми» за 2021 год [64]. В докладе сказано, что Казахстан «прилагает значительные усилия», в результате в стране второй год подряд увеличивается число обвинительных приговоров по делам о торговле людьми (в том числе в отношении должностных лиц, причастных к торговле людьми), а также что правительство расширило сотрудничество с неправительственными и международными организациями.

В рамках этих усилий в стране разработан законопроект о борьбе с торговлей людьми и принят план действий правительства по предупреждению и борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми, на 2024–2026 годы.

В-десятых, отдельного внимания в процессе рассмотрения особенностей трансформации политического режима в Казахстане заслуживает реформа уголовного правосудия и тюрем, которая является очень масштабной. Она охватывает все слои общества, особенно те, кого чаще всего упускают из виду, маргинализируют и с кем плохо обращаются. Меры, разработанные в рамках реформы, существенно повлияют на работу

правительства, Верховного суда, законодателей, сотрудников тюрем, организаций гражданского общества и делового сектора, предлагая фундаментальную и жизненно важную перестройку существующих процессов.

Разработанные инициативы включают предложения по модернизации уже действующих процедур, таких как подача заявлений на досрочное освобождение по болезни или инвалидности (и обновление списка заболеваний, дающих право на досрочное освобождение), улучшение функциональности централизованной базы данных пенитенциарной системы, оптимизация процесса подачи апелляций при обеспечении полной конфиденциальности, а также автоматизация процесса отбора для составления списка присяжных заседателей.

Кроме того, предполагается провести либерализацию управления и надзора за правозащитными организациями, чтобы они могли выполнять свою работу по защите прав тех, кому они служат. Что касается законодательной ветви власти, то конкретные статьи и законы, подлежащие изменению, включают положения о дискриминационной политике, административном аресте и «распространении заведомо ложной информации». Также необходимо отметить положения о расследовании пыток в соответствии со Стамбульским протоколом.

В то же время, несмотря на ряд уже проведенных реформ и позитивных изменений, в государственном управлении и хозяйственной сфере Казахстана можно наблюдать определенную нестабильность социально-экономической и политической среды. В значительной степени это связано с тем, что институциональные изменения не всегда соотносятся с целями, установленными для реального осуществления преобразований. Поэтому возникают «институциональные ловушки», то есть последствия, когда изменения, происходящие в государстве, не соответствуют указанным целям перестройки или замедляют темпы реализации реформ [221].

Несмотря на основательные теоретические исследования

институциональных ловушек как зарубежными, так и отечественными учеными, необходимо отметить, что их труды не исчерпывают указанной проблематики, поскольку оставляют в стороне вопросы региональных особенностей функционирования транзитного политического режима. Кроме того, можно заметить, что в научной литературе политический транзит традиционно рассматривается как общий процесс перехода к демократии, а вот вопрос о политических институтах, которые фактически берут на себя функцию по организации и практической реализации всех упомянутых преобразований и, по сути, становятся транзитивными институтами, остается открытым.

В результате проводимых реформ и преобразований, инициированных президентом К. Токаевым, в Казахстане сегодня можно наблюдать установление ряда равновесий в институциональном качестве, однако в большинстве своем его уровень является все еще достаточно низким. Несмотря на все достижения и позитивные сдвиги в стране сохраняются экстрактивные экономические институты, такие как незащищенные права собственности и нормативные акты, ограничивающие доступ на рынки, а также экстрактивные политические институты.

И в завершении анализа, необходимо отметить, что трансформационные процессы неопатримониального режима в Казахстане охватывают не только внутренние институты и структуры, но и находят свое проявление в международных отношениях и позициях страны по тем или иным важным региональным вопросам.

В качестве примера можно привести украинский кризис 2022 года. К. Токаев на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) выступил против признания независимости Луганской и Донецкой народных республик, аргументируя это тем, что казахстанская позиция «исходит из основ международного права и основных принципов устава ООН». Наряду с этим, в республике были предприняты меры, чтобы подчеркнуть свой суверенитет и максимально изолировать

общество от конфликта в Украине (это включало равное дистанцирование и приверженность к мирному урегулированию конфликта; блокирование военной, нацистской символики и митингов, призыва в армию и так далее) – несмотря на сильное влияние прямых и косвенных участников конфликта.

Также правительству Казахстана удалось добиться деэскалации традиционной напряженности внутри региона Центральной Азии, в частности страна избежала риска конфликта с Узбекистаном из-за Республики Каракалпакстан. Зафиксирован рост привлекательности и активности Турции в ее отношениях с Казахстаном. Помимо этого, правительство страны объявило об амбициозных планах относительно расширения наземной и морской инфраструктуры (включая танкеры), чтобы обеспечить транспортировку товаров в Азербайджан (в том числе нефть, которая будет отправляться по азербайджанским трубопроводам) и Германию.

Саммит Шанхайской организации сотрудничества, состоявшийся в Самарканде в сентябре 2022 г., первый Саммит «Россия – Центральная Азия» в октябре 2022 г., провозглашение «Новой эры» на первом Саммите «Центральная Азия – Китай» в мае 2023 г., второй Саммит «Евросоюз – Центральная Азия» в июне 2023 г., первый Саммит лидеров стран Центральной Азии и США в сентябре 2023 г., политика единения Центральной Азии (C5+) во внешних отношениях, развитие логистики в интересах Казахстана стали символическими кульминациями нынешнего этапа переходного процесса в политической системе республики с международной точки зрения.

Подводя итоги проведенного исследования, подчеркнем следующее.

Процесс «транзита власти и политического режима», который предполагает трансформацию неопатримониального режима, заключается в выстраивании институциональной системы балансов с целью обеспечения внутривластной стабильности, укрепления позиций страны на мировой арене, а также повышения благосостояния населения республики в целом.

Исходя из Интерпретационной рамки для анализа

посткоммунистических режимов (комбинация политического, экономического и социологического аспектов), предложенной Б. Мадьяром и Б. Мадловичем, на рисунке 3 представлена траектория развития политического режима в Казахстане.

До 1995 года страна прошла путь по так называемой «первичной траектории» от коммунистической диктатуры к режиму патрональной автократии [3]. Однако, политические преобразования (подготовка к смене власти, и самого режима с 2000 года до сегодняшних дней) дают право утверждать, что Казахстан находится на пути от недемократического правления в направлении к относительно большей демократии.

Источник: разработано автором по материалам исследования [3].

Рисунок 3 – Траектория политического режима в Казахстане

Ряд критиков и скептиков утверждают, что анонсированные президентом Казахстана К. Токаевым политические реформы носят демонстративный «косметический» характер и никакие кардинальные перемены за ними не последуют. На сегодняшний день трудно дать оценку и точно спрогнозировать результаты предложенных инициатив и программ. Однако в главе приведены примеры, свидетельствующих о позитивных сдвигах и преобразованиях в направлении интенсификации политических и

экономических реформ. Также нельзя отрицать, что наблюдаемые сегодня подвижки и эффекты являются результатом консенсуса элит о необходимости дальнейшей интенсификации реформ. Однако при этом следует помнить, что в Казахстане процесс демократизации только запущен [70; 71]. Следовательно, не целесообразно ожидать глубинного преформатирования властной системы в краткосрочной перспективе. Вместе с тем, пример Италии и консенсусный подход в решении меж элитных конфликтов представил возможность провести демократические преобразования в семилетний срок.

«Циклический» характер изменений на постсоветском пространстве, предложенный Генри Хейлом призван предупредить нас о том, что смена «правителя» сама по себе не несет изменения режима и существующего порядка [167]. У действующего президента во временном контексте осталось не так уж много времени для окончательных преобразований в стране.

Также акцентируем внимание на том, что достигнутый консенсус не означает отсутствия сопротивления реформам или того, что реализация реформ будет простой. Несомненно, в ближайшие годы процесс политических преобразований в Казахстане будет сопровождаться как достижениями, так и неудачами, но при этом он начинает охватывать новые сферы и сегменты, привлекать к участию различных заинтересованных сторон как внутри страны, так и за ее пределами, набирать темпы, которые могут оказаться необратимыми – особенно с учетом того, что ожидания населения страны в отношении перемен весьма очевидны.

Объявленная президентом демонополизация экономики и борьба с олигархатом будет иметь очень большое сопротивление.

Введение в состав Парламента практически всех партий, зарегистрированных в республике, снимает проблему «узкой модернизации» [1], где в качестве основного бенефициара выступает лишь глава государства и правительство. Теперь данная ответственность ложится и на других, в том числе позиционирующих себя как оппозиция, участников данного процесса.

Казахстанская модель транзита, призванная обеспечить стабильность,

согласие и прогресс, опирается на основной фактор - сильную президентскую власть. Л. Кёниг, в своей работе «Главный руководитель (The chief executive)» отмечал: «демократия, как и любая социальная система, нуждается во власти, иначе она бы неизбежно впала в состояние хаоса. В идеале демократии нужен сильный президент, эффективный и конструктивный, действующий на основе доброй воли и в то же время верный демократическим принципам».

Иными словами, президенциализм, как форма республиканского правления, сложившаяся сегодня в Республике Казахстан, является институтом, оказывающим сильное влияние на политический процесс и выполняющим защитную функцию в обеспечении перехода к демократической системе.

Геополитический контекст проводимых в Казахстане реформ является достаточно сложным. Политическая элита проявила значительный динамизм, взяв на себя инициативу по реформированию внутренней системы страны и одновременно стремясь к построению регионального сотрудничества в Центральной Азии. Однако, это ускорение и стремление к реформам резко контрастируют с подходами некоторых окружающих держав, что может создавать дополнительные проблемы в достижении поставленных целей политической трансформации.

2.3 Механизм завершения транзита политической власти в Казахстане, преодоление институциональных ловушек

Как свидетельствуют результаты предыдущих исследований, вопросы формирования прогрессивной политической элиты и институционализации нового режима правления, который призван сменить устоявшуюся неопатримониальную систему, чрезвычайно важны для современного Казахстана.

В то же время необходимо отметить, что современный этап реформирования государственного аппарата и транзит политической власти в республике характеризуется достаточно интенсивным и «болезненным»

поиском принципиально новых решений и глубоких преобразований во всех сферах жизни государства и общества в целом [71]. Связано это с тем, что страна находится на переходном транзитном этапе развития, для которого характерна специфическая система государственного устройства, предусматривающая наличие демократических институтов на поверхности и скрытое не преодоленное до конца наследие предыдущего строя (в частности, в этой парадигме особое внимание сосредоточено на преемственности институтов, политических структур и образцов массового поведения, что обуславливает сохранение в глубинной социальной структуре основ коммунистической системы).

С учетом вышеизложенного, считаем, что для обоснования механизма завершения транзита политической власти в Казахстане, обозначения его структуры, принципов формирования и предпосылок эффективного функционирования целесообразно использовать теорию «демократического транзита» [179]. Обращение к этой теории, позволит определить суть модернизации политического режима в стране, выяснить почему Казахстан демонстрирует в определённых сферах сегодня менее успешные результаты модернизации и какие составляющие необходимы для успешного завершения политических трансформационных процессов.

Демократический транзит является таким типом политической трансформации, который характеризуется, прежде всего, своим институциональным направлением, поскольку основной его целью является институциональный излом и развитие новых, демократических институтов, не выходя при этом за пределы существующего правового поля [30].

Ученые и теоретики переходного периода, изучающие демократические переходы в разных регионах и странах мира, исходят из того, что процесс зарождения и созревания демократии не обязательно должен быть одинаковым и универсальным во всех странах с переходной экономикой, как в социальном смысле, так и по продолжительности [13]. Иными словами, каждый этап демократизации и каждый регион имеет свои алгоритмы и

механизмы, обеспечивающие успешный переход к демократии и завершение передачи политической власти. Однако в алгоритмах управления этим переходом можно обнаружить общие корреляции (положительные и отрицательные).

В транзитологии наработан широкий перечень доктрин, моделей и концепций демократического перехода. Также существуют различные мнения в определении его этапов или фаз, их содержании и сущности, обозначении места и роли государства в трансформационных процессах и так далее. Это обуславливается, во-первых, тем фактом, что сама предметная сфера исследования еще достаточно новая и малоизученная, а во-вторых, характерным является высокий уровень несоответствия теоретических конструкций практическим результатам демократического транзита стран разных регионов и частей света.

Таблица 5 – Этапы перехода от тоталитаризма к демократии

Этапы (фазы) перехода	I	II	III	IV
Д. Растоу [78]	Фаза достижения национального единства вокруг демократии	Фаза политической борьбы за утверждение ценностей демократии	Фаза принятия решений об институционализации демократии	Фаза привыкания к демократии и становления демократических институтов
Г.О'Доннел, Ф. Шмиттер [203]	Демократическая консолидация всего общества и элитных групп	Либерализация государственного управления, экономической и политической сфер	Демократизация государственного управления и политической жизни общества	Обретение и закрепление в сознании людей демократических ценностей
А. Пшеворский [8]	Либерализация режима вследствие раскола власти или народной мобилизации	Обретение массовости демократических требований народа	Освобождение от авторитаризма через переговоры	Утверждение демократических институтов и демократической системы ценностей
С. Хантингтон [170]	Появление и приход к власти реформаторов, начало либерализации	Провал курса на либерализацию, временное усиление консерваторов	Усиление реформаторов и окончательное подавление консерваторов	Кооптирование оппозиции к власти (пакт элит), демократическая консолидация
З. Бжежинский [145]	Демократизация высших органов власти, экономическая либерализация	Закрепление демократических институтов и принятие новой Конституции	Стабилизация демократии и экономический подъем	-

Источник: составлено автором.

Обобщение и систематизация этапов перехода от тоталитаризма (автократизма) к демократии в наиболее известных, уже классических моделях демократического транзита, представлены в таблице 5.

Таким образом, анализ мирового опыта и наработанных в научно-экспертной литературе практик, свидетельствует о том, что механизм завершения транзита политической власти в Казахстане может принимать самые разные конфигурации, опираться на различные доктрины и использовать широкий спектр разнообразных инструментов и приемов.

Ответ на вопрос как должен выглядеть механизм формирования нового политического режима в Казахстане, является одним из самых сложных, менее изученных и в тоже время очень актуальным в современной политологии. Большинство аспектов этого направления, а именно: субъекты и объекты процесса, состав, институты и его каналы, темпы развития остаются практически не раскрытыми и требуют тщательного изучения и глубокого анализа.

В работе выявлены структурные и процедурные факторы динамики, инструменты реализации транзита, проанализированы основные инициативы реформирования политической системы (конституционные реформы [89], курс на построение «Справедливого Казахстана: внедрение принципов «слышащего государства», формирование на основе меритократии нового политического ландшафта, возрождение идеи реальной индустриализации экономики, провозглашён курс на стремление к разумной социальной справедливости), теперь в рамках проводимого исследования сформулируем авторскую точку зрения к пониманию и содержанию механизма формирования нового политического режима.

Одним словом, механизм завершения перехода политической власти в Казахстане представляет собой систему социально-политико-экономических отношений, опосредованную рядом путей, средств и инструментов, главной задачей которых является формирование новой «политической матрицы», основанной на демократических принципах управления. На рисунке 4

схематично представлены ключевые элементы этого механизма.

Источник: составлено автором.

Рисунок 4 – Структура механизма завершения транзита политической власти в Казахстане

Рассмотрим более подробно сущность основных элементов, представленных на рисунке 4.

Формирование нового политического класса в Казахстане.

Очевидным является тот факт, что во времена СССР, частью которого был Казахстан, механизм формирования элиты выглядел достаточно прозрачным и институционально завершенным. Заказчиком выступала КПСС. Существовал определенный алгоритм «набора в элиту», предусматривавший набор условий, в частности: социальное и национальное происхождение, успешное обучение в школе, активная общественная деятельность, служба в вооруженных силах, поступление в ряды КПСС, получение высшего образования и продвижение «вверх» – или по партийной, или по хозяйственной линии. Кроме того, был составлен определенный перечень официальных и неофициальных требований к личностным чертам человека, начавшего свое движение на политическую вершину [87].

На сегодняшний день четко ответить на вопрос, как должен институционально выглядеть процесс формирования и кооптирования в состав политической элиты, какие черты должен иметь человек для того,

чтобы заниматься профессионально «высокой политической деятельностью», достаточно проблематично. Связано это с тем, что для транзитивных государств данное предметное поле еще не проработано, четкие границы его не обозначены и принципы окончательно не согласованы.

Механизм формирования современной политической элиты Казахстана до последнего времени оставался непрозрачным и непубличным. Политический класс в республике – это довольно узкая социальная прослойка, которая занимается профессионально политикой, имеет бизнес или другие связи с определенными финансово-промышленными группами, всегда вращается в их орбите, находится то в публичной политике, то временно прячется «в тень», и лишь в исключительных случаях добровольно покидает профессию. Отсюда и соответствующие механизмы инкорпорации политического класса, формирующие так называемую «превентивную избирательную систему», при которой выбирается та модель, которая позволяет максимально приспособить ее к интересам финансовых групп с целью максимально гарантированного привлечения в представительные органы власти «своих» людей.

Сегодня формируется новый политический ландшафт с нивелированием семейно-клановых олигархических элит в пользу новых политико-бюрократических государственных элит, формируемых на основе меритократии и публичного позиционирования. С учетом текущей ситуации в стране и ведущего мирового опыта, можно сформулировать несколько рекомендаций, нацеленных на интенсификацию процесса формирования новой политической элиты в Казахстане, как носителя прогрессивных реформ в стране, которые позволят завершить транзит власти и перейти к демократической системе правления.

Во-первых, привлечение гражданского общества к зарождению нового политического класса. Современный кадровый потенциал обязан быть важнейшим модернизационным ресурсом развития новой государственности Казахстана. В противовес бизнес-среде, гражданское общество должно

составлять основной источник для пополнения политико-управленческой элиты, поскольку личность, находясь в тесном взаимодействии с людьми, знает потребности и интересы народа и готова ему служить. В настоящее время гражданское общество само по себе находится на этапе развития и в механизме пополнения политической элиты не является равноценным конкурентом бизнес-среде.

Во-вторых, считаем, что акцентировать внимание следует на том, как и где будет проходить подготовка высокообразованной, высоконравственной политической элиты Казахстана. В связи с этим следует различать такие понятия как элитарность и элитность. Первым термином фиксируется обычно формальная принадлежность людей к правящему слою, второй – указывает на наличие у индивидуумов определенных качеств, которые делают эту группу элитой [40].

В мире существуют две основные системы рекрутирования элит – открытая, демократическая, конкурентная и закрытая, номенклатурная, наследственная [63]. О том, что в Казахстане пока преобладала вторая, уже неоднократно отмечалось в диссертационной работе. Но также можно констатировать, что в стране проявляются некоторые признаки и первой системы, тем более что в информационную эпоху механизм, закрывающий или ограничивающий дорогу к успеху, к политическим вершинам людям талантливым и одаренным является нежизнеспособным. Особую актуальность и востребованность на сегодняшний день имеют именно способности к инновациям, к нестандартному мышлению, к оригинальным решениям и действиям (политическая элита имеет дело прежде всего с управлением), которые формируются с юных лет [62].

В-третьих, очищение современной политикой элиты Казахстана путем использования механизма люстрации по причинам коррупционного обогащения. В современной политической жизни «люстрация» означает очищение власти от старых кадров, запрет функционерам предыдущего политического режима, который дискредитировал себя, занимать должности в

государственном аппарате, избираться в представительные органы, быть судьями [65].

Учитывая опыт ряда стран Восточной Европы, в которых проводилась люстрация [37], а также принимая во внимание допущенные ошибки и несовершенства реализованных процедур, считаем, что люстрацию в Казахстане следует запустить как постоянный процесс, который будет действенным механизмом контроля над стремительным и неадекватным обогащением, что может свидетельствовать о «нетрудовых доходах» «новых» и «старых» участников государственно-политического процесса. Также в рамках люстрации критически важно «демонтировать» сами каналы коррупционного обогащения, которые стали не публичной, но значимой частью государственно-политической системы страны. Без реализации этого принципа люстрация будет означать только перераспределение «каналов коррупционного обогащения» между группами, а не оздоровление политической системы.

Укрепление солидаристской основы общества.

Необходимым условием демократического развития Казахстана должна стать не декларативная, а реальная солидаристская основа общества, которая бы объединяла социум и оказывала помощь в прагматичном оценивании реального состояния проводимых в стране реформ. Демократические структуры могут считаться консолидированными при условии, что они выполняют функции поддержания порядка и управления [80].

Консолидация в действиях политических институтов как условие солидарности общества, реформирующего структуру политических отношений, позволяет контролировать баланс управленческой системы, ее функциональную оптимальность. А «правила игры» в демократических системах (согласно Й. Шумпетеру и Д. Сартори) предусматривают, что контроль за теми реальными процессами, которые происходят в обществе, эффективно осуществляется только там, где есть определенное согласие, где

консолидированы интересы [126]. Другими словами, вне солидаристских отношений демократия невозможна. Важно помнить: если процесс демократической консолидации блокируется, то вместо него возникают гибридные типы политических систем типа «делегативных» или «нелиберальных» демократических режимов.

Солидаризм в казахстанском обществе должен найти свое проявление на разных уровнях и в разных формах общественной жизни, что позволит создать определенную систему представительства интересов. В эту систему должны быть включены и общенациональные интересы на уровне государства, и корпоративные интересы на уровне, например, территориальных общин; а также специфические групповые интересы на уровне функционирования различных форм объединений граждан – партий, общественных объединений и так далее.

Очевидно, что реализация обозначенных идеологических концептов требует осуществления конкретных действий и принятия ряда мер, в число которых должны входить следующие:

- четкое определение национальной идеи, понятной и осознанной каждым гражданином Казахстана;
- признание социальной справедливости нормативным принципом в государственном управлении на всех его уровнях, в том числе, на уровне местного самоуправления;
- плановое развитие профессионализма должностных лиц органов публичной власти;
- соблюдение этики государственного служащего и суровое наказание за ее нарушение;
- развитие ответственности субъектов всех органов публичной власти за принятые ими решения;
- количественное уменьшение политической и управленческой элиты и «увеличение нагрузки» на них;

- конкурентный и прозрачный отбор на государственную службу лиц, способных отстаивать и защищать интересы казахского народа;
- признание принципа «каждое злоупотребление незаконно» и др.

Таким образом, солидарность как фактор и необходимый элемент завершения транзита власти в Казахстане должна основываться не только на реальной социально-политической субъектности гражданина и признании ее незыблемости публичной властью, но и на формировании партнерских отношений между властью и гражданским обществом.

Институционализация партийной системы и ее внутренняя демократизация.

Институционализация – это процесс, в котором организации и процедуры приобретают ценность и стабильность [215]. В политике институционализация означает, что у политических акторов есть четкие и устойчивые ожидания относительно поведения других участников политической системы [158]. Другими словами, в институционализированной партийной системе акторы формируют ожидания и развивают соответствующее поведение, основанное на предположении, что фундаментальные рамки и правила работы партий и партийной конкуренции будут незыблемыми в ближайшей перспективе. Слабая институционализация партийной системы негативно влияет на избирательную подотчетность – ключевую характеристику демократического режима.

Институционализация партийной системы, предусматривающая наличие структурированной конкуренции, крепких и стабильных связей между партиями и избирателями, развитой партийной организации, наталкивается на серьезные препятствия в Казахстане. Недоверие к партиям, слабая партийная идентификация, неукорененность партий в гражданском обществе, их финансовая зависимость от государства или финансово-политических групп, низкий уровень партийной лояльности политиков являются наиболее очевидными признаками слабой партийной институционализации в республике.

Процесс институционализации партийных систем представляется достаточно сложным и подвержен влиянию комплекса различных взаимосвязанных факторов, которые могут способствовать процессу становления партийной системы, а могут, и наоборот, усложнять его. Главным итогом процесса институционализации партийной системы является образование устойчивых отношений и связей между самими партиями, между партиями и их избирателями, а также поддержка и развитие реальной межпартийной конкуренции [205].

Учитывая особенности функционирования политических партий в Казахстане, а также сложившийся в стране политический ландшафт, считаем, что для завершения транзита власти целесообразно сосредоточить усилия на развитии и усовершенствовании следующих измерений институционализации партийной системы республики:

1) стабильная партийная конкуренция. Институционализированные политические системы развитых стран мира демонстрируют стабильность в моделях партийной конкуренции, что является критически важным, так как институционализация тесно связана со стабильностью;

2) высокая степень идеологической структуризации политических партий. Хорошо развитая партийная система не гарантирует демократическую консолидацию, если партии практикуют клиентизм и преследуют прагматические, а не идеологические цели [209]. Шансы на идеологическое сотрудничество между партиями зависят от уровня социокультурного развития общества, опытности электората, типа транзита и современных институциональных рамок. Именно на этих составляющих и должно быть сконцентрировано внимание на пути демократизации в Казахстане;

3) легитимность. В институционализированных системах политические акторы не подвергают сомнению легитимность партий и рассматривают их как необходимую часть демократической политики, даже если некоторые из них критически настроены и скептически оценивают их роль в государственных процессах. Таким образом легитимность помогает

стабилизировать партийные системы, служа важной характеристикой институционализации;

4) повышение избирательной волатильности. Избирательная волатильность касается количества избирателей, стабильно голосующих за конкретную партию в течение нескольких избирательных циклов. Она может быть низкой, если избирательные результаты основных политических партий от выборов до выборов демонстрируют лишь незначительные изменения [226]. Для преодоления кризиса «замороженности» партийной системы необходимо, чтобы партии стали механизмом социальной и политической интеграции граждан, чтобы они создавали соответствующие организации и укрепляли лояльность избирателей, выступали в качестве борцов за политические права и свободы граждан, выполняли важные социальные функций и способствовали формированию идентичности (классовой, социальной и других);

5) низкий уровень персонализации. В институционализированных системах партийные организации не подчинены интересам амбициозных лидеров, поскольку имеют значение сами по себе, не считаясь с лицом, которое их возглавляет [120]. Персонификация связи между избирателями и кандидатами, является очень характерным явлением для Казахстана. До последнего времени большинство избирателей выбирали кандидатов на основе их личных характеристик без учета партийной принадлежности, идеологии или программных позиций. Высокая степень персонализации свидетельствует о слабом укоренении партий в обществе и противоречит традиционным подходам эффективного взаимодействия избирателей и партийных систем. Казахстану для завершения политического транзита нужно стремиться к тому, чтобы оценка гражданами лидеров политических партий включала в себя программную и идеологическую составляющие и меньшее внимание уделялось непосредственно личности лидера.

Преодоление патерналистского инфантилизма и развитие политической культуры населения.

Едва ли не главным фильтром, определяющим темп и масштабность политического транзита, формат политического режима, эффективность его взаимодействия с гражданским обществом, уровень политической культуры, является ценностная матрица общества. Процедура переоценки ценностей гражданского общества в Казахстане, которые сформировались в течение нескольких десятилетий, происходит очень сложно и противоречиво [14]. И следует констатировать тот факт, что этот процесс далек от своего завершения, а система общественных ценностей все еще находится под ощутимым влиянием ценностных деформаций советских времен. Именно поэтому многие заимствованные у стран зрелых демократий процедурные образцы, реплицированные внешними формами, деформируются и превращаются в республике в имитацию.

Несмотря на преимущественно позитивную модернизационную динамику, начиная с 2019 года и набирающую обороты в последнее время, ценностное поле казахстанского общества характеризуется противоречивым и медленным отходом от постсоветских ориентаций в сферах развития государственного и политического устройства, рыночной экономики, формирования отношений, правовой системы и т.п. Так, согласно результатам ежегодного мониторинга Исследовательского института «Общественное мнение» абсолютное большинство казахов (70%) считает, что «старые» («советские») ценности (в частности – социальное равенство, коллективизм, взаимопомощь, поддержка государства и тому подобные) уже не актуальны, и, соответственно, потеряли гегемонию на формирование сознания общества. Лишь 15% в той или иной мере уверены, что упомянутые ценности все еще имеют легитимный статус и достаточно распространены в обществе.

В то же время социологи акцентируют внимание на следующей ситуации – несмотря на то, что «советские» ценности утратили свой доминантный статус, группа «новых ценностей» (уважение частной собственности, индивидуализм, стремление хорошо зарабатывать, иметь собственный бизнес и тому подобное) не получает автоматической поддержки

большинства.

Уникальность современной ситуации в республике заключается в том, что значительное число респондентов (44%) заявили, что воспринимают «новую» систему ценностей как ориентиры для себя, однако количество тех, кто не воспринимает «новые» ценности, примерно такое же и составляет 40 %, что представлено в таблице 6. Поэтому говорить о преобладании одной точки зрения нельзя. Скорее мнения разделились поровну и ни одно из них пока не получило доминирующего положения.

Таблица 6 – Оценка ценностей, которые важны для населения Казахстана

Ценности	В процентах		
	2016 г.	2018 г.	2020 г.
1	2	3	4
Свобода	83,3	86,0	83,9
Справедливость	70,1	69,7	72,5
Безопасность	71,9	66,5	63,5
Достоинство	64,4	62,5	60,4
Ответственность	49,3	52,3	56,8
Равенство	56,7	58,0	56,5
Свободное развитие личности	55,4	52,0	53,2
Законопослушание	47,5	41,3	48,1
Порядок	43,9	46,0	48,0
Материальная обеспеченность	44,7	40,9	46,5

Источник: составлено автором по материалам [97].

Кроме того, мониторинговые опросы зафиксировали аномальное непонимание гражданами простых причинно-следственных связей того, что демократия требует сознательного участия в свободных выборах и недопуске к власти олигархов, что отсутствие коррупции в центральной власти начинается с отсутствия коррупции на локальном уровне, что высокий уровень жизни и экономический прорыв предполагают не только качественную власть, но и тяжелый труд каждого гражданина.

Ярким примером этой ситуации являются следующие данные: согласно результатам 52% респондентов считают, что топ-задачей на ближайшие годы является быстрый экономический рост. В то же время 53% опрошенных не против того, чтобы работа приобретала в их жизни меньшее значение по сравнению с семьей, досугом и так далее.

В ходе реализации седьмой волны Всемирного обзора ценностей (WVS), включающего данные по 64 странам/территориям, проводимого при поддержке Всемирного банка [107], было установлено, что молодое поколение Казахстана мыслит иначе, чем старшее поколение: молодые люди поддерживают все, что связано с рыночной экономикой, и больше верят в понятие личного успеха. Но молодежь настроена не более прозападно, чем другие возрастные группы. Наоборот, молодые люди значительно реже поддерживают демократию, чем предыдущие поколения. Подавляющее большинство не считает, что Казахстан должен следовать западной модели развития демократии, вместо этого они полагают, что страна должна выработать свой собственный путь, основанный на ее культурных ценностях – каким бы ни было содержание этих ценностей.

Очевидным является тот факт, что для успешного завершения демократического транзита необходимо внедрение демократических ценностей с учетом культурных ценностей в массовое сознание. Эти демократические ценности должны стать основанием для оценок и переосмысления бытия, конфигурации норм и моделей поведения. Деформация и имитация демократических процедур (выборов, референдумов, влияния на принятие решений, конкурсных отборов, общественного контроля) приводят к искажению демократических принципов и неправильному восприятию демократии, углубляя и в массовом сознании, и в практической деятельности ее «дефицит».

Считаем, что преодоление патерналистского инфантилизма, развитие политической культуры населения и новой ценностной системы, выработка смыслов и мотивов построения демократического государства невозможно без участия государства. Только государство имеет в своем арсенале реальные рычаги влияния на этот процесс, начиная со сбалансированного формирования бюджетных расходов, реформирования системы образования, науки, культуры, обеспечения эффективности деятельности в информационной сфере, создания действенной системы поощрения и принуждения. Для

реализации этих задач необходимы разработка специальных программ и координация усилий по их практической реализации в рамках всей вертикали власти.

Деолигархизация политической системы.

Особенностью олигархической системы в Казахстане является то, что наличие базовых кастовых интересов обеспечивает тесную взаимосвязь и понимание олигархов разных мастей. Не случайно в научном дискурсе используется даже такое понятие как «олигархический консенсус», означающее взаимную (политико-экономическую и юридически-правовую) поддержку олигархов независимо от их разделения на проевропейских и пророссийских, на тех, кто олицетворял предыдущий режим, и представляющих нынешнюю политическую власть в стране.

Глава государства не раз в своих выступлениях отмечал вопрос деолигархизации казахстанского общества. С целью проведения деолигархизации политической системы, разделения бизнеса и власти, по мнению автора, необходимо реализовать следующие мероприятия:

- имплементация и усиление существующих законов о борьбе с влиянием олигархов и их коррупционных действий в государственном аппарате;
- установлении жесткой и эффективной политики в сфере конкуренции в экономике;
- реформа финансирования избирательных кампаний по аналогии с опытом европейских стран, в которых есть правила распределения государственных средств политическим партиям в процессе подготовки к выборам и их проведения.

В ходе реформирования политической системы Республики Казахстан немаловажным является проблема преодоления институциональных ловушек. Рассмотрим возможности и пути решения проблемы их преодоления.

Выход из институциональных ловушек

Институциональные ловушки – это устойчивые, самоподдерживаемые,

неэффективные институты, оказывающие деструктивное влияние на взаимодействие субъектов хозяйствования в рамках экономической системы и вне ее [166]. Необходимо акцентировать внимание на том, что зачастую в научной литературе понятия «институциональные дисфункции» и «институциональные ловушки» рассматриваются как синонимичные.

Практика постсоциалистических преобразований подтвердила тот факт, что институциональные изменения, связанные с трансформацией сложившейся институциональной среды, автоматически не создают благоприятную основу для транзита политической власти и экономического развития. Институциональные ловушки хотя и имеют общую природу для разных стран, однако в каждом отдельном обществе срабатывают не одинаково, аналогично многогранными являются и симптомы их возникновения. Поэтому механизмы преодоления и предупреждения институциональных ловушек также значительно отличаются друг от друга даже в условиях сходной траектории развития стран или общих моделей устройства обществ.

Преодоление сил институциональной ловушки является достаточно сложным и неоднозначным процессом. Он должен непосредственно вписываться в соответствующие институциональные изменения, реализуемые на макроэкономическом уровне и быть достаточно мотивированным [46]. Несмотря на то, что институциональные изменения могут в определенной степени уменьшить негативные последствия институциональных ловушек, они не в состоянии полностью преодолеть их вследствие существования эффекта гистерезиса. Речь идет о том, что даже после полного устранения причин появления институциональной ловушки она не исчезает полностью вследствие неоднородности, асинхронности и сложности институциональных изменений.

На рисунке 5 формализован состав институциональных ловушек и их влияние на динамику демократических преобразований в Республике Казахстан.

Источник: составлено автором.

Рисунок 5 – Состав институциональных ловушек в Республике Казахстан и их влияние на динамику демократических преобразований прогресса

Представленный на рисунке 5 общий контур институциональных ловушек не является исчерпывающим, но в то же время он позволяет получить общее представление о ситуации в стране.

К обоснованию перспективных путей выхода из институциональных ловушек Республики Казахстан в процессе транзита политической власти представляется целесообразным подойти с дуальной точки зрения, в рамках которой эффективная теоретическая основа должна быть объединена с действенными практическими мерами. Поэтому в рамках проводимого исследования представляется целесообразным в начале обосновать стратегию преодоления институциональных ловушек в стране с концептуальной точки зрения, а затем уже обозначить конкретные практические действия.

Итак, на парадигмальном уровне различают два варианта выхода из институциональной ловушки: эволюционный и революционный.

Эволюционный сценарий не предполагает каких-либо активных действий со стороны действующей власти, экономических институтов или агентов. При этом условия выхода предопределяются самой экономической

системой [173]. Другими словами, ожидается, что неэффективный институт постепенно исчезнет сам собой. Например, благодаря быстрому экономическому росту или, наоборот, системному кризису. Наступление критического момента происходит тогда, когда транзакционные издержки функционирования институциональной ловушки превысят издержки институциональной трансформации в процессе отмены старых норм. Определяющим при этом является более низкий уровень затрат, обусловленный адаптацией нового института, в сопоставлении с затратами на функционирование старой неэффективной нормы. Такой способ ликвидации институциональных ловушек может быть вполне типичным и результативным. Единственным его серьезным недостатком является то, что для реализации необходимо длительное время.

По мнению автора, данная концептуальная основа не вполне подходит для Казахстана, поскольку ввиду высокого уровня культурной инерции в обществе сложно прогнозировать окончательное вырождение устаревшей системы ценностей и выход на новый уровень развития, что в целом может еще больше укрепить устойчивость неопатримониализма в стране.

Революционный путь выхода из институциональной ловушки предполагает принудительную ликвидацию и замену неэффективных норм в результате реформ. В их основе – изменение культурных установок и ценностей общества. Реформаторский сценарий предусматривает достаточно быстрый централизованный излом самим государством или от его имени определенными группами интересов старых институций, вместе с которыми исчезнут характерные для них институциональные ловушки [52]. Принимая во внимание особенности смены политического режима в Казахстане и прихода к власти К. Токаева, считаем, что отчасти революционный путь в преодолении институциональных ловушек уже нашел свое применение в стране. А учитывая масштабы распространения теневизации экономики, коррупции, неплатежей и тому подобному, можно прогнозировать, что такой сценарий и в дальнейшем может быть реализован в той или иной форме.

Итак, опираясь на революционный путь преодоления институциональных ловушек, обозначим конкретные меры и действия его реализации в Казахстане.

Во-первых, в политической системе Республики Казахстан необходимо внедрить стандарты и принципы так называемого надлежащего управления [156]. Стандартами надлежащего управления являются адаптивное законодательство, участие, законность, транспарентность процесса принятия решений, свободный доступ к информации, эффективная организация, профессиональный персонал, результативный бюджетный и финансовый менеджмент, ответственность, эффективность и надзор. Политические принципы, на которых базируется надлежащее управление в Европе, почти идентичны его стандартам: участие, открытость, эффективность, ответственность и согласованность. В то же время при проведении институциональной реформы в обязательном порядке следует учитывать национальные особенности институциональной среды. Реалии развития общества в стране совмещают как особенности постсоветского развития, так и исключительно казахского менталитета. С одной стороны, процесс институциональных изменений в постсоветских странах носит сложный социально-экономический, культурный, исторический, духовный, социально-психологический, социологический, природно-географический и геополитический, то есть нелинейный характер. В процессе возникновения институтов в переходных системах формирование, хранение и реализация информации, носителями которой являются институты, происходит на основе нелинейного взаимодействия этих систем с нестабильной экономической, политической и социальной средой [157]. С другой стороны, следует акцентировать внимание прежде всего на казахском индивидуализме, что связывает нацию с европейской ментальностью, в которой принципы личной свободы рассматриваются как системообразующий признак.

Поэтому, по мнению автора, важным фактором эффективных институциональных изменений должно стать развитие института

государственно-частного партнерства. Со стороны государства принятые решения в экономической системе должны сопровождаться соответствующими институциональными изменениями. В свою очередь, путем корректировки развития экономических институтов будет постепенно модернизироваться система управления государством в целом.

Во-вторых, институциональную ловушку можно преодолеть за счет пересмотра правил формирования структуры организаций (предприятий), работающих в стране, и структуры связей между ними в контексте трансакционных, трансформационных расходов и уровня проникновения в деятельность неэффективных институтов. То есть с помощью управленческих механизмов следует моделировать связи между экономическими агентами, внутри экономических агентов и органами государственной власти через оперирование всеми расходами субъектов хозяйствования на осуществление экономической деятельности. Учитывая существенную неопределенность, связанную с изменением в структуре связей и организаций, которая появилась вследствие начала демократического транзита в Казахстане, можно прогнозировать, что экономические агенты с меньшей вероятностью примут незаконные нормы, чем адаптируют те правила, которые используются в аналогичных обстоятельствах и относительно хорошо работают в международной практике. Как следствие, в реальных условиях конкурентной среды определяющую роль играет уровень поведенческой готовности и прогнозируемости баланса интересов прямых и не прямых конкурентов в будущей системе экономических и политических отношений в стране.

В-третьих, преодоление институциональной ловушки коррупции. Для этого критически важным является активизация работы антикоррупционных органов и направление в суд дел о коррупции в высших органах государственной власти. Также необходимо сосредоточить внимание на приоритетной роли накопления социального капитала и обеспечении четкой спецификации прав собственности как ключевых мер на пути преодоления коррупции с целью рыночного реформирования экономики Республики

Казахстан.

В-четвертых, разрешение ситуаций коллективного и конституционного выбора, а именно: ситуации институционального выбора — достижение политического и экономического консенсуса в обществе всем спектром заинтересованных сторон. Если решения в рамках коллективного выбора достигаются посредством участия государственных институтов между экономическими агентами и общественными группами интересов относительно текущей ситуации в экономике (например, негласное сохранение работодателями рабочих мест за работниками в годы кризиса), то решение конституционного выбора касается установления условий разрешения подобных или других ситуаций в будущем путем создания и ограничения полномочий для государства как посредника и независимого аудитора соблюдения общих условий (обеспечение непредвзятых законодательных и судебных органов, защита прав на свободу слова и имущество). Отсюда сегодня в актуальную повестку дня экономических преобразований и задач действенного реагирования на общественные запросы и опасения в Республике Казахстан входит потребность в институциональных изменениях и на уровне взаимодействия основных политических и экономических игроков, и на уровне отражения интересов граждан и организаций гражданского общества.

В-пятых, формирование условий и механизмов комплементарности свободы социально-экономической активности и кооперации, а также жестко закрепленных формальных институциональных комплексов. Это сочетание оказывает саморегулирующее влияние через возможности открытой среды формировать богатый набор индивидуальных и коллективных вызовов, ответ на которые обеспечивает разнообразие типов реагирования и поведенческих моделей индивидов и социальных групп, что обуславливает постоянное обучение и прирост информации. Расширение знаний и типов поведения в результате обеспечивает наиболее оптимальное удовлетворение потребностей (индивидуальных и коллективных) путем уменьшения транзакционных затрат

и увеличения их дифференциации, что определяет будущее направление активности и творческой энергии субъектов.

В-шестых, для снижения уровня теневых хозяйственных связей и отношений в стране необходимо начать в полной мере пользоваться преимуществами сетевой экономики и более активно включаться в цепочки создания добавленной стоимости не только в рамках ЕАЭС, но и на более глобальном уровне. Это принесет следующие выгоды:

- внедрение современных сетевых технологий значительно снижает транзакционные издержки вне институциональных ловушек. Повышается взаимное доверие, упрощаются административные, регулятивные и налоговые процедуры;

- по мере того, как общество становится более институционально полным, возрастает роль институциональных факторов в создании стоимости и меняется характер конкурентных преимуществ. Вместо того чтобы конкурировать за ренту от асимметричного распределения экономической власти над ресурсами, экономические агенты конкурируют за стоимость, создаваемую социальным капиталом;

- появление новых конкурентных преимуществ приводит к возникновению новых элит. Эти элиты формируются не только на базе сетевой экономики и Индустрии 4.0, но и за счет интеграции этих инновационных трендов в традиционные сектора экономики. В то же время растет число субъектов, относящихся к теневому сегменту, но подверженных негативным внешним эффектам. Это свидетельствует о том, что эффективность неформального «социального контракта», который некоторое время служил основой стабильности в институциональной ловушке теневизации, иссякает [45].

Подводя итоги, можно отметить, что сегодня Казахстан встал на путь политической модернизации, конечной целью которой является развитое государство и построение демократических институтов, формирование политического сознания и культуры населения, обеспечение свободной

конкуренции разных политических сил, обеспечение идеологического и политического плюрализма формирование новой общественной этики, основанной на ценностях трудолюбия, законности и просвещения.. В то же игнорирование механизмов конституционной инженерии в пользу принципа политической целесообразности в значительной степени усложняют процесс транзита политической власти в Казахстане.

Однако фундаментальный постулат теории систем констатирует: эффективность системы характеризует не наличие в ее функционировании ошибок и проблем, а способ реагирования на них, готовность и умение ответить своевременно и адекватно. С учетом вышеизложенного в диссертационной работе представлен авторский подход к пониманию содержания и структуры механизма завершения транзита политической власти в Казахстане. Его основными элементами являются: формирование нового политического класса в стране, укрепление солидаристской основы общества, институционализация партийной системы и ее внутренняя демократизация, преодоление патерналистского инфантилизма и развитие политической культуры населения, деолигархизация политической системы.

Представляется, что использование на практике сформулированных автором, в рамках предложенного механизма, рекомендаций позволит завершить модернизацию политической системы в стране, неотъемлемыми элементами которой будут повышение эффективности институтов власти, обновление и осознание правящей элитой своей ответственности и восприятие как императива именно национальных, а не корпоративных или личных интересов, проведение глубоких и эффективных реформ, обеспечивающих ощутимые результаты для всего общества, повышение уровня политической культуры и национального самосознания населения республики.

Институциональные ловушки, возникающие как устойчивые, самоподдерживаемые, неэффективные институты, оказывают деструктивное влияние на все сферы политического и экономического устройства страны. Устранение их, как и разблокирование институционального кризиса в стране,

в процессе транзита политического режима возможно благодаря институциональным реформам, основанным на предвидении и моделировании поведения экономических агентов, формировании новых элит и введения практик надлежащего управления на всех уровнях.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования отметим следующее. Политическая трансформация режима правления в Казахстане и его переход к демократии еще не завершены. Причиной этому являются объективные и субъективные процессы в государстве. Вследствие чего сегодня можно наблюдать еще имеющую место быть практику неопатримониального правления (рентоориентированные клиенты еще не утратили свои позиции и экономические ресурсы) в стране и наметившийся отход от суперпрезидентской модели. В современном научно-экспертном дискурсе выдвигаются различные теории и рассматривается широкий перечень факторов, объясняющих устойчивость концепции авторитаризма в постсоветских государствах, в том числе и в Казахстане. Ученые отмечают особенно заметное нежелание некоторых окол властных группировок завершать политическую модернизацию из-за риска потерять ресурсы. Кроме того, выделяются такие факторы как: инертное электоральное поле, аполитичность молодежи, несовершенная конфигурация исполнительной и законодательной власти, несамостоятельная судебная система. Немаловажное значение имеет монополизация экономики, а значит сфер влияния финансовыми олигархическими группами в стране. Работа по демонополизации идет, о чем говорят комплексная политическая модернизация, проводимые реформы в стране и борьба с олигополией в Казахстане.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим основным результатам и выводам.

В параграфе 1.1 (С. 15–36) проведено исследование неопатримониализма как категории политической науки, а также структуры неопатримониального правления. Неопатримониализм в работе предложено определять как специфическое сочетание формальных институтов современного государства, которые строятся на рационально-легальных основах, с традиционными (патримониальными) формами персонального правления. Структура неопатримониального правления характеризуется двумя основными компонентами:

- 1) режим контроля власти;
- 2) рационально-правовая система государственного обеспечения.

Отличительными чертами последней является рационально организованная и направляемая государственная администрация, а также наличие безличных юридически-рациональных правил и процедур реализации права и управления.

Анализ накопленного наследия политической научной мысли свидетельствует о том, что в настоящее время нет единого мнения и согласованной позиции относительно содержания концепции неопатримониализма. Неопатримониальный дискурс политических режимов на современном этапе является в достаточной степени распространенным. Его существование оправдано синтезом современных элементов в политическом развитии и традиционной платформой социально-политического взаимодействия.

Исследование позиций различных авторов и теоретиков позволяет сделать заключение, что в классическом понимании неопатримониальные режимы имеют, как правило, консервативный характер, направлены на сохранение традиционных ценностей, фактически выступают в качестве

особой «платформы поддержки» баланса в общественных отношениях. Некоторые ученые утверждают, что это признак отсталости и неразвитости или явление, которое препятствует развитию.

В целом, в литературе, посвященной анализу явления неопатримониализма, выделению его определенных видов и сложившихся в его рамках режимов правления, наблюдается растущий консенсус по некоторым концептуальным вопросам (способ власти в сравнении с типом режима, сочетание рационально-правового правления). Это дает почву для дальнейшей концептуальной и, в частности, сравнительно-эмпирической работы.

В результате исследования проведена классификация неопатримониальных режимов, автором в параграфе 1.2 (С. 36–56) раскрыто различие между отдельными формами неопатримониализма, то есть выявление подтипов, его классификация, обоснование различных проявлений и форм реализации являются многообещающим способом преодоления универсального характера большинства определений неопатримониализма. Принимая во внимание накопленное на сегодняшний день научное наследие, а также учитывая текущий этап развития политических систем, считаем, что в дополнение к имеющимся, тремя основными модальностями, которые можно использовать для дифференциации различных форм неопатримониального правления являются: а) концентрация власти; б) систематический клиентелизм; в) партикуляристское использование государственных ресурсов.

В отношении концентрации власти и ресурсов управления целесообразно различать два типа: 1) персонализированный и 2) олигархический неопатримониализм. Что касается степени патримониального проникновения в государство (то есть систематического клиентелизма и партикуляристского использования государственных ресурсов), предлагаем выделять системы с высокой, средней и низкой степенью патримониализации.

Однако отмечено, что сети «патрон-брокер-клиент» не всегда могут

быть полностью оценены с помощью предложенных рамок. В этом отношении подходящим методом может стать картирование отношений различных акторов с помощью сетевого анализа, что является предметом будущих научных изысканий.

В процессе исследования, в параграфе 1.3 (С. 56–83) определены факторы устойчивости неопатримониализма на основе анализа стран Центральной Азии. Представлена система ключевых факторов, способных объяснить причины сохранения неопатримониализма в Центральной Азии. Эта система включает в себя экономические факторы, политические факторы (действие устоявшейся президентской модели в отношениях между исполнительной и законодательной властью, местная политическая культура, представленная клановой политикой и режимами патронажа) и социальные факторы (политическая лояльность, управление общими концепциями и мировоззрениями, идеологическое производство и консенсусная идентичность).

На примере Казахстана, Узбекистана и Туркменистана рассмотрены страновые особенности и факторы устойчивости неопатримониализма.

В главе 2 обоснована применимость категории неопатримониализма как категории политической науки к политическим процессам в Казахстане, в частности, в параграфе 2.1 (С. 83–104) выявлены сущность и особенности инкумбента, как основного фактора устойчивости неопатримониализма в Казахстане, выделены детерминанты его успешности и устойчивости, выявлены взаимоотношения элит. Укоренившийся инкумбент, активно поддерживаемый политической культурой, является предпосылкой современного казахстанского патриотизма в рамках официального исторического дискурса, который, таким образом, усиливает недемократический характер существующей политической системы и обеспечивает устойчивость неопатримониальных практик. Реализуемые политической элитой государственные проекты исторического возрождения Казахстана играют важную роль в укреплении основ авторитарного

государства, основывая его на бюрократических, традиционных и харизматических формах легитимности. Этот исторический проект формирует репутацию президента как основателя нового казахстанского национального государства и защитника казахских традиций и наследия.

В свою очередь успешность инкумбента в Казахстане и его устойчивость определяются авторитетом, верой народа в легитимность режима и в свой моральный долг подчиняться ему; человеческими ресурсами – количественный и качественный состав лиц и групп, которые подчиняются, сотрудничают или помогают правителям; знания и навыки, необходимые режиму для реализации своей программы и обеспечения сотрудничества с этими лицами и группами; нематериальные факторы, психологические и идеологические, которые помогают манипулировать людьми; финансовая база в объеме, достаточном для того, чтобы правители контролировали стратегические предприятия, природные ресурсы и экономическую систему государства в целом.

На успешность инкумбента также оказали влияние международный авторитет первого президента, его глобальные инициативы, серьезные экономические успехи внутри страны. Этому способствовали и огромный опыт, и харизма первого президента.

В параграфах 2.2 (С. 104–128) и 2.3 (С. 128–152) исследованы трансформационные процессы неопатримониального режима в Казахстане; описаны причины запущенного первым президентом транзита политической власти; обоснован авторский подход к пониманию содержания и структуры механизма завершения транзита политической власти в Казахстане. Предложены пути решения проблемы преодоления институциональных ловушек в ходе реформирования политической системы Республики Казахстан (С. 142–150). Начавшийся в 2019 году в Казахстане процесс «транзита власти», который предполагает трансформацию неопатримониального режима, заключается в выстраивании институциональной системы балансов с целью обеспечения внутривнутриполитической стабильности, укрепления позиций страны

на мировой арене, а также повышения благосостояния населения республики.

Несмотря на проводимую большую системную работу, ряд критиков и скептиков утверждают, что анонсированные президентом Казахстана К. Токаевым политические реформы носят демонстративный «косметический» характер и никакие кардинальные перемены за ними не последуют. На сегодняшний день трудно дать оценку и точно спрогнозировать результаты предложенных инициатив и программ. Однако уже сейчас можно привести ряд примеров, свидетельствующих о позитивных сдвигах и преобразованиях в направлении интенсификации политических и экономических реформ. Также нельзя отрицать, что наблюдаемые сегодня подвижки и эффекты являются результатом грамотной политики президента, его политической воли, консенсуса элит о необходимости дальнейшей интенсификации реформ. Однако при этом следует помнить, что Казахстан остается консолидированным авторитарным государством. Следовательно, нецелесообразно ожидать глубинного реформирования властной системы в краткосрочной перспективе.

Достигнутый консенсус не означает отсутствия сопротивления реформам или того, что реализация реформ будет простой. Несомненно, в ближайшие годы процесс политических преобразований в Казахстане будет сопровождаться как достижениями, так и неудачами, но при этом он начинает охватывать новые сферы и сегменты, привлекать к участию различных заинтересованных сторон как внутри страны, так и за ее пределами, набирать темпы, которые могут оказаться необратимыми – особенно с учетом того, что ожидания населения страны в отношении перемен весьма очевидны.

В то же время следует отметить, что геополитический контекст проводимых в Казахстане реформ является достаточно сложным. Политическая элита проявила значительный динамизм, взяв на себя инициативу по реформированию внутренней системы страны и одновременно стремясь к построению регионального сотрудничества в Центральной Азии. Однако, это ускорение и стремление к реформам резко контрастируют с

подходами некоторых окружающих держав, что может создавать дополнительные проблемы в достижении поставленных целей политической трансформации.

Вышеприведенные факты позволяют утверждать, что сегодня Казахстан встал на путь политической модернизации, конечной целью которой является построение демократических институтов, формирование политического сознания и культуры населения, обеспечение свободной конкуренции разных политических сил, а также стимулирование идеологического и политического плюрализма. В то же время выборочность и спонтанность при проведении реформ, а также игнорирование механизмов конституционной инженерии в пользу принципа политической целесообразности в значительной степени усложняют процесс транзита политического режима в Казахстане.

В диссертационной работе представлен авторский подход к пониманию содержания и структуры механизма завершения транзита политической власти и режима в Казахстане. Его основными элементами являются: формирование нового политического класса в стране, укрепление солидаристской основы общества, институционализация партийной системы и ее внутренняя демократизация, преодоление патерналистского инфантилизма и развитие политической культуры населения, деолигархизация политической системы.

Представляется, что использование на практике сформулированных автором, в рамках предложенного механизма, рекомендаций позволит завершить модернизацию политической системы в стране, неотъемлемыми элементами которой будут повышение эффективности институтов власти, обновление и осознание правящей элитой своей ответственности и восприятие как императива именно национальных, а не корпоративных или личных интересов, проведение глубоких и эффективных реформ, обеспечивающих ощутимые результаты для всего общества, повышение уровня политической культуры и национального самосознания населения республики.

Однако стоит отметить, что всегда остается актуальной перспектива

поверхностного характера такого транзита и возвращения к авторитарным практикам в политическом процессе. Институциональная ловушка – это тенденция неопатримониальных режимов сохранять власть, контролируя государственные институты и ресурсы, подавляя независимые организации гражданского общества и ограничивая участие граждан.

Одним из главных препятствий для успешного экономического развития является формирование институциональных ловушек – неэффективных, но устойчивых норм поведения. Чтобы выбраться из институциональной ловушки, важно устранить основные причины неопатримониализма, такие как коррупция, отсутствие прозрачности и слабое верховенство закона. Для этого необходимо провести реформы, направленные на повышение прозрачности, укрепление верховенства закона и организаций гражданского общества.

Также вырваться из институциональной ловушки поможет устойчивая политическая воля. Однако это необходимо для построения более инклюзивных и отзывчивых политических систем, которые служат нуждам всех граждан, а не только небольшой группы элитных инсайдеров.

В 2024 году исполнилось 5 лет как Н. Назарбаев принял добровольную отставку после почти тридцати лет пребывания у власти (создав прецедент в политической науке в центральноазиатском пространстве) и президентства второго по счету руководителя страны К. Токаева. С учетом введённого им самим однократного семилетнего срока - середина его правления ознаменовалась полным завершением транзита политической власти, запуском трансформации политического режима и процесса демократических преобразований.

Считаем целесообразным согласиться с французским политологом В. Жабри, утверждающим, что политическая трансформация в посттоталитарных странах, к которым относятся и Казахстан, и страны Центральной Азии, не является простой и постепенной. Политическая трансформация — это не просто постепенное преодоление трудностей

унификации политических режимов, а скорее расширение типологического разнообразия. Скорее, это означает *расширение типологического разнообразия демократий* [176]. К такой трактовке склоняются и другие зарубежные исследователи. Например, С. Хантингтон, обобщая результаты исследования третьей волны глобальной демократизации на протяжении почти двух десятилетий, пришел к выводу, что по мере того, как все более разнообразные общества принимают формальные демократические институты «*демократия сама становится все более дифференцированной*» [171].

Республика Казахстан, равно как и другие государства, которые до относительно недавнего времени были составными частями Советского Союза – *прокладывает свой путь демократизации и развития*, переживая на пути ряд социально-экономических, политических и идейно-нравственных проблем.

Таким образом, цели настоящего исследования достигнуты, задачи выполнены. В результате исследования было установлено, что политические процессы в Казахстане соответствовали признакам неопатримониального режима. Транзит политической власти в Республике Казахстан завершен. Республика Казахстан находится в промежуточной форме политического перехода к демократическим преобразованиям. Процесс эволюции модели общественно-политического развития страны в период прохождения данного транзита имеет свой уникальный алгоритм, обусловленный индивидуальными особенностями и политической матрицей страны.

Теория Айзенштадта, где смена режима не является переходной формой к демократии, а, напротив, представляет собой важную стабильность - к политическому транзиту в Республике Казахстан как способу перехода от одного режима к другому - не применима.

Иначе говоря, сложившийся за 30 лет неопатримониальный режим является не конечным результатом процесса трансформаций, а переходным периодом на пути демократических преобразований.

Список литературы

Книги

1. Гельман, В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма / В.Я. Гельман. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2015. – 44 с. – ISBN отсутствует.
2. Зубков, С.А. Теоретическая и прикладная политология / С. А. Зубков, А. И. Панов. – Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017. – 278 с. – ISBN 978-5-7307-1295-9.
3. Мадьяр, Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. Том 2 / Б. Мадьяр, Б. Мадлович / – Москва : Новое литературное обозрение. – 2022. – 888 с. – ISBN 978-5-4448-1738-4.
4. Олкотт, М.Б. Казахстан: непройденный путь / М. Б. Олкотт. – Москва : Гэндалф, 2003. – 354 с. – ISBN 5-88044-155-5.
5. Пабст, Э. Рыночное государство и постдемократия / Э. Пабст // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. – Москва : Европа, 2010. – 318 с. – ISBN 978-5-904663-09-4.
6. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 559 с. – ISBN 978-5-7567-0522-5.
7. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 319 с. – ISBN 5-8243-0054-2.
8. Фурман, Д.Е. Постсоветский политический режим Казахстана / Д.Е. Фурман. – Москва : ИЕ РАН, Огни, 2004. – 103 с. – ISBN 5-9548-0018-9.
9. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с. – ISBN 5-8243-391-6.

Статьи

10. Абрамова, О.К. К вопросу о природе легитимности власти / О. К. Абрамова // Образование и право. – 2021. – № 4. – С. 11–15. – ISSN 2076-1503.
11. Авакьян, С.А. Парламентаризм в России: идеи и решения / С.А. Авакьян // Вестник МГУ. Право. – 2006. – № 2. – С.3-19. – ISSN 0130-0113.
12. Алавердян, А.Л. Политическая нация, гражданская лояльность и «этничность» в горизонте пересекающегося консенсуса и политического компромисса / А.Л. Алавердян, К.Г. Мальцев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2021. – № 4 (119). – С. 5–13. – ISSN 1997-2377.
13. Аствацатурова, М.А. Исторические условия и факторы трансформации системы взаимодействия власти и общества в России в конце XX – начале XXI вв / М.А. Аствацатурова, Д.С. Чекменев, И.Н. Колесников, Е.В. Давыдова // Вопросы истории. – 2022. – № 4. – С. 4–16. – ISSN 0042-8779.
14. Байсултанова, К. Проблема формирования и функционирования политической культуры в постсоветском Казахстане / К. Байсултанова, Э. Кагазбаева, Д. Дауен, Ж. Есеркепова // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – № 1. Том 23. – С. 89–99. – ISSN 1403-7068.
15. Балашов, И.Б. Эволюционные процессы в политических системах государств современного мира / И. Б. Балашов // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. – 2022. – № 33. – С. 257–294. – ISSN 2782-649X.
16. Батыгова, Г.Б. Сравнительный анализ политических режимов / Г. Б. Батыгова // Синергия Наук. – 2021. – № 55. – С. 286–290. – ISSN: 2500-0950.
17. Барсукова С.Ю. Российские неформальные практики: экспортный вариант / С.Ю. Барсукова // Экономическая социология. – 2008. – № 3. – С. 93–100. – ISSN 1726-3247.

18. Березюк, Д.И. Эволюция института президентства в постсоветских республиках Закавказья и Центральной Азии / Д.И. Березюк, А.А. Кляшторин // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 2 (51). – С. 53–61. – ISSN 2078-9025.

19. Биримкулова, Г. Казахстан в системе геополитических и региональных отношений ЕС и КНР / Г. Биримкулова, А. Ибраева, Е. Дуйсенкожа, Е. Байдаров // Центральная Азия и Кавказ. – 2020. – № 3. Том 23. – С. 16–33. – ISSN 1403-7068.

20. Битиева, З.Р. Теоретические аспекты изучения неопатримониальных режимов: развитие концепции неопатримониализма и ее место среди объясняющих моделей / З.Р. Битиева, Е.В. Афанасьева, А. С. Ярошенко // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2020. – № 3 (28). Том 11. – С. 14–21. – ISSN 2587-6236.

21. Вебер, М. Традиционное господство / М. Вебер // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С. 150–165. – ISSN отсутствует.

22. Ветрила, Е.В. Сущность, признаки и особенности авторитарного политического режима / Е.В. Ветрила, А.В. Редкозуб, Я.П. Безродных // Государство и право в современном мире. – 2020. – № 1. – С. 4–7. – ISSN 2619-0508.

23. Виноградов, В.В. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса / В.В. Виноградов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2020. – № 3 (33). Том 9. – С. 166–180. – ISSN 2306-5702.

24. Вьюнов, В.Н. Политические режимы в постсоветских государствах / В.Н. Вьюнов // Вопросы философии и политологии. – 2020. – № 2 (24). – Нумерация страниц отсутствует. – ISSN 2409–7217.

25. Гайдук, В.В. Модернизация состояния клиентелизма в организации элит стран постсоветского пространства / В.В. Гайдук // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 5 (119). – С. 9–15. – ISSN 2072-3091.

26. Гальченко, А. Авторитарные страны живут лучше своих периферийных демократических соседей / А. Гальченко, А. Тегин // Общество и экономика. – 2022. – № 9. – С. 97–107. – ISSN 0207-3676.

27. Гарбузарова, Е. Роль конституционных реформ в развитии государств Центральной Азии / Е. Гарбузарова // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – № 3. Том 24. – С. 28–39. – ISSN 1403-7068.

28. Гельман, В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе / В.Я. Гельман // Полис. – 2007. – № 2. – С.81-108. – ISSN 1026-9487.

29. Гельман, В.Я. Уроки украинского / В.Я. Гельман // Полис. – 2005. – № 1. – С. 36–49. – ISSN 1026-9487.

30. Гоптарева, И.Б. Гражданское общество в демократическом транзите / И.Б. Гоптарева // Российский научный журнал. – 2020. – Том 63. – С. 76–79. – ISSN 1995-4417.

31. Горбачев, М.В. «Конфликтные модели» трансформации цивилизационных политических проектов: попытка теоретического осмысления / М.В. Горбачев // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 1. – С. 54–61. – ISSN 2409-8965.

32. Даймонд, Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л. Даймонд // Полис. – 1999. – № 1. – С. 10–25. – ISSN 1026-9487.

33. Дмитриева, М.О. Кризис в Казахстане: предварительные итоги, анализ причин, реакции зарубежных партнеров / М.О. Дмитриева, З.В. Давыдов // Известия Восточного института. – 2022. – № 1. – С.112–122. – ISSN 2542-1611.

34. Жетпысбаев, С.К. Казахстанский путь к независимости – путь к демократизации и интеграции / С.К. Жетпысбаев // Вопросы политологии. – 2021. – № 4 (68). Том 11. – С. 1204–1216. – ISSN 2225-8922.

35. Залесны, Я. Конституционализм в Республике Казахстан: генезис, особенности и перспективы / Я. Залесны, И.Ю. Остапович // Антиномии. – 2021. – № 3. Том 21. – С. 125–147. – ISSN 2686-7206.

36. Иванов, И.П. Социально-политическая модернизация Казахстана / И.П. Иванов, С.Ю. Петренко // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № 1 (46). – С. 98–110. – ISSN 2073-4786.
37. Иванов, О.Б. Практическая часть реализации задачи по денацификации Украины / О.Б. Иванов // Конфликтология / nota bene. – 2022. – № 3. – С.1-15. – ISSN 2454-0617.
38. Измайлов, М. Зачем Казахстану нужны досрочные выборы? / М. Измайлов // Colloquium-Journal. – 2022. – № 31–1 (154). – С. 96–97. – ISSN 2520-6990.
39. Казанцев, А.А. Государства-рантье: взаимосвязи экономики и политики / А.А. Казанцев, С.В. Лебедев, С.М. Медведева // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 159–173. – ISSN 1026-9487.
40. Карабущенко, П.Л. Кризис современной политической культуры (деструкция элит политического карнавала) / П.Л. Карабущенко, Л.Я. Подвойский // Век глобализации. – 2022. – № 1 (41). – С. 86–99. – ISSN 1994-9065.
41. Карпович, О. Центральная Азия: трудный путь политического развития / О. Карпович // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – № 4. Том 24. – С. 43–52. – ISSN 1403-7068.
42. Ковтун, Е.А. Проблема типологий политических систем и режимов в отечественной политической науке / Е.А. Ковтун // Форум молодых ученых. – 2021. – № 4 (56). – С. 185–191. – ISSN 2500-4050.
43. Коргунюк, Ю.Г. Организация выборов и уровень демократии: кросс-национальный аспект / Ю.Г. Коргунюк, О.С. Морозова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 1. Том 15. – С. 277–297. – ISSN 2542-0240.
44. Кошкин, А. К вопросу о политэкономических детерминантах протестов января 2022 года в Казахстане / А. Кошкин // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2022. – № 5. Том 1. – С. 74–84. – ISSN отсутствует.

45. Кузьминов, Я. Институты: от заимствования — к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27. – ISSN 0042-8736.

46. Кулакова, Т.А. Сети против иерархий или новые иерархии? возможности и ограничения сетевого подхода в управлении публичной политикой / Т.А. Кулакова, В.Ю. Пашкус, А.В. Волкова // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – С. 40–44. – ISSN 1818-3395.

47. Куртов, А. Демократия выборов в Казахстане: Авторитарная эволюция / А. Куртов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 2. – С. 2–10. – ISSN 1560-7828.

48. Кынев, А. Эффекты «майдана»: Политическая система Украины после кризиса 2004 года / А. Кынев // Полис. – 2005. – № 1. – С. 63–71. – ISBN 0321-2017.

49. Летняков, Д.Э. «Неподатливые структуры»: в поисках посттранзитологической парадигмы для постсоветского пространства / Д.Э. Летняков // Полилог. – 2020. – № 1. Том 4. – С. 1–7. – ISSN 2587-7011.

50. Летняков, Д.Э. Концептуализация режимных трансформаций на постсоветском пространстве: некоторые промежуточные итоги / Д.Э. Летняков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – № 3. Том 13. – С. 374–393. – ISSN 1995-0055.

51. Линц, Х. Государственность, национализм и демократизация / Х. Линц, А. Степан // Полис. – 1997. – № 5. – С. 9–30. – ISBN 0321-2017.

52. Липчанская, М.А. Представительная функция институтов представительной демократии: проблемы реализации на современном этапе / М.А. Липчанская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 2 (58). – С. 16–27. – ISSN 2072-3016.

53. Макаренко, Б. «Цветные революции» в контексте демократического транзита / Б. Макаренко // Мир перемен. – 2005. – № 3.

– С. 107–124. – ISSN 2073-3038.

54. Максимцев, И.А. Теория периферийного капитализма: к вопросу о применимости латиноамериканской модели к странам Прибалтики: опыт междисциплинарного анализа / И.А. Максимцев, Н.М. Межевич, Н.П. Сирота // Балтийский регион. – 2020. – № 2. Том 12. – С. 100–117. – ISSN 2074-9848.

55. Маркаров, А. Полупрезиденциализм в контексте постсоветской трансформации / А. Маркаров // Политэкс. – 2006. – № 2. – С. 279–288. – ISSN 1818-4499.

56. Махмутова Е.В. Децентрализация в неопатримониальной демократии: Преимущества, недостатки и путь к потенциальному Миру / Е.В. Махмутова, Р. Окумбеков // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – № 3. Том 13. – С. 39–43. – ISSN 2226-7867. – Текст : электронный. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43. – URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/827/0> (дата обращения: 23.06.2023).

57. Медлярский, В.А. Некоторые аспекты процесса правовой институционализации политических режимов / В.А. Медлярский // Национальный вестник Республики Крым. – 2022. – № 1. – С. 139–143. – ISSN 27826295.

58. Мельников, К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа / К.В. Мельников // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 210–238. – ISSN 1998-1775.

59. Мельников, К.В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек / К.В. Мельников // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 68–81. – ISBN 1026-9487.

60. Мельников, К.В. Неопатримониализм в контексте типологии политических режимов / К.В. Мельников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2017. – Выпуск 3. Том 17. – С. 51–66. – ISBN 1818-0566.

61. Музаев, М.З. Сингапурский опыт экономического развития /

- М.З. Музаев // ФГУ Science. – 2021. – № 4 (24). – С. 144–149. – ISSN 2687-1602.
62. Муртазин, Р.А. Особенности трансформации российских политических элит после распада Советского Союза / Р.А. Муртазин // Вопросы политологии. – 2020. – № 8 (60). Том 10. – С. 2451–2456. – ISSN 2225-8922.
63. Наронская, А.Г. Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт) / А.Г. Наронская // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – № 1 (185). Том 14 – С. 86–91. – ISSN 2227–2291.
64. Нурпеисов, С.А. Торговля людьми как современная форма рабства / С.А. Нурпеисов // International Law Journal. – 2022. – № 2. Том 5. – С. 166–171. – ISSN 1815–1337.
65. Оболонский, А.В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы / А.В. Оболонский // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 4 (9). – С. 87–101. – ISSN 2587-7666.
66. Окумбеков, Р. Неопатримониализм в современной политической практике / Р. Окумбеков // Научно образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2021. – № 3. – ISSN 2658-4964. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://stud.net.ru/neopatrimonializm-v-sovremennoj-politicheskoy-praktike/> (дата обращения: 19.09.2023).
67. Окумбеков, Р. Неопатримониализм в странах постсоветского пространства / Р. Окумбеков // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – Выпуск 5 (73). Часть 5. – С. 117–122. – ISSN 2524-0986. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46322691> (дата обращения: 19.09.2023).
68. Окумбеков, Р. Неопатримониализм как политико-экономическая система / Р. Окумбеков. // Московский экономический журнал. – 2022. – № 1. – С. 515–523. – ISSN 2413-046X. – Текст : электронный. – DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_1_27. – URL: <https://qje.su/wp-content/uploads/2022/02/Nomer-1-2022-Arhiv.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

69. Окумбеков, Р. Основные черты неопатримониализма и пути дальнейшего развития в Республике Казахстан / Р. Окумбеков // Вопросы политологии. – 2022. – № 2 (78). – С. 581–588. – ISSN 2225–8922.

70. Окумбеков, Р. Трансформация политического режима в Казахстане / Р. Окумбеков // Социально-политические науки. – 2022. – № 2. Том 12. – С. 27–32. – ISSN 2310-7065. – Текст : электронный. – DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-2-33-39. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48501032_21294991.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

71. Окумбеков, Р. Транзитный Казахстан – новая модель «второй республики» / Р. Окумбеков // Самоуправление. – 2022. – № 3 (131). – С. 579–582. – ISSN 2221-8173. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. <http://samupr.ru/wp-content/uploads/2022/06/03-2022.pdf> (дата обращения: 19.09.2023)

72. Окумбеков, Р. Неопатримониализм в Центральной Азии – факторы и предпосылки консервации режима / Р. Окумбеков // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – № 1 (94). Том 13. – С. 282–290. – ISSN 2226–8596.

73. Олимова, С. Общественное мнение, демократия и авторитаризм в Центральной Азии / С. Олимова, М. Олимов // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – № 2. Том 17. – С. 158–178. – ISSN 1403–7068.

74. Ольховская, Д.А. Конституционная реформа Республики Казахстан / Д.А. Ольховская // Моя профессиональная карьера. – 2022. – № 41. Том 2. – С. 225–227. – ISSN 2658–7998.

75. Оставная, А.Н. Страны Балтии как новые направления миграции из Беларуси, Казахстана, Молдовы и Таджикистана / А.Н. Оставная, Е.В. Масленкова, А.Х. Рахмонов, Д.А. Жампеисов // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – № 2. Том 2. – С. 210–233. – ISSN 2782–2303.

76. Плигин, В.Н. Конституционные основы легитимности власти / В.Н. Плигин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020.

– № 8. – С. 20–26. – ISSN 1813–1247.

77. Притчин, С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа / С.А. Притчин // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2021. – № 4. – Том 13. – С. 7–42. – ISSN 2076–7404.

78. Растоу, Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д.А. Растоу // Полис. – 1995. – № 5. – С. 5–15. – ISSN 1026–9487.

79. Сальников, В. И. Особенности политического транзита на постсоветском пространстве (на примере ПМР и ДНР) / В.И. Сальников, Е.В. Котов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – № 2. – Том 16. – С. 95–106. – ISSN 2073–2929.

80. Сауткина, В.А. Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность / В.А. Сауткина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – № 2. Том 20. – С. 70–85. – ISSN 2619-0567.

81. Сорокина, М.А. Стратегии выживаемости автократов / М.А. Сорокина // Образование и право. – 2022. – № 6. – С. 11–15. – ISSN 2076–1503.

82. Теобальд, Р. Патримониализм / Р. Теобальд // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С.166-176. – ISSN отсутствует.

83. Токарев, А.А. Институциональные реформы как фактор транзита власти в авторитарных режимах на примере Китая, Ирана и постсоветских стран / А.А. Токарев // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 165–186. – ISSN 1998–1775.

84. Филин В.В. О некоторых вопросах совершенствования административного законодательства Республики Казахстан в свете послания президента / В.В. Филин, А.Х. Феткулов, М.Б. Рахимгулова, К.А. Байкенжина // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 145–148. – ISSN 2073–4506.

85. Фисун, А. Политическая экономия «цветных революций»:

Неопатримониальная интерпретация / А. Фисун // Прогнозис. – 2006. – № 3. – С.211-244. – ISSN отсутствует.

86. Фисун, А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология / А. Фисун // Отечественные записки. – 2007. – № 6. Том 39. – С. 34–56. – ISSN 1683-5581.

87. Хейл, Г. Президентский режим, революция и демократия / Г. Хейл // Pro et Contra. – 2008. – № 1. – С. 6–21. – ISSN отсутствует.

88. Чекменев, Д.С. Политическая элита как субъект и объект общественно-политического дискурса / Д.С. Чекменев // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 264–266. – ISSN 2542-0747.

89. Шаблинский, И.Г. Сменяемость власти при авторитарных режимах: условия, варианты / И.Г. Шаблинский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 5 (138). – С. 13–25. – ISSN отсутствует.

90. Шавардова, Е.Ю. Политический язык как средство формирования имиджа лидера / Е.Ю. Шавардова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – № 1. Том 6. – С. 137–145. – ISSN 2413–1695.

91. Шкель, С.Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии / С.Н. Шкель // Полития. – 2016. – № 4 (83). – С. 94–107. – ISSN 2078-5089.

92. Юсупов, А.К. Роль гражданской активности в демократизации общества / А.К. Юсупов // Вопросы политологии. – 2020. – № 9 (61). Том 10. – С. 2709–2716. – ISSN 2225-8922.

Электронные ресурсы

93. Гасымов, Н. Выборы президента Узбекистана пройдут досрочно / Н. Гасымов // Газета «Ведомости». – Текст : электронный. – URL:

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/10/974302-vibori-prezidenta-uzbekistana-proidut-dosrochno> (дата обращения: 09.05.2023).

94. Жолдошев, К. Реальна ли угроза сепаратизма в Кыргызстане? / К. Жолдошев // Радио Азаттык. – 2012. – Текст : электронный. – URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_uzbek_alisher_sabirov/24610631.html (дата обращения: 27.04.2020).

95. Как готовился транзит власти в Казахстане. // ИА REGNUM. – Текст : электронный. – URL: <https://regnum.ru/article/2597459> (дата обращения: 27.04.2022).

96. Какие поправки в Конституцию выносятся на референдум - полный текст // Сетевое издание «Интернет ресурс Tengrinews». – Текст : электронный. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-popravki-konstitutsiyu-vyinosyatsya-referendum-polnyiy-468100/ (дата обращения: 27.03.2023).

97. Молодежь Центральной Азии. Сравнительный обзор // Исследовательский институт «Общественное мнение». – Текст : электронный. – URL: <https://opinions.kz/ru/issledovaniya/molodezh-tsentralnoj-azii> (дата обращения: 23.09.23)

98. Новый подход к анализу предвыборных программ казахстанских политических партий // QMonitor. – Текст : электронный. – URL: <https://qmonitor.kz/news/4825?fbclid=IwAR0oSE8m76Mt1TUGQaXkIPifpxO7D6GAdGXiJ19zqnFetR16ZjPCZTwhsg> (дата обращения: 20.02.2023).

99. Об установлении итогов выборов депутатов Мажилиса Парламента РК : Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан. – Текст : электронный. – URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8922>. (дата обращения: 15.01.2023).

100. О партии : Официальный сайт Общенациональной социал-демократической партии Казахстана. – Текст : электронный. – URL: <https://osdp.kz/ru> (дата обращения: 09.02.2023).

101. Об итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 9 июня 2019 года : Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан. – Текст : электронный. – URL: <https://www.election.gov.kz/rus/> (дата обращения: 25.12.2022).

102. Политическая трансформация // ВТИ 2024 Country Report. – Текст : электронный. – URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/KAZ> (дата обращения: 23.04.24)

103. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана : Официальный сайт Президента РК. – Текст : электронный. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana/ (дата обращения: 20.02.2023).

104. Послания. Выступления : официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Текст : электронный. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/>; (дата обращения: 20.04.2024).

105. Правовые акты : официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Текст : электронный. – URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/; (дата обращения: 21.04.2024).

106. Сильный президент – влиятельный парламент: о чем говорил Токаев с депутатами VIII созыва // Новостное сетевое агентство Sputnik Казахстан. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20230329/silnyy-prezident---vliyatelnyy-parlament-o-chem-govoril-tokaev-na-i-sessii-parlamenta-33405940.html>. (дата обращения: 29.03.2023).

107. World Values Survey Wave 7 (2017-2022) // World Values Survey site – Текст : электронный. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 18.02.2023).

108. 100 за 5: Главные инициативы Токаева на посту Президента // Проект sayasat.kz. – Текст : электронный. – URL: <https://sayasat.kz/post/100-za-5> (дата обращения: 29.04.2024).

Источники на иностранном языке

109. A critical reader in Central Asian studies: 40 years of Central Asian survey / Edited by Rico Isaacs. – London : Routledge, 2022. – 312 p. – ISBN 1032060190.

110. Acemoglu, D. The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty / D. Acemoglu, J.A. Robinson. – Penguin Books. – 2020, 576 p. – ISBN 0735224390.

111. Africa: dilemmas of development and change / Edited by Peter Lewis. – New York : Routledge, 2018. – 376 p. – ISBN 042998216X.

112. African intelligence services: early postcolonial and contemporary challenges / Edited by Ryan Shaffer. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2021. – 287 p. – ISBN 978-1538150825.

113. Arriola, L.R. Patronage and Political Stability in Africa / L.R. Arriola // Comparative political studies. – 2009. – № 10. Volume 42. – P. 1339-1362. – ISSN отсутствует.

114. Ayelazuno, J.A. Between the Africa Mining Vision and the neopatrimonial state: The agency gap in Ghana's regulation of artisanal and small-scale gold mining / J.A. Ayelazuno // The South African journal of international affairs. – 2021. Volume 28 (4). – P. 555-582. – ISSN 1022-0461.

115. Bach, D.C. L'État néopatrimonial: Genèse et trajectoires contemporaines / D.C. Bach, M. Gazibo. – University of Ottawa Press, 2011. – 377 p. – ISBN 978-2-7603-1964-6.

116. Bach, D. Neopatrimonialism in Africa and Beyond / D. Bach, M. Gazibo. – London : Routledge, 2011. – 272 p. – ISBN 9780203145623.

117. Bach, D. Patrimonialism and neopatrimonialism: comparative trajectories and readings / D. Bach // Commonwealth & comparative politics. – 2011. – № 3. Volume 49. – P. 275-294. – ISSN 1466-2043.

118. Bessant, J. Democracy Bytes New Media, New Politics and Generational Change / J. Bessant. – Palgrave Macmillan, 2014. – 336 p. – ISBN

1137308257.

119. Blackwood, M.A. Parliamentary elections in Kazakhstan / M.A. Blackwood. – Washington, D.C. : Congressional Research Service, 2021. – 56 p. – ISBN отсутствует.

120. Book review: Political parties, party systems and democratization in East Asia // Democratization. – 2012. – № 1. Volume 19. – P. 152-155. – ISBN 9814327948.

121. Bourmaud, D. L'Etat centrifuge au Kenya / D. Bourmaud // L'Etats d'Afrique noire: formations, me'canismes et crise. – 1991. – P. 241-275. – ISBN 2708705350.

122. Bourne, A.K. Democratization and the illegalization of political parties in Europe / A.K. Bourne // Democratization. – 2012. – № 6. Volume 19. – P. 1065-1085. – ISSN 1351-0347.

123. Bratton, M. Democratic Experiments in Africa / M. Bratton, N. Van de Walle. – Cambridge University Press, 1997. – 326 p. – ISBN 9781139174657.

124. Brossier, M. Imaginaires et pratiques de la famille et du politique en Afrique: sortir du tout néopatrimonial par un dialogue «indiscipliné» / M. Brossier // Cahiers d'études africaines. – 2019. – № 234. – P. 323-358. – ISBN 978-2-7132-2779-0.

125. Burnell, P. International Politics and National Political Regimes Promoting Democracy – Promoting Autocracy / P. Burnell, O. Schlumberger. – Routledge, 2012. – 130 p. – ISBN 1317978102.

126. Capitalism and democracy: Schumpeter revisited / Edited by Richard D. Coe and Charles K. Wilber. – Notre Dame, Ind. : University of Notre Dame Press, 1985. – 190 p. – ISBN 0268007500.

127. Caron, J.-F. Kazakhstan and the Soviet Legacy: Between Continuity and Rupture / J.-F. Caron. – Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2019. – 167 p. – ISBN 978-981-13-6692-5.

128. Caron, J.-F. Understanding Kazakhstan's 2019 Political Transition /

J.-F. Caron. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2021. – 216 p. – ISBN 9813343109.

129. Case, W. Executive accountability in Southeast Asia: The role of legislatures in new democracies and under electoral authoritarianism / W. Case // Policy Studies. – 2011. – № 57. – P. 14-18. – ISBN 1932728880.

130. Cengiz, F.C. Proliferation of neopatrimonial domination in Turkey / F.C. Cengiz // British journal of Middle Eastern studies. – 2020. – № 4. – Volume 47. – P. 507-525. – ISSN 1353-0194.

131. Chaisty, P. Rethinking the «presidentialism debate»: Conceptualizing coalitional politics in cross-regional perspective / P. Chaisty, N. Cheesman, T. Power // Democratization. – 2014. – № 21 (1). – P. 72-94. – ISSN 1351-0347.

132. Clapham, C. Third World Politics / C. Clapham. – Madison : University of Wisconsin Press, 1985. – 197 p. – ISBN 029910334X.

133. Clientelism and democratic representation in comparative perspective / Edited by S. Ruth-Lovell, M. Spirova. – Colchester : ECPR Press, 2019. – 183 p. – ISBN 1785523007.

134. Collins, K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia / K. Collins. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 376 p. – ISBN 0521114667.

135. Colton, T.J. Transitional citizens: voters and what influences them in the new Russia / T.J. Colton. – Cambridge : Harvard UP, 2000. – 324 p. – ISBN 0674001532.

136. Coman, R. Anti-liberal ideas and institutional change in Central and Eastern Europe / R. Coman // European politics and society. – 2023. – № 1. – P. 5-21. – ISSN 2374-5118.

137. Coming to terms with neopatrimonialism: Soviet and American nation-building projects in Afghanistan // Central Asian survey. – 2010. – № 2. Volume 29. – P. 171-187. – ISSN 0263-4937.

138. Comparing autocracies in the early Twenty-first Century. Volume 1: Unpacking Autocracies. Explaining Similarity and Difference / Edited

by A. Croissant, S. Kailitz, P. Koellner, S. Wurster. – Routledge, 2014. – 210 p. – ISBN 0415719348.

139. Cromwell, E. Neopatrimonialism and Policy Processes: Lessons from the Southern African Food Crisis / E. Cromwell, A. Chintedza // *IDS Bulletin*, 2005. – Volume 1. Issue 36. – P. 103-108. – ISSN 0265-5012.

140. Crook, R.C. Patrimonialism, administrative effectiveness and economic development in Côte d'Ivoire / R.C. Crook // *African Affairs*. – 1989. – № 88 (351). – P. 205-228. – ISSN 00019909.

141. Decalo, S. African Personal Dictatorships / S. Decalo // *The Journal of Modern African Studies*. – 1985. – № 2. Volume 23. – P. 209-237. – ISSN 0022278X.

142. Demir, C.E. The Role of Turkish Schools in the Educational System and Social Transformation of Central Asian Countries: The Case of Turkmenistan and Kyrgyzstan / C.E. Demir, A.F. Balci // *Central Asian Survey*. – 2000. – № 19. – P. 141-155. – ISSN 0263-4937.

143. Demmelhuber, T. Decentralization in the Arab world: Conceptualizing the role of neopatrimonial networks / T. Demmelhuber // *Mediterranean politics*. – 2020. – № 4. Volume 25. – P. 499-521. – ISSN 1362-9395.

144. Dibia, J. Development and diffusionism: looking beyond neopatrimonialism in Nigeria, 1962-1985 / J. Dibia. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – 216 p. – ISBN 1349449385.

145. Dilemmas of change in Soviet politics / Edited by Z. Brzezinski. – New York : Columbia University Press, 1969. – 163 p. – ISBN 0231086288.

146. Dix, R. Populism: Authoritarian and Democratic / R. Dix // *Latin American Research Review*. – 1985. – № 2. Volume 20. – P. 29-52. – ISSN 0023-8791.

147. Doidge, M. «Either Everyone Was Guilty or Everyone Was Innocent»: The Italian Power Elite, Neopatrimonialism, and the Importance of Social Relations

/ M. Doidge // Journal of sport and social issues – 2018. – № 2. Volume 42. – P. 115-131. – ISSN 01937235.

148. Domingues, J.M. Critical theory and political modernity / J.M. Domingues. – Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. – 412 p. – ISBN 978-3-030-02000-2.

149. Dorasamy, N. Public Procurement, Corruption and the Crisis of Governance in Africa / N. Dorasamy, O. Fagbadebo. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2021. – 298 p. – ISBN 303063857X.

150. Driscoll, B. Big Man or Boogey Man? The concept of the Big Man in political science / B. Driscoll // The journal of modern African studies. – 2020. – Volume 58. Issue 4. – P. 521-550. – ISBN 0022278X.

151. Eisenstadt, S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism / S.N. Eisenstadt. – London : Sage, 1973. – 393 p. – ISBN 0803903715.

152. Englebert, P. State Legitimacy and Development in Africa / P. Englebert. – Boulder : Lynne Rienner, 2000. – 532 p. – ISBN 1555878644.

153. Erdmann, G. Neopatrimonialism Revisited – Beyond a Catch-All Concept / G. Erdmann, U. Engel // Working Papers, 2006. – 117 p. – ISBN отсутствует.

154. Ersin, O. The International Constraints on Regime Changes. How Globalization Hinders the Prospects for Democratization / O. Ersin. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, 2010. – 204 p. – ISBN 3531169866.

155. Eurasian politics: ideas, institutions and external relations / Editors: A.P. Tulsiram, by International Seminar on Eurasian Politics: Ideas, Institutions and External Relations (2012. Jawaharlal Nehru University) – New Delhi, India : KW Publishers, 2013. – 352 p. – ISBN отсутствует.

156. European Governance A White Paper // The European commission. – Текст : электронный. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_01_10 (дата обращения: 25.05.2023).

157. Fauré, Y.-A. L'Etat business et les politiciens entrepreneurs: neo-

patrimonialisme et Big Men: économie et politique / Y.-A. Fauré, J.F. Médard // *Entreprises et entrepreneurs africains*. – 1995. – P. 289-309. – ISBN 2-86537-5307.

158. Ferrara, F. *The development of political institutions: power, legitimacy, democracy* / F. Ferrara, A. Arbor. – University of Michigan Press, 2022. – 203 p. – ISBN 9780472132836.

159. Fish, M.S. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics* / M.S. Fish. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 316 p. – ISBN 0521853613.

160. Fisun, O. *Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective* / O. Fisun // *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. – 2012. – Part 2. Volume 20. – P. 87-96. – ISSN 1074-6846.

161. Friedman, S. *The «science» of superiority: Africa and scholarly colonial assumptions* / S. Friedman // *Journal of contemporary African studies*. – 2018. – Volume 36. Issue 4. – P. 449-463. – ISSN 0258-9001.

162. Fukuyama, F. «The End of History?» / F. Fukuyama // *The National Interest*. – 1989. – № 16. – P. 3-18. – ISSN 08849382.

163. Gerschenkron, A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays* / A. Gerschenkron. – Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 1962. – 456 p. – ISBN 0674226003.

164. Geyikci, S.Y. *Party (de)institutionalization in times of political uncertainty: The case of the Justice and Development Party in Turkey* / S.Y. Geyikci, H. Yavuzylmaz // *Party politics*. – 2020. – № 1. Volume 28. – P. 71-84. – ISSN 13540688.

165. Giraudy, A. *The Impact of Neopatrimonialism on Poverty in Contemporary Latin America* / A. Giraudy // *Latin American politics and society*. – 2020. – № 1. Volume 62. – P. 73-96. – ISSN 1531-426X.

166. Gurses, M. *Weak States, Regime Types, and Civil War* / M. Gurses, T.D. Mason // *Civil wars*. – 2010. – № 1-2. Volume 12. – P. 140-155. – ISSN 1369-8249.

167. Hale, H.E. *Democracy or autocracy on the march? The colored*

revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism / H. E. Hale // Communist and Post-Communist Studies. – 2006. – № 3. – P. 305-329. – ISSN 0967-067X.

168. Hale, H.E. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective / H.E. Hale // George Washington University, New York : Cambridge University Press, 2015. – 538 p. – ISBN 1107423139.

169. Hopper, T. Neopatrimonialism, good governance, corruption and accounting in Africa: Idealism vs pragmatism / T. Hopper // Journal of accounting in emerging economies. – 2017. – Volume 7. Issue 2. – P. 225-248. – ISSN 2042-1168.

170. Huntington, S.P. Democracy's Third Wave / S.P. Huntington // The Journal of Democracy. – 1991. – № 2. – P. 12-34. – ISSN 1086-3214.

171. Huntington, S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics / S.P. Huntington // Comparative Modernization: A Reader. – New York : Free Press. – 1976. – P. 25-61. – ISBN 9781351319645.

172. Huskey, E. The Rise of Contested Politics in central Asia: Elections in Kyrgyzstan, 1989-1990 / E. Huskey // Europe-Asia Studies. – 1995. – № 5. – P. 813-833. – ISSN 0966-8136.

173. Insebayeva, S. The Power of Ambiguity: National Symbols, Nation-Building and Political Legitimacy in Kazakhstan / S. Insebayeva // Europe-Asia studies. – 2022. – Volume 74. Issue 4. – P. 660-682. – ISSN 0966-8136.

174. Ilkhamov, A. Neopatrimonialism, interest groups and patronage networks: the impasses of the governance system in Uzbekistan / A. Ilkhamov // Central Asian Survey. – 2007. – № 1. – P. 65-84. – ISSN 0263-4937.

175. Isaacs, R. Political opposition in authoritarianism: exit, voice and loyalty in Kazakhstan / R. Isaacs. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2022. – 254 p. – ISBN 978-3031065354.

176. Jabri, V. War and the Transformation of Global Politics / V. Jabri. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2022. – 230 p. – ISBN 0230006574.

177. Jebnoun, N. Modern Middle East Authoritarianism Roots,

Ramifications, and Crisis / N. Jebnoun, M. Kia, M. Kirk. – Routledge, 2015. – 304 p. – ISBN 0415845009.

178. Junisbai, B. Regime type versus patronal politics: a comparison of «ardent democrats» in Kazakhstan and Kyrgyzstan / B. Junisbai, A. Junisbai // Post-Soviet affairs. – 2019. – Volume 35. Issue 3. – P. 240-257. – ISSN 1060-586X.

179. Karimov, I. Uzbekistan on the Threshold of the Twenty-First Century / I. Karimov. – New York : St. Martin's Press, 1998. – 196 p. – ISBN 0312213689.

180. Kaulingfreks, F. Uncivil Engagement and Unruly Politics / F. Kaulingfreks. – Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2015. – 240 p. – ISBN 1137480955.

181. Khan, F. Neopatrimonialism and corruption: towards a new common sense / F. Khan // Journal of contemporary African studies. – 2018. – Volume 36. – № 4. – P. 553-562. – ISSN 0258-9001.

182. Kirschke, L. Semipresidentialism and the Perils of Power-Sharing in Neopatrimonial States / L. Kirschke // Comparative political studies. – 2007. – № 11. Volume 40. – P. 1372-1394. – ISSN 0010-4140.

183. Koljević Griffith, B.N. Rethinking democracy in twenty-first century Europe: The role of ancient democracy / B.N. Koljević Griffith // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. – 2020. – № 4. Volume 36. – P. 700-708. – ISSN 2542-2278.

184. Kubbe, I. Corruption and Informal Practices in the Middle East and North Africa / I. Kubbe, A. Varraich. – Routledge, 2019. – 240 p. – ISBN 978-0367422264.

185. Kudaibergenova, D.T. Authors and Authoritarianism in Central Asia: Failed Agency and Nationalising Authoritarianism in Uzbekistan and Kazakhstan / D.T. Kudaibergenova // Asian studies review. – 2018. – Volume 42. Issue 2. – P. 304-322. – ISSN 1035-7823.

186. Laruelle, M. Discussing Neopatrimonialism and Patronal Presidentialism in the Central Asian Context / M. Laruelle // Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization. – 2021. – № 4. Volume 20. – P. 301-324. –

ISSN 1074-6846.

187. Lee, S.C. Democratization, Political Parties and Korean Welfare Politics: Korean Family Policy Reforms in Comparative Perspective / S.C. Lee // *Government and Opposition: an international journal of comparative politics*. – 2018. – Volume 53. Issue 3. – P. 518-541. – ISSN 0017-257X.

188. Lemarchand, R. The Democratic Republic of the Congo: From failure to potential reconstruction / R. Lemarchand // *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. – 2003. – P. 29-69. – ISBN 978-0-8157-7572-0.

189. Lewis, D. Local Political Consolidation in Bangladesh: Power, Informality and Patronage / D. Lewis, A. Hossain // *Development and Change*. – 2019. – Volume 53. – P. 356-375. – ISSN 0012-155X.

190. Lewis, D. Understanding the Authoritarian State: Neopatrimonialism in Central Asia / D. Lewis // *The Brown journal of world affairs*. – 2012. – Volume 19. Issue 1. – P. 115-130. – ISSN 10800786.

191. Linz, J. Totalitarian and authoritarian regimes / J. Linz. – Boulder : Colorado, Lynne Rienner Publishers, 2000. – 343 p. – ISBN 1555878903.

192. Lo, S. Hong Kong's Indigenous Democracy: Origins, Evolution and Contentions / S. Lo. – Springer. – 2016. – 186 p. – ISBN 1137397144.

193. Luong, J.P. Institutional Changes and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts / J.P. Luong. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 271 p. – ISBN 9780511510199.

194. Lynch, G. *Routledge handbook of democratization in Africa* / G. Lynch, P. Von Doepp. – Abingdon, Oxon. New York : Routledge, 2020. – 479 p. – ISBN 1138081248.

195. Maley, W. Institutional Design, Neopatrimonialism, and the Politics of Aid in Afghanistan / W. Maley // *Asian Survey*. – 2018. – № 6. Volume 58. – P. 995-1015. – ISSN 0004-4687.

196. Marat, E. Post-violence regime survival and expansion in Kazakhstan and Tajikistan / E. Marat // *Central Asian Survey*. – 2016. – Volume 35. Issue 4. – P. 531-548. – ISSN 0263-4937.

197. Matsuzato, K. Semipresidentialism in Ukraine: Institutional Centrist Rampant Clan Politics / K. Matsuzato // *Democratizatsiya*. – 2005. – № 1. – P. 45-58. – ISSN 1074-6846.

198. McDonald, D.P. Stability and Neo-Patrimonial Developmentalism in Gabon: A Comparative Analysis of Equatorial Africa / D.P. McDonald. – Great Britain : University of York, 2021. – 129 p. – ISBN отсутствует.

199. Medard, J.-F. Charles Njonjo: portrait d'un «big man» au Kenya / J.-F. Medard // *L'État contemporain en Afrique*, L'Harmattan. – 1987. – P. 49-87. – ISSN отсутствует.

200. Medard, J.-F. L'État neo-patrimonial en Afrique noire / J.-F. Medard // *L'États d'Afrique*, Karthala. – 1991. – P. 323-353. – ISSN отсутствует.

201. Medard, J.-F. Underdeveloped state in tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism / J.-F. Medard. Edited by C. Clapham // *Private Patronage and Public Power*. – New York : St. Martin's Press. – 1982. – P. 162-192. – ISBN 0861872231.

202. Mehran, W. Neopatrimonialism in Afghanistan: Former Warlords, New Democratic Bureaucrats? / W. Mehran // *Journal of peacebuilding & development*. – 2018. – Volume 13. Issue 2. – P. 91-105. – ISSN 1542-3166.

203. North, D. Institutions, institutional change and economic performance / D. North / Cambridge University Press, 1990. – 190 p. – ISBN 0-521-39416-3.

204. O'Donnell, G. Transition from Authoritarian Rule / G. O'Donnell, P.C. Schmitter // *Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. – Baltimore, London : Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p. – ISBN 9781421410135.

205. Orvis, S. Introducing comparative politics: concepts and cases in context / S. Orvis, C.A. Drogus. – Thousand Oaks, California : CQ Press, 2021. – 618 p. – ISBN 1544374402.

206. Pelke, L. Party institutionalization, authoritarian regime types and women's political equality / L. Pelke // *Contemporary politics*. – 2021. – Volume 27. Issue 4. – P. 461-486. – ISSN 1356-9775.

207. Pitcher, A. Rethinking Patrimonialism and Neopatrimonialism in

Africa / A. Pitcher, M. Moran, M. Johnston // *African Studies Review*. – 2009. – № 1. – Volume 52. – P. 125-156. – ISSN 0002-0206.

208. Political regimes and neopatrimonialism in Central Asia: a sociology of power perspective / Edited by F. Izquierdo-Brichs, F. Serra-Massan Salvador. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2021. – 326 p. – ISBN 978-9811590924.

209. Puljek-Shank, R. Dead letters on a page? Civic agency and inclusive governance in neopatrimonialism / R. Puljek-Shank // *Democratization*. – 2017. – Volume 24. Issue 4. – P. 670-688. – ISSN 1351-0347.

210. Rapport, A. Parties to an alliance: Ideology and the domestic politics of international institutionalization / A. Rapport, B. Rathbun // *Journal of peace research*. – 2021. – № 2. – Volume 58. – P. 279-293. – ISSN 00223433.

211. Rickard, S.J. Incumbents Beware: The Impact of Offshoring on Elections / S.J. Rickard // *British journal of political science*. – 2022. – Volume 52. Issue 2. – P. 758-780. – ISSN 0007-1234.

212. Rojo-Labaien, E. Sport, Statehood and Transition in Europe / E. Rojo-Labaien // *Routledge Research in Sport Politics and Policy*. – 2020. – 300 p. – ISBN 0367500434.

213. Roth, G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States / G. Roth // *World Politics*. – 1968. – № 2. Volume 20. – P. 200-206. – ISSN 0043-8871.

214. Sheldon, W.S. Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism / W.S. Sheldon. – Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2008. – 384 p. – ISBN 069114589X.

215. Siaroff, A. Comparing Political Regimes: A Thematic Introduction to Comparative Politics / A. Siaroff. – North York. Ontario. Canada : University of Toronto Press, 2022. – 352 p. – ISBN 1487525362.

216. Siddarth, D. «We do politics so we can change politics»: communication strategies and practices in the Aam Aadmi Party's institutionalization process / D. Siddarth, R. Shankar, J. Pal // *Information, Communication & Society*. – 2021. – Volume 24. Issue 10. – P. 1361-1381.

– ISSN 1369-118X.

217. Sikk, A. Institutionalisation of Political Parties: Comparative Cases / A. Sikk // Party politics. – 2022. – № 2. – Volume 28. – P. 395-396. – ISSN 13540688.

218. Smith, B. Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World, 1960-1999 / B. Smith // American Journal of Political Science. – 2004. – № 4. – P. 232-246. – ISSN 0092-5853.

219. Snyder, R. The Missing Variable: Institutions and the Study of Regime Change / R. Snyder, J. Mahoney // Comparative Politics. – 1999. – № 32. – P. 103-122. – ISBN 0697391337.

220. Starr, F.S. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. / F.S. Starr // Central Asia, Caucasus Institute Silk Road Studies Program, 2006. – 176 p. – ISBN 91-85473-15-4.

221. Thomson, A. An introduction to African politics / A. Thomson. – London : Routledge, 2010. – 432 p. – ISBN 9781138782846.

222. Tomini, L. Democratizing Central and Eastern Europe Successes and failures of the European Union / L. Tomini. – Routledge, 2015. – 180 p. – ISBN 1138831824.

223. Tripathi, S. Innovations in Governance: Political Theory, Liberal State and Active Democracy / S. Tripathi // Indian journal of public administration. – 2022. – № 3. Volume 68. – P. 473-485. – ISBN 0019-5561.

224. Ugarriza, J. Democratic Deliberation in Deeply Divided Societies / J. Ugarriza, D. Caluwaerts. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – 248 p. – ISBN 1137357800.

225. Vondoepp, P. Judicial politics in new democracies: cases from Southern Africa / P. Vondoepp. – London : Lynne Rienner Publishers, 2009. – 185 p. – ISBN 1588266575.

226. Vries, L. The limits of instrumentalizing disorder: Reassessing the neopatrimonial perspective in the Central African Republic / L. Vries // African affairs. – 2019. Volume 118. Issue 471. – P. 307-327. – ISSN 1468-2621.

227. Way, L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave / L. Way // World Politics. – 2005. – №2. – P. 231-261. – ISSN 0043-8871.

228. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / M. Weber // University of California Press, 1978. – 1469 p. – ISBN 0520035003.

229. Wilson, A. Ukraine's Orange Revolution / A. Wilson. – New Haven, London : Yale University Press, 2005. – 285 p. – ISBN 0300112904.

Приложение А

(информационное)

Сто основных инициатив Президента К. Токаева

Таблица А.1 – Сто основных инициатив Президента К. Токаева

Количество	Инициатива	Описание	Результат
1	2	3	4
1	Вынесение на всеобщее обсуждение и принятие решения по изменению Конституции	Прямое участие граждан в принятии политических решений	Республиканский референдум по внесению поправок в Конституцию 5 июня 2022 года; 77,18% граждан поддержали поправки (из 98 статей Конституции изменения коснулись 33 статьи, 8 из 9 разделов, то есть фактически поменялась 1/3 Конституции)
2	Запрет близким родственникам Президента на занятие политических должностей и в квазигоссекторе	Введение отдельных ограничений в период нахождения в должности президента	Незыблемость равенства перед законом и возможностей для всех граждан. Отход от неопатримониальных практик
3	Введение однократности президентского срока, срок полномочий Главы государства – 7 лет (вместо 5 лет)	Введение ограничений в должности президента	Конституционные нормы кратности и длительности срока полномочий Президента неизменны. Ограничена юридическая возможность повторного участия в президентских выборах
4	Запрет на членство в политической партии Президенту в период своих полномочий	Повышение политической конкуренции, равные условия для развития всех партий	Переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с влиятельным парламентом и подотчётным правительством
5	Обязательный выход из партии председателей и членов Центральной избирательной комиссии, Счетного комитета и Конституционного совета	Заслон на сращивание партийных структур с государственным аппаратом	

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
6	Запрет акимам и их заместителям занимать должности в филиалах партий	Формирование многополюсной партийной системы	Переход от суперпрезидентской формы правления к президентской республике с влиятельным парламентом и подотчётным правительством
7	Запрет на отмены решения акимов областей, городов республиканского значения и столицы; согласование на основе альтернативной кандидатуры на должность акимов областей, городов и столицы с депутатами маслихатов этих регионов и городов	Отказ от чрезмерных президентских полномочий	
8	Сокращение президентской квоты в Сенате с 15 до 10 депутатов	Расширение групп, недостаточно представленных в парламенте	Сокращение возможности главе государства непосредственно влиять на законотворческий процесс
9	Представительство Ассамблеи народа Казахстана (далее - АНК) в верхней палате Парламента	Устранение законодательных коллизий	Упразднение квоты АНК в Мажилисе. Из 10 депутатов президентской квоты - 5 от АНК
10	Введение норм, регулирующих деятельность Сената	Создание сбалансированной парламентской системы	Сенат только одобряет или не одобряет законы, уже принятые Мажилисом, без права принятия законов
11	Расширение функционала Мажилиса	Усиление авторитета и самостоятельности Парламента	Право вносить изменения и дополнения в Конституцию, принимать конституционные законы и не соглашаться с президентом
12	Усиление роли маслихатов	Введена должность Председателя, изменен порядок назначения акимов	Системное усиление субъектности и самостоятельности представительных органов власти
13	Усиление парламентского контроля	Переформатирование функций Счетного комитета	Преобразование Счетного комитета по контролю над использованием республиканского бюджета в Высшую аудиторскую палату

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
14	Переход к смешанной избирательной системе	Избрание депутатов парламента по системе пропорционального представительства по территории единого общенационального избирательного округа; по одномандатным территориальным избирательным округам (70/30) Смешанная модель на выборах маслихатов областей и городов республиканского значения Переход к императивному мандату	Совершенствование избирательной системы. Переход к пропорционально-мажоритарной модели
15	Упрощение процедур регистрации партий	Расширение возможностей для развития партийной системы и свободной политической конкуренции	Снижение регистрационного порога до 5 тысяч человек; минимальная численность региональных представительств уменьшится до 200 человек Сокращение минимальной численности инициативной группы граждан для создания партии с 1000 до 700 человек Увеличение срока проведения учредительного съезда и период формирования филиалов
16	Снижение порога для прохождения политических партий в парламент с 7% до 5%	активизация процесса развития политического пространства в стране	Повышение количества партий в парламенте РК
17	Необходимость включения всех слоев населения в госуправление и обязательного участия в законодательной деятельности лиц с особыми потребностями	Расширение возможностей для всех слоев населения в управлении государством	Введение квоты для женщин, молодежи и лиц с особыми потребностями в избирательных партийных списках и при распределении депутатских мандатов

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
18	Введение прямых выборов глав администраций (акимов) городов районного значения, сел, поселков и сельских округов	Совершенствование избирательной системы. Внедрение мажоритарной модели выборов	Изменения в КЗ «О выборах»; состоялись первые прямые выборы акимов районов и городов областного значения
19	Расширение прав избирателей	Совершенствование избирательной системы	Введение в избирательном бюллетене графы «Против всех»
20	Учреждение Конституционного суда	Институциональное усиление системы сдержек и противовесов; защита конституционных прав граждан	Конституционный суд восстановлен с 1 января 2023 года
21	Закрепление в конституции статуса Уполномоченного по правам человека		Внесены изменения в основной закон
22	Отмена смертной казни		Смертная казнь отменена
23	Закрепление права собственности народа на землю и ее недра, животный и растительный мир и другие природные ресурсы в Конституции и в законах (Гражданский кодекс, Лесной кодекс, Водный кодекс, Кодекс «О недрах и недропользовании»)	Соотношение понятий «Народное достояние» и «Государственная собственность» на богатство земли	Внесение изменений в Конституцию РК. Нивелирование рисков, связанных со спекуляцией политических сил в данном вопросе
24	Закрепление вопроса моратория на продажу и передачу в аренду земель иностранцам	Урегулирование вопросов передачи земли иностранцам сельскохозяйственного назначения	Полный запрет на продажу и передачу в аренду земель сельхозназначения иностранцам
25	Усиление наказания за преступления сексуального характера	Повышение внимания вопросам безопасности и охраны прав женщин детей	Принятие закона, ужесточающего наказание за тяжкие преступления, в числе которых – педофилия и сексуальные действия

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
26	Необходимость ужесточения ответственности за бытовое насилие	Повышение внимания вопросам безопасности и охраны прав женщин детей	Пакет законодательных поправок по укреплению защиты прав женщин и детей. Ужесточение наказания за семейно-бытовое насилие. Административные правонарушения «Побои» и «Причинение вреда здоровью» перевели в разряд уголовных преступлений
27	Создание Национального совета общественного доверия (далее - СНОД)	Прямой диалог власти и гражданского общества. Обсуждение и выработка предложений по дальнейшему развитию страны	Проведено 5 заседаний СНОД 4 заседания Национального курултая Сформирован пакет поправок в Конституцию, законы РК
28	На базе СНОД - новый общественный институт «Ұлттық құрылтай» (Национальный курултай)		
29	Совершенствование административно-территориального устройства страны, образование новых областных центров	Расширение специализации различных ведомств; созданы 5 новых министерств; восстановление ранее существовавших областей и районов.	Оптимизация процесса государственного управления, внутренней миграции. Дальнейшие углубление реформы государственного управления
30	Создание новых министерств и ведомств		
31	Необходимость совершенствования законодательства о митингах	Формирование новой политической культуры, повышение взаимной ответственности и доверия в обществе	Принятие качественно нового закона о митингах
32	Необходимость совершенствования законодательства о СМИ		Принятие качественно нового закона о СМИ
33	Введение института персональной ответственности руководителей за коррупцию подчиненных	Формирование новой политической культуры	Принятие закона. В результате были наказаны более 300 руководителей

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
34	Создание молодежного кадрового резерва	Создание прозрачного социального лифта для молодежи, принципа меритократии	Проект «Президентский молодёжный кадровый резерв» Три набора
35	Принятие закона об общественном контроле	Инициатива по укреплению демократических институтов в Казахстане	Участие гражданского общества в мониторинге и оценке деятельности государственных органов и организаций
36	Введение механизма петиций		
37	Восстановление платежеспособности граждан	Повышение социально-экономического уровня граждан	Принятие закона
38	Поддержание достойной социальной обеспеченности участников и инвалидов ВОВ	Социальная поддержка ветеранов ВОВ	Принят новый Закон «О ветеранах». размер материальной помощи увеличился в среднем в 4 раза и составил 1 млн тенге
39	Поддержание достойной социальной обеспеченности пенсионеров	Социальная поддержка пенсионеров	Повышение размеров пенсий по возрасту на 7%, базовой пенсии и государственных пособий – на 5%
40	Ответственное обращение с животными	Укрепление нравственности и соблюдение принципов гуманности общества при обращении с животными	Принятие закона «Об ответственном обращении с животными»
41	Ужесточение наказания за браконьерство	Усиление ответственности за браконьерство	Законопроект по дальнейшему совершенствованию Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов
42	Снижение утилизационного сбора на автотранспорт и сельхозтехнику	Повышение доступность авто и сельхозтехники для граждан	утилизационный сбор на автотранспорт и сельхозтехнику снижен на 50%
43	Разовая легализация иностранных автомобилей	Снятие социального напряжения	Поправки в Налоговый кодекс Легализовано 206 тысяч иностранных авто
44	Использование единовременных пенсионных выплат граждан на улучшение жилищных условий и лечение	Повышение благосостояния граждан	Включено 1,7 млн казахстанцев Из пенсионного фонда выделено 2 трлн тенге

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
45	Кредитная амнистия для граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации	полное и безоговорочное списание долгов	Всего в 2019–2020 годах в рамках первой кредитной амнистии были погашены займы 578 тысяч граждан на сумму 120 млрд тенге
46	Решение по изъятию неиспользуемых земель	Выявление и изъятию земель, не используемых и выданных с нарушением	Государству возвращено 10,4 млн гектар земли
47	Соблюдение прав граждан в ходе уголовного процесса	Недопущение нарушений прав человека	В исключительную компетенцию прокуроров передано расследование уголовных дел о пытках. Принят и реализуется План комплексных мер по противодействию пыткам и иным недозволенным методам следствия и дознания на досудебной стадии и в уголовно-исполнительной системе на 2023–2024 годы
48	Корректировка системы социального обеспечения	Защита материнства и детства	Увеличение периода выплат по уходу за ребенком до полутора лет
		Монетизирован гарантированный социальный пакет для детей в возрасте от 1 года до 6 лет для получателей АСП	
49		Защита социально уязвимых групп населения	Повышены размеры долгосрочных социальных выплат из системы обязательного социального страхования в среднем на 50% по отношению к 2019 году
50			Для детей из малообеспеченных семей, внедрен гарантированный социальный пакет

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
51	Развитие инклюзивного образования	Защита социально уязвимых групп населения	Дети с особенностями развития могут учиться в общеобразовательных школах, где для них создаются необходимые условия
52	Защита потребителей		Ограничение наложений взысканий на залоговое имущество граждан
53	Реализация жилищной реформы	развитие жилищного строительства, поддержка малоимущих	На новые формы управления перешли более 42 тыс. многоквартирных домов. На форму ОСИ перешли порядка 5 тысяч домов, на форму простого товарищества – более 37 тысяч домов
54			Обеспечение доступным жильем сельских работников Субсидирование не более 50% затрат работодателей, построивших в сельском населенном пункте жилища для своих работников
55			Введено субсидирование аренды для социально уязвимых слоев населения. Выплата охватывает 70 тыс. нуждающихся в жилье и позволяет компенсировать 50% оплаты из государственного бюджета
56	Обеспечение устойчивого развития науки	Повышение качества науки	За последние три года финансирование науки возросло на 62%

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
57			Возвращение государственного статуса Национальной академии наук
58	Обеспечение устойчивого развития науки	Повышение качества науки	Учреждение гранта «Тәуелсіздік ұрпақтары» на реализацию проектов по 5 направлениям: наука, культура, информационные технологии, бизнес, медиа
59			Открытие в Казахстане филиалов зарубежных вузов
60	Обеспечение устойчивого развития образования	Повышение качества образования	В 2 раза возросло количество грантов; планируется увеличение количества грантов до 75 тысяч и выделение 10 тысяч целевых грантов по техническим специальностям для поступающих из густонаселенных регионов
61	Обеспечение устойчивого развития образования	Повышение качества образования	Гранты и премии талантливым школьникам, единовременные денежные выплаты победителям международных олимпиад
62	Образовательные льготы для служащих	Повышение мотивации к военной службе	Бесплатное высшее образование отслужившим в армии; более чем в 70 казахстанских ВУЗах, участвующих в проекте по повышению мотивации срочной воинской службы, начали обучение свыше 600 граждан, отслуживших установленный срок службы

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
63	Увеличение числа квот экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) в 7 раз	Содействие в решении обострившихся семейно-демографических проблем с помощью вспомогательных репродуктивных технологий	Президентская программа «Аңсаған сәби»
64	Повышение заработной платы работников бюджетной сферы. Введение доплат за условия труда	Социальная поддержка работников бюджетной сферы	Повысилась заработная плата работников бюджетной сферы в сравнении с 2019 годом: в сфере культуры и искусства – от 35% до 50%, педагогам – на 25% ежегодно в течение 4 лет, социальным работникам – от 15% до 60%
65	Повышение доходов сельского населения	Программа «Ауыл Аманаты»	В регионах осуществляется микрокредитование сельского населения и сельхозкооперативов. В 2023 году выделены 100 млрд тенге на 17 тысяч микрокредитов, создание более 18 тысяч новых рабочих мест на селе
66	Корректировка системы соцстрахования	Усиление системы поддержки временно нетрудоустроенных граждан	Повышение до 45% от среднемесячного дохода выплаты по потере работы
67	Обеспечение по трудоустройству социально уязвимых слоев населения	Защита социально уязвимых групп населения	Выдано более 9000 грантов (до 400 МРП) предпринимателям, в том числе с особыми потребностями
68	Создание единой системы адресной социальной помощи		Внедрение Цифровой карты семьи и Социального кошелька
69	Реформирование модели социальной поддержки многодетных и малообеспеченных семей	Развитие социальной сферы	Выплата ежемесячного государственного пособия, размер которого зависит от количества детей и отведен от доходов семьи

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
70	Увеличение пенсионных накоплений	поддержка молодого поколения казахстанцев	Введение обязательных пенсионных взносов от работодателей в размере 5%
71	Реформирование модели социальной поддержки семьям, воспитывающим детей с инвалидностью	Защита социально уязвимых групп населения	Введено единое пособие по уходу и сопровождению лиц с I группой инвалидности, разделение детей с 7 лет по группам инвалидности с увеличением получаемых пособий, одновременного получения пособий по инвалидности и по потере кормильца, сохранение очередности на жилье семьям, воспитывающим детей с инвалидностью
72	Обеспечение прав и благополучия детей	меры по защите детей от насилия, профилактике суицида	Принят Комплексный план по защите детей от насилия, превенции суицида
73	Новый подход к бизнесу	Создание пользы для общества	Принятие нового закона о «социальном предпринимательстве»
74	Улучшение условий ведения бизнеса	Упорядочение форм госконтроля и надзора в отношении субъектов бизнеса	Принятие закона по вопросам ведения бизнеса
75	Создание общественного фонда «Қазақстан халқына» (Народу Казахстана)	Оказание адресной помощи конкретным людям, системной помощи группам населения Казахстана	Фонд финансирует свыше 40 благотворительных программ и проектов на общую 146,5 млрд тенге
76	Повышение статуса Общественного Фонда «Народу Казахстана»	Обретение статуса «национального» общественного фонда	Ежегодное перечисление не менее 7% от чистого дохода фонда «Самрук-Казына»
77	Возврат в Казахстан активов, незаконно выведенных из страны	Исключение недобросовестной деятельности монополистов, демонополизация экономики страны	Указ Президента РК. Возвращены в Казахстан более 1 трлн тенге, выявлено 344 объекта движимого и недвижимого имущества, в том числе 131 объект - за рубежом. Получены данные о ценных бумагах стоимостью 448 млрд тенге

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
78	Программа «Нацфонд – детям»	Получение нефтяной ренты напрямую через начисления на счета физических лиц	С 1 февраля 2024 года начали поступать выплаты с 50% от ежегодного инвестиционного дохода Национального фонда отчисляются на специальные накопительные счета детей до достижения ими 18 лет без права досрочного снятия
79	Строительство школ на изъятые у коррупционеров деньги	Открытие Фонда поддержки инфраструктуры образования, который составляют средства, изъятые у коррупционеров	Аккумулировано 151,9 млрд тенге. Финансирование строительства 62 школ на 76,7 тысячи ученических мест на общую сумму 96,5 млрд тенге
80	Призыв об оказании помощи всех представителей отечественного бизнеса в результате паводков в 2024 году	Взращивание культуры социальной ответственности бизнеса	Аккумулировано 10 млрд тенге от юридических лиц и фондов, 100 млн тенге - от населения
81	Повышение заработных плат учителей	Социальная поддержка учителей, студентов педагогического направления учебы	В два раза увеличилась заработная плата учителей, повышены стипендии
82	Повышение стипендий студентам ВУЗов		За 2020–2022 годы увеличены стипендии студентам вузов с 26 186 тенге до 36 660 тенге; студентам педагогических специальностей – с 42 000 тенге до 58 800 тенге; магистрам – с 66 913 тенге до 86 987 тенге; докторантам – со 150 000 тенге до 195 000 тенге
83	Старт программы ArtSport	Подушевое финансирование спортивных секций и творческих кружков	Дополнения в Закон «О культуре и спорте». Дети в возрасте от 4 до 17 лет получили возможность заниматься бесплатно, количество детей, посещающих кружки и секции увеличилось до 70%

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
84	Борьба с производством и распространением синтетических наркотиков	Комплексный план по борьбе с наркоманией и наркобизнесом	Утвержден План по борьбе с наркоманией на 2023–2025 годы; за продажу наркотиков детям – пожизненный срок
85	Борьба с финансовыми пирамидами	Ужесточение уголовного наказания в области борьбы с финансовыми пирамидами	За создание и рекламу финансовых пирамид ужесточена уголовная ответственность
86	Повышение заработной платы олимпийским тренерам	Развитие профессионального спорта	Увеличены размеры пожизненного ежемесячного материального обеспечения спортсменам и тренерам, подготовившим чемпионов и призеров Олимпийских, Паралимпийских, Сурдолимпийских игр и (или) чемпионов мира по олимпийским видам спорта с 24 МРП до 100 МРП
87	Развитие национальных видов спорта	Развитие спорта	Законодательно закреплено внедрение национальных видов спорта в школах, ими по стране занимаются около 500 тысяч человек
88	Материальная добавка учителям физкультуры	Поддержка учителей физического спорта	Введена 100%-ная доплата учителям физической культуры за ведение внеурочных спортивных занятий. Охвачены 26 тысяч учителей физкультуры по республике
89	Поддержка молодежных инициатив в сфере предпринимательства	Развитие бизнеса для молодежи	Увеличены гранты на молодежные стартапы. Размер грантов на бизнес для молодежи увеличен с 200 МРП до 400 МРП – около 1,2 млн тенге

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
90	Вопросы развития образования и здравоохранения	Обеспечение бесплатным питанием школьников	Бесплатное питание в школах и детсадах. С 1 сентября 2023 года во всех регионах 100% детей из СУСН обеспечено бесплатным питанием в государственных дошкольных организациях. Также одноразовым бесплатным питанием охвачено 100% учащихся 1–4 классов государственных организаций образования
91	Стимулирование молодёжного предпринимательства	Поддержка «молодежного» предпринимательства. Формирование новой предпринимательской инициативы	Льготное кредитование молодых предпринимателей под 2,5% годовых. Выдано 3 683 микрокредита (64%) на общую сумму 16,4 млрд тенге; Концепция государственной молодежной политики
92	Поднятие уровня минимальной заработной платы	Внедрение новой методики определения минимальной заработной платы	Повышение зарплаты более 1,1 млн работников бюджетной сферы (в частности, 74 тыс. врачей – в среднем на 30%; 600 тысяч педагогов и учителей – на 25%, 173 тысяч; представителей среднего медицинского персонала – на 20% и других категорий работников бюджетных организаций – на 20%)
93	Поддержка пенсионеров	Перезагрузка пенсионной системы	Планка пенсионного возраста для женщин до 2028 года зафиксирована на уровне 61 года Увеличена совокупная пенсия в среднем на 27%
94	Уменьшение квоты на привлечение иностранной рабочей силы	Защита внутреннего рынка труда	Квота на 2023 год установлена на уровне 22,2 тысяч единиц. По сравнению с 2022 годом она сократилась на 21,5%

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
95	Материальные выплаты населению в период пандемии	Поддержка МСБ, социально не защищенных слоев общества	В период ЧП в 2020 году субъектам МСБ предоставлялась отсрочка платежей по займам и микрокредитам. Предоставлена отсрочка 41,5% заемщиков-субъектов МСБ. Сумма отсроченных выплат по кредитам составила 164,8 млрд тенге
96	Материальные выплаты населению в период пандемии	Поддержка МСБ, социально не защищенных слоев общества	Выделено 6 трлн тенге на поддержку населения во время пандемии. Среди них выплата 42 500 тенге, надбавки и выплаты медикам
97	Решение жилищных вопросов	Программа «Нұрлы жер»	Выдано свыше 20 тысяч льготных займов на общую сумму около 230 млрд тенге
98		Реализация пилотного проекта «5-10-20»	Выделены средства в сумме 180 млрд тенге для строительства и приобретения 15 214 квартир
99	Поддержка малого и среднего бизнеса	Развитие бизнеса	Введение моратория на проверки микро- и малого бизнеса
100	Развитие сервисов портала e-gov.kz	Цифровизация госуслуг	Доступность 20 личных документов граждан в цифровом виде на e-gov и других сервисах, в том числе через вывод на популярные внешние платформы с соблюдением мер по защите персональных данных. Сокращено количество бумажных документов

Источник: составлено автором по материалам [96; 104; 105; 108].